

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»**

На правах рукописи

МЯСНИКОВ Андрей Николаевич

**ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА БЕЛЬГИИ КАК ФАКТОР
СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

Диссертация

на соискание учёной степени кандидата культурологии

Научный руководитель -
доктор философских наук,
профессор М.М. Шибаева

Москва 2019

Оглавление

Введение	3
ГЛАВА 1. Исторический аспект становления и развития праздничной культуры Бельгии.....	16
1.1. Особенности генезиса праздничной культуры Бельгии.....	16
1.2. Лингвокультурный аспект своеобразия праздничной сферы жизнедеятельности бельгийского социума.....	39
ГЛАВА 2. Основные механизмы влияния праздничной культуры на национальное самосознание бельгийского общества	61
2.1. Ритуально-обрядовая традиция как специфический фактор трансляции ценностей народной культуры	61
2.2. Креативно-коммуникативный потенциал праздничных форм культуры	93
Заключение	127
Список литературы	136

Введение

Актуальность темы исследования. Феномен праздника как неотъемлемого элемента национальной культуры заслуживает исследовательского внимания с различных точек зрения. Актуальность изучения праздничной культуры обусловлена прежде всего причинно-следственными аспектами ее постоянной трансформации и необходимостью культурологического анализа реалий этнического и регионального взаимодействия. Актуальный характер обращения к вопросам о роли праздничной культуры в сохранении этнокультурной идентичности в условиях глобализации связан также с тенденциями ослабления конфессиональных и этнических стереотипов.

Проблематика праздничной культуры в современном мире актуализируется и в сфере межличностных и межпоколенческих отношений, а также исторической памяти как важного условия преемственности. Все это наиболее значимо в период всеобщей глобализации, информатизации и в условиях нарастающей угрозы гаджетомании. В данном контексте особую значимость приобретают задачи изучения и анализа праздничной культуры как специфического способа конструирования и формы репрезентации этнонациональной идентичности в многополярном мире.

С этой точки зрения исследовательского внимания заслуживают особенности использования и обогащения праздничных традиций различных стран и народов, включая и Королевство Бельгия. Научная целесообразность изучения феномена бельгийской праздничной культуры обусловлена рядом факторов и прежде всего — особенностями геополитического и лингвистического характера. Важность культурологического анализа специфики коммуникативно-праздничного пространства Королевства Бельгии связана также с потребностями эффективного решения проблем сохранения и укрепления этнокультурной идентичности.

Сложность данных проблем порождается, во-первых, ситуацией размежевания элит национально-этнических групп, во-вторых, их лингвистическими претензиями, в-третьих, сепаратистскими движениями отдельной части населения. Отмеченные моменты в жизнедеятельности бельгийского социума влияют в определенной мере и на его культурное пространство, включая диалектику повседневного и праздничного начал, что также заслуживает анализа в ракурсе культурологического подхода.

С точки зрения задачи сохранения самобытных черт национальной культуры исследовательского внимания заслуживает и комплекс вопросов о воздействии праздничных традиций на социокультурные реалии Королевства Бельгии, которое находится в состоянии политической конфронтации и попытке определить региональную и языковую приоритетность трех регионов страны: Фландрия, Валлония и регион Брюссель-столица. Правомерность обращения к генезису и своеобразию праздничных традиций обусловлена тем, что они издавна и по настоящее время являются наиболее массовым интегративным инструментом в политике государства и представляет собой консолидирующий акт на национальном уровне.

Актуальность исследования связана также с научной целесообразностью типологизации бельгийских праздников, которая способствует выявлению различных и общих сторон проявления креативно-коммуникативного потенциала праздничных форм культуры¹.

Степень научной разработки проблемы.

К исследованию праздника как специфического явления культуры обращались представители различных сфер гуманитарного знания и творческих практик. В процессе теоретической разработки темы диссертационного исследования нами были изучены научные публикации, отражающие разнообразие концептуальных подходов к проблематике праздничной культуры.

Для определения круга исследовательских задач важное значение имели фундаментальные исследования, посвященные природе и функциональному

¹ Данный аспект исследования имеет не только теоретическую, но и практическую значимость.

назначению праздника и других зрелищных форм культуры. К ним следует отнести прежде всего научные труды С.Б. Адоньевой, Т.П. Ванченко, И.В. Гужовой, О.Л. Орлова, А.И. Мазаева, Е.В. Сальниковой, Н.А. Хренова, С.В. Юрловой и других исследователей. Эвристической ценностью обладают и работы зарубежных ученых, рассматривавших с определенных методологических позиций различные аспекты праздничной культуры: Р. Генона, К. Жигульского, Р. Кайуа, Х. Кокса и др. Особое место в пространстве современной культурологии занимают научные публикации по проблемам теории и истории культуры, в ряду которых – работы Л.А. Абрамяна, С.С. Аверинцева, А.И. Арнольдова, А.А. Аронова, А.В. Костиной, Д.С. Лихачева, И.Н. Лавриковой, В.Я. Проппа, Э.В. Соколова, В.Н. Топорова, О.М. Фрейденберга, Г.А. Шагояна, М.Н. Энштейна, и др. Труды, связанные с изучением сакрального контекста праздничного феномена Ж. Батайя (теория сакральности), Р. Жирара (феномен священного и насилия); праздник, с точки зрения его мифологической ритуальной природы, в работах Л. Леви-Брюля, М. Мосса, В. Тернера, Э. Фромма; рассмотрение праздника в психоаналитическом контексте К. Юнгом и др., а также идея экзистенциального обоснования праздника, предложенная в работе «Экзистенциальный смысл праздника» М.А. Слюсаренко.

Важное значение для раскрытия темы диссертации имеют концептуальное понимание праздника, изложенное М.М. Бахтиным в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса», а также другие труды ученых, которых концепция М. Бахтина вдохновила на изучение праздничной культуры: А. Белкин «Русские скоморохи»; А. Вулис «Метаморфозы комического», Н.М. Закович «Советская гражданская обрядность»; П.П. Кампарс, Д.С. Лихачев, А.М. Панченко «Смеховой мир» Древней Руси»; В.Я. Пропп «Проблемы комизма и смеха»; и многие другие.

Многогранность диссертационного «поля проблем» обусловила научную целесообразность изучения ряда концептуальных подходов к объекту и предмету исследования. Это: *философско-культурная* (миросозерцательная) концепция (М.М. Бахтин, А.А. Белкин, Л.С. Лаптева, Д.С. Лихачев, А.И. Мазаев, А.М.

Панченко и др.); **игровая концепция** (Х-Г. Гадамер, Е. Финк, И. Хейзинга и др.); **рекреативная** концепция (Н.И. Мизов, С.Т. Токарев и др.); **трудовая** концепция (В.Я. Пропп, В.И. Чичеров и др.); **мифологическая** (или *религиозно-обрядовая*) концепция (А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня и др.); **школа заимствования**, как разновидность мифологической концепции (Е.В. Аничков, А.Н. Веселовский, В.Ф. Миллер и др.); **эмпирико-описательная** концепция (И.М. Снегирев, А.П. Сахаров, А.В. Терещенко и др.).

При осмыслении отсеченных концептуальных подходов к сущности и назначению праздника выявилось отсутствие на сегодняшний день общепринятой дефиниции этого явления: каждый ученый обозначает и рассматривает его в соответствии с поставленной целью и очерченными задачами своего исследования. В связи с этим трудно не согласиться с таким авторитетным специалистом в сфере праздничной культуры, как Д.М. Генкин: «Праздник вообще – такое сложное, многостороннее явление, что, очевидно, единое, всесторонней классификации его для всех времен и народов создать невозможно» [39, с. 56-58].

Существенное значение имеют и проанализированные нами работы по типологизации культур Ф. Бэгби, Л.Н. Гумилева, Н.Я. Данилевского, К. Квигли, Г. Рюккerta, П. Сорокина, А.Дж. Тойнби, С. Хантингтона, О. Шпенглера, и др. Идеи каждого ученого и их аргументация способствовали уточнению нашей исследовательской позиции в целом и выявлению специфики праздничной культуры Бельгии в поле взаимодействия фламандской и валлонской общин в частности. Проблематика использования механизма межкультурных взаимодействий в современном социуме анализировалась в значительной мере на основе тех вопросов, которые получили отражение в работах С.А. Арутюнова, В.С. Библера, А.Я. Гуревича М.С. Кагана, А.Я. Флиера, Е.Н. Шапинской и др.

Научный интерес для нашего исследования также представляли те тенденции глобализации социокультурных реалий, которые получили освещение в трудах Б. Андерсона, З. Баумана, Э. Бернера, И. Ваплерстайна, К. С. Гаджиева, Р. Гилпина, М. Кастельса, А. Неклесса, Я. Н. Питерсе, Дж. Розенау, А. Д. Смита, Н. Стер, А.

Турена, А. С. Уткина, Дж. Фридмана, Ф. Фукуямы, Р. Хани С. Хантингтона, М. Чешкова, и др.

Феномен идентичности в контексте философско-гуманитарного дискурса рассматривался на основе идей, получивших разработку в исследованиях М.М. Бахтина, Л.П. Бугевоу, Л. Вугодского, Э. Гидденса, М.В. Заковоротной, И. Кона, А. Леонтьева, Ю.М. Лотмана, И.В. Малыгиной, М.К. Мамардашвили, М.А. Полетаевой, А.Я. Флиера, Ю. Хабермаса, В. Хесле, М.М. Шибаетовой, В.А. Ядова и др.

Особое значение для понимания этнического сознания и самосознания имели труды К. Юнга об архетипах коллективного бессознательного, которое формируется из остатков коллективных переживаний этнических групп, посредством неосознанных реакций, через проявление универсальных прообразов.

Тема праздника в аспекте праздничного пространства, как «многофакторной и многомерной системы», рассматривалась нами на основе работ Т.П. Ванченко, К. Жигульского, С.Н. Иконниковой, А.А. Кузнецовой, В.П. Курбатова, А.И. Мазаева и др. Праздничное пространство изучалось на основе работ, связанных с трудами исследователей, пытавшихся определить отличия между понятиями праздничное пространство и пространство праздника. Сформулированные понятия сводились к тому, что «по отношению к пространству праздника праздничное пространство более масштабно, оно как бы обволакивает праздник, создавая ауру, которая вводит праздник в культурное пространство» [75].

Коммуникативный потенциал праздничной культуры рассматривался нами на основе работ Н.М. Андрейчука, М.М. Бахтина, Н.В. Бредихиной, А.Ф. Бенифанда, О.В. Брыжака, Т.Ю. Вереитиновой, В.А. Есакова, Е.А. Кавериной, А.В. Костиной, Н.Ф. Максютина, М.А. Медведевой, Н.Ф. А. Моля, Н.Д. Мостицкой, Е.В. Руденского, А.П. Садохина, Т.Н. Суминовой, Н.А. Хренова, В.М. Чижикова, К. Ясперса и др. Особый интерес для нас имели труды М. Бубера (концепция диалога), Б.Г. Гаспарова; Ю.В. Китова (эмоционализация коммуникации), В.А. Ремизова (поливариативность коммуникаций), В.А. Соколова (теория памяти),

Ф.И. Шаркова (теоретические концепты коммуникологии), К. Леви-Стросса (функционализм и системность), Г.Г. Почепцова (коммуникативные практики), П. Бергера и Т. Лукмана (социальная коммуникация), И.И. Просвиркиной (коммуникативные пространства), Ю. Хабермаса.

Важное значение для решения исследовательских задач имела игровая концепция, которая была отражена в трудах Г. Гадамера, И. Канта, Платона, Ф. Шиллера. В направлении разработанности данной концепции работали современные философы, социологи, культурологи: Г. Гессе, Х. Ортега-и-Гассет, др., и наиболее полная, теоретически сформулированная концепция, принадлежит голландцу Й. Хейзинга, который оформил ее концептуально, определив игру – как источник и основу культуры.

Культурологический анализ театрализации как специфического способа базируется на работах Т.Г. Аниконова, Д.М. Генкина, А.А. Конович, М.В. Литвиновой, Ю.Л. Львовой, В.В. Понфилова, О.Н. Соколова-Набойченко, А.И. Чечетина и др. Особое значение имеют идеи Н.Н. Евреинова, который утверждал игровую природу феномена театральности. Многие последователи Н.Н. Евреинова стремились к углублению понимания театральности как зрелищно-игровой компоненты праздничной культуры. Этому способствовали труды Я.Б. Бруксона, Е.А. Зноско-Боровской, В.В. Иванова, Б.В. Казанского, Н.А. Хренов и др.

Наряду с работами теоретико-методологического характера познавательной ценность имеют для изучения и культурологического осмысления объяснения специфических черт бельгийской праздничной культуры труды видных ученых Бельгии. Имеются в виду труды исследователей различного профиля: историков М.-Т. Битч, М. Болонь, Ж.-Д. Буссарт, П. Даез-Бурж, Ф. Дельперы, Дж.-Г. Дюмонт, Г. Пиррен, Г. Хаскин и др.; политологов и социологов М.-П. Гереманс, М. Гош, П. Дельвитт, Э. Дойен, А. Дю Буа, Г. Фонтейн, Дж. Фаньель и др.; лингвистов А. Гуосс, А. Генри, А. Доппань и др.; культурологов Дж. Хеерс, Т. Хонигман и многих других. Информационной ёмкостью обладают работы бельгийских журналистов, освещавших бельгийские культурные события и

принимавших непосредственное участие в формировании культуры: М. Вовель, Т. Лалльмо, В. Фостьи и др.

Объект исследования: феномен праздничной культуры Королевства Бельгия.

Предмет исследования: разнообразие праздничных форм сохранения этнокультурной идентичности в бельгийском социуме.

Цель диссертационного исследования: анализ особенностей развития и функционирования праздничной культуры Бельгии как специфического инструмента сохранения этнокультурной идентичности.

Задачи исследования:

- раскрытие генезиса национальной праздничной культуры и ее видового многообразия
- выявление исторических предпосылок формирования лингвистической разграниченности в Бельгии и тенденций ее эволюции в контексте социокультурной динамики; определение точек соприкосновения языковых сообществ Бельгии в ситуациях использования зрелищных способов активизации коллективной памяти;
- определение места ритуально-обрядовых традиций в пространственно-временном континууме бельгийской праздничной культуры;
- анализ механизмов актуализации креативно-коммуникативного потенциала праздничных форм национальной культуры.

Научная проблема:

В реалиях глобализма и бурного развития информационных технологий все в большей степени усложняется проблематика социокультурного характера. Проблемное пространство современности включает ряд вопросов сохранения этнокультурной идентичности, с одной стороны, и активизации творческого потенциала различных страт социума, с другой. Одним из условий решения данных вопросов является изучение и теоретический анализ проектно-творческих практик, позитивно влияющих в разнообразных формах культуры на массовое сознание. В ряду таких практик особое место занимают праздничные формы культурной деятельности и взаимодействия всех страт социума. В то же время до

сих пор не устранено противоречие между модальностью института праздника и качественным уровнем актуализации его креативно-коммуникативного потенциала в целях конструирования и яркой презентации этнокультурной идентичности. Проблемный характер устранения данного противоречия подтверждается длительным опытом функционирования бельгийского института праздника, который рассматривается в культурной политике государства в качестве важного фактора сохранения этнокультурной идентичности и преодоления психологических барьеров в сфере межэтнических контактов.

Теоретико-методологические основы исследования.

Комплексный характер исследования обусловил обращение к совокупности научных подходов в изучении праздника как специфического явления культуры. Концептуальным основанием исследования является междисциплинарный подход, благодаря которому осуществляется синтез философско-культурологической рефлексии. Методологическую основу работы составляют фундаментальные общеполитические принципы диалектики.

Для решения основных задач в диссертации использовался междисциплинарный подход в соотнесении с принципами историзма и научной объективности, всеобщности и конкретности. Для культурологического анализа основных параметров театрализации, являющегося элементом креативно-коммуникативного потенциала праздника, имеют важное значение концепции Н.Н. Евреинова об «инстинкте театральности», М.М. Бахтина о «народной смеховой культуре» и Й. Хейзинга об «игровом аспекте культуры».

Пониманию специфики современного периода межнациональной и межкультурной коммуникации способствует концепция С. Хантингтона «столкновение цивилизаций»: благодаря ей выявляется неоднозначный характер влияния глобалистики на этнонациональную идентичность общества Бельгии. В ходе изучения и анализа объекта и предмета исследования использованы эвристические возможности дискурсивного, ценностного, экзистенциального, и концептуально-описательного подходов.

Функциональная специфика этнокультурной идентичности исследована нами через призму культурологических концепций, интегрирующих ценностный, деятельностный и коммуникативный подходы к феномену этнокультурной идентичности.

Методика исследования включает в себя общенаучные, естественно-научные, и специальные методы. Исследование опиралось на теоретический, исторический, логический и аналитико-обобщающий методы. Среди общенаучных методов использовались сравнительный, семиотический, лингвистический, статистический, феноменологический, герменевтический, аксиологический. Из специальных методов исследования, присущих предметному полю культурологии, применялся метод социокультурных наблюдений, а также структурно-функциональный метод.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

- впервые проведено исследование генезиса и трансформации праздничного пространства культуры Бельгии в контексте наиболее значимых исторических событий, повлиявших на этническое самосознание населения страны;
- впервые предпринята попытка проанализировать лингвистический аспект феномена праздничной культуры Бельгии с точки зрения ее воздействия на этнонациональную и культурную идентичность в условиях информационно-коммуникативных технологий;
- впервые предложена классификация праздников Бельгии на основе исследовательского подхода к изучению феномена разнообразия европейских праздников, разработанного французским этнологом Л.С. Фурньи. В сопоставлении с праздничными традициями ряда стран выявлена национальная специфика бельгийского праздника как социально-креативного фактора сохранения этнокультурной идентичности;
- впервые на основе изучения феномена бельгийского праздника раскрываются особенности актуализации его креативно-коммуникативного потенциала средствами театрализации, имманентно присущей зрелищно-игровым формам коллективного досуга.

Научно-теоретическая значимость исследования состоит в разработке ценностно-смысловых оснований использования праздничной культуры в качестве действенного фактора сохранения этнокультурной идентичности. Анализ особенностей формирования праздничного сегмента национальной культуры и его роли в активизации этнического самосознания различных групп бельгийского населения позволяет выявить вектор изменений в полиязыковом обществе. В процессе культурологического осмысления видового разнообразия праздничных форм и их функциональной нагрузки разработана типология бельгийских праздников, а также выявлены ценностные, мировоззренческие, эстетические и коммуникативные параметры их влияния на этнокультурную идентичность.

Практическая значимость.

Основные результаты диссертационного исследования могут быть использованы при разработке теоретико-методологических оснований изучения феномена разнообразия национальных типов праздничной культуры. Кроме того, материалы исследования могут быть включены в контекст преподавания общих курсов лекций по культурологии, теории и истории культуры и искусства, а также использованы в междисциплинарных исследованиях.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Сохранение этнокультурной идентичности Королевства Бельгия представляет собой важное направление государственной политики, включающей актуализацию креативно-коммуникативного потенциала праздничной культуры. Основу праздничной культуры современной Бельгии составляет ритуально-обрядовая система презентации ценностных ориентиров жизнедеятельности бельгийского социума, а также ретрансляции исторически сформировавшихся культурных традиций, с одной стороны, и зарождения ее новых форм в современных реалиях, с другой.

2. Лингвистическая мозаичность культурного пространства Бельгии демонстрирует ментальную сложность нации, в самосознании и повседневной жизни которой определенное место занимает приверженность к синтезу

ритуально-обрядовых традиций и вербально-фольклорных элементов культуры. Стремление к сохранению и дальнейшей ретрансляции социокультурной информации народа посредством праздничных традиций, часто сопряжено с использованием фразеологизмов как неотъемлемой части языка и речевых компонентов праздничного церемониала.

3. Характерной чертой современной бельгийской культуры является разнообразие праздничных форм, ритуалов и обрядов нескольких этносов, в ряду которых доминируют фламандцы и валлоны. Целенаправленное использование ритуально-обрядовой компоненты праздника способствует синхронизации коммуникативных каналов, укреплению духовно-нравственных скреп современного общества в целях сохранения этнокультурной идентичности, благодаря чему снижаются угрозы инокультурного «порабощения» бельгийского социума.

4. В традиционной модели проведения праздников важное место занимает театрализация как тот вид культурной деятельности, который способствует активизации коллективных переживаний в целом и чувства сопричастности участников с этнической историей и культурой в частности и усилению, позволяющая эффективно реализовать креативно-коммуникативный потенциал праздничной культуры. В условиях техногенной цивилизации и информационной перенасыщенности эффективная реализация креативно-коммуникативного потенциала национальных праздников обусловлена в значительной мере качественными характеристиками сценарной, зрелищно-игровой и ритуально-обрядовой компоненты. Расширение диапазона праздничных форм бельгийской культуры сочетается с тактикой творческого использования многовековых традиций и включения их в пространство творческого досуга посредством театрализации.

Апробация результатов исследования.

Основные положения и результаты исследования нашли отражение в 7 научных публикациях автора в российских изданиях, из которых 3 статьи в журналах реестра ВАК при Минобрнауки РФ.

Проблемы диссертационного исследования излагались в докладах и сообщениях на семинарах, на заседаниях «круглых столов» и конференциях различного уровня. В их числе:

- международные научные чтения к 50-летию со дня основания первой кафедры культурологического профиля в России «Генезис отечественной культурологии: феномен культурологического поворота» (Москва, МГИК, 2017);
- конференция из цикла «Дни наследия» на тему «Вокруг 150-летия железной дороги высокогорья Арденн», участие в дискуссии круглого стола и выступление по теме: «Праздничная форма презентации знаковых событий. Историческое событие в праздничном аспекте» (Бельгия, Trois Ponts, 2017);
- VIII Международная научно-практическая конференция «Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования». Доклад на тему «Символьные образы в карнавальных традициях Бельгии» (Москва, 2018);
- участие в дискуссии, обмене мнениями на заседании круглого стола «Культура как пространство становления личности». (Москва, МГИК, 2018);
- международная конференция Европейской коалиции городов против расизма (ECCAR) «Культура, спорт, различия: как создать общество?» Участие в дискуссии круглого стола, выступление по теме: «Праздничный аспект социализации и инкультурации социума» (Бельгия, Льеж, 2018);
- международная конференция «Les Universités de l'Antiracisme» под эгидой la Fédération Wallonie-Bruxelles. Доклад на французском языке на тему «Национальный праздник. Социализации и инкультурации» (Бельгия, брюссельский свободный университет, 2018).
- научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов «Культурный слой – 2018». Доклад на тему «Полисемантика праздничных форм бельгийской культуры». (Москва, МГИК, 2018);
- международная мультидисциплинарная научная конференция «Диалог культур и цивилизаций». Доклад на тему «Праздник как способ конструирования и форма репрезентации культурной идентичности» (Москва, МГЛУ, 2019);

- международная конференция «Миграция, культурное участие и новые формы политической солидарности: глобальные перспективы». Участие в дискуссии круглого стола. (Бельгия, Университет Льежа, 2019);
- научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов (с международным участием) «Идентичность и коммуникация в современном мире: грани и ограничения». Доклад на тему «Театрализация как способ репрезентации идентичности на примере праздничной культуры Бельгии». (Москва, МГЛУ, 2019).

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Диссертационное исследование, посвященное изучению праздничной культуры Бельгии в свете проблемы сохранения этнокультурной идентичности в условиях глобализации, соответствует пунктам 1.9. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов, 1.11. Взаимоотношение универсального и локального в культурном развитии, 1.15. Роль культурного наследия в жизнедеятельности общества, 1.19. Культура и этнос, 1.29. Культурная политика общества, национальные и региональные аспекты культурной политики паспорта специальности 24.00.01 – Теория и история культуры.

Структура диссертации

Работа состоит из введения, двух глав, объединяющих четыре параграфа, заключения и списка литературы.

ГЛАВА 1. Исторический аспект становления и развития праздничной культуры Бельгии

1.1. Особенности генезиса праздничной культуры Бельгии

Существенное влияние символических форм культуры (включая и праздничную) на жизнь социума и индивида обусловлено её ценностным фондом, разнообразием информационно-коммуникативных и творческих возможностей. В любой стране взаимосвязь культуры и общества – тот факт реальности, который предопределяет корреляцию основополагающих ценностей и базового смысла для большинства людей [137, с. 427]. Будучи фундаментальным явлением социума, культура носит динамичный и полифункциональный характер. Каждый из элементов культуры как открытой системы смыслов, значений и символов обладает собственной спецификой и служит определенным задачам. Одна из них заключается, по мнению многих исследователей, в воспроизводстве и передаче социокультурных норм, ценностей и образцов.

Хорошо известно, что возникновение и развитие культуры как ценностной и регулятивной системы представляет длительный процесс, неотделимый от «кружных путей истории» (Гегель). Отсюда исследовательский интерес отечественных и зарубежных ученых к вопросам культурогенеза. Мы имеем в виду труды таких исследователей, как В. Алексеева, С. Арутюнова, А. Асмолова, В. Бочкарева, Л. Гумилева, Ю. Давыдова, М. Кагана, В. Ляха, Э. Маркаряна, А. Окладникова, Ю. Семенова, В. Степина, А. Флиера и др. Общим моментом работ отмеченных исследователей является признание того, что формирование культурогенеза связано непосредственно с историей, отождествляясь с эволюцией институализированных форм человеческой деятельности, как в общественно приемлемых нормах, так и в стандартах коллективного бытия.

Как отмечает А.Я. Флиер, «культурогенез – это органичная составляющая общей динамики формо- и системообразования в социокультурной жизни человеческих обществ» [147, с. 10]. Такой взгляд авторитетного ученого подтверждается всей историей развития культуры Королевства Бельгии.

Бельгийская культура, рассматриваемая нами как динамичная система ценностных ориентиров жизнедеятельности бельгийского социума и самобытное явление, формировалась в контексте изменений политического и социально-экономического характера. Причем особое значение для формирования культурного пространства страны имел экономический фактор. Уровень экономического развития способствует расцвету общества и возможности ретрансляции исторически сформировавшихся культурных событий, а также зарождению ее новых форм в современных реалиях. Для достижения такого состояния бельгийское общество прошло достаточно сложный путь под воздействием многочисленных факторов, в том числе и тех, которые влияли на становление и развитие бельгийской культуры. Имеются в виду прежде всего внешне- и внутривнутриполитические, экономические, культурные экспансии, лингвистические ассимиляции и т.д.

Отсюда и проблема сохранения этнокультурной идентичности, сущность которой заключается, по утверждению современного исследователя А.П. Садохина, «в осознанном принятии индивидом соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, понимании своего Я с позиций тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе, в самоотождествлении себя с культурными ценностями и нормами именно этого общества» [129, с. 47].

Стоит отметить, что в определенной мере вопрос об этнокультурной идентичности обострялся в связи с проникновением в жизнь Бельгии некоторых элементов культуры соседних стран вследствие ряда внешнеполитических причин. Однако, несмотря на давление и попытки насильственного изменения ментального и лингвистического кода населяющих эти территории людей, была сохранена культурная самобытность.

В то же время фактом повседневной жизни бельгийского социума продолжает оставаться внутригосударственный конкурирующий языковой антагонизм, проявляющийся в сепаратистских настроениях среди радикально настроенной части населения. Между тем исторический опыт государственного построения бельгийской общности показывает, что только в союзе и единстве народа заключается сила государства - истина, закреплённая в государственном девизе Королевства Бельгия: «L'union fait la force» [236] – «Единство творит силу» или «В единстве сила».

В определенной степени самобытность современной культуры Бельгии проявляется в геополитической, экономической и языковой особенностях, что коренным образом отличает ее от других стран западной Европы. Бельгия, как один из инициаторов формирования Европейского союза, предоставила свою территорию административно-управленческим институтам объединенной Европы [195, р. 186], не только по причине стратегически выгодного географического расположения, но и как страна, имеющая опыт толерантного сожительства полиязыкового и полиэтнического общества, находящегося в состоянии постоянных компромиссов, дипломатичного урегулирования и согласованной реакции правительственных органов управления на внутригосударственные сепаратистские волнения.

Многомерность и всеобъемлющий характер актуализации культурного наследия кроются в понимании первопричин происходящих процессов, оставивших отпечаток в виде реперных точек в истории при формировании культурного пространства. Мы можем это наблюдать при детальном рассмотрении исторических факторов зарождения бельгийской культуры. Как отметил Ю.М. Лотман, «всякое существование возможно лишь в формах определенной пространственной и временной конкретности. Человеческая история – лишь частный случай этой закономерности. Человек погружен в реальное, данное ему природой пространство. Константы вращения Земли... движение небесных светил, временных природных циклов оказывают

непосредственное влияние на то, как человек моделирует мир в своем сознании» [84, с. 165-176].

«Диалектика приобретений и утрат» (Гегель) в сфере развития этнической и национальной культуры проявляется на разных этапах исторического опыта сменяющих друг друга поколений, и этот факт обуславливает ценностно-смысловую значимость преемственности. Исходя из того, что «не иметь чувства преемственности – означает личностную смерть» [224, р. 357], особую важность обретает культурологический анализ наиболее важных и значимых моментов исторического хода развития событий на территориях современной Бельгии. Для осуществления такого анализа мы используем принцип «вживания-вчувствования» (М.М. Бахтин) в социокультурный контекст каждой эпохи. Одной из форм следования данному принципу является погружение в различные пласты в культурно-исторического опыта народа, позволяющее определить границы единого проблемного поля, осознание и понимание ментальной самобытности.

Неотъемлемым элементом народной жизни является и праздник как особая форма символизации мифопоэтических представлений этноса и эмоционального самовыражения. Издавна одной из важных функций ритуально-обрядовой системы в атмосфере «праздничного мироощущения» было усиление чувства коллективной причастности к народной судьбе, этнокультурой идентичности. Об этой функции свидетельствуют и первые, исторически задокументированные факты, фиксирующие этапы развития праздничной культуры Бельгии, обнаруживаются в документах, относящихся к IX веку. Наряду с документными источниками более ранние артефакты, указывающие на проявление «внетрудовой» жизнедеятельности человека, были обнаружены благодаря археологическим раскопкам. Ряд археологических находок позволил глубже рассматривать «фазу, для которой характерны подражательный язык, анимизм, экзогамия и мифологемность» [102, с. 207].

Данный момент имеет немаловажное значение для изучения праздничных форм бельгийской культуры. Праздничная культура Бельгии произрастает под воздействием германо-кельтского мифологического и ритуального влияния,

развития внутриплеменного общения на основе архаических верований. В результате все тех же археологических раскопок обнаружались следы кельтских и германских популяций, благодаря чему историки и антропологи делают вывод, что нынешняя территория Бельгии, а также север Франции, являются зоной перехода между кельтскими и германскими культурами. Архаическое мышление ярко проявляется в праздничных ритуалах с типичной анизотропностью и релятивностью, с отсутствием эволюционного развития, где будущее, прошлое и настоящее образуют лишь некую последовательность без способности замещать друг друга [80, с. 30-38]. Календарный круг праздников являет собой повторение истории, связанной либо с преданиями о святых или с важными для коллективного сознания событиями, оседающими в народной памяти.

С последующим переходом в зону интересов романской культуры, и, уже в период раннего Средневековья, формируются предпосылки появления бельгийского культурного пространства, которое дошло до наших дней с незначительными изменениями, сохранив свою лингвистическую особенность и этнокультурную мозаичность.

На территории Бельгии, в историческом континууме, всегда происходила саморегуляция общества, с помощью возрождения тех или иных праздничных событий, несмотря на периодичность смены власти и проводимых культурных реформаций (испанской, австрийской, нидерландской, французской). Именно в критические и экстремальные периоды истории бельгийского общества усиливается функциональная значимость массовых праздников, обладающих «энергетикой» коллективного заражения и механизмом идентификации. Как справедливо отмечает известный польский исследователь К. Жигульский, в «такой ситуации, группа всяческими усилиями пытается все же сохранить праздник, провести его даже тогда, когда это выглядит невозможным, особенно если это важный праздник, относящийся к высшим ценностям общества... экстремальная ситуация заостряет смысл праздника, усиливает эмоциональное напряжение» [56, с 167].

Естественно, что существенные повороты в социальной и культурной жизни вносили свои коррективы и в сферу праздничных форм. Это видно по многим фактам, свидетельствующим о влиянии внешних обстоятельств на состояние праздничного сегмента культурного пространства. Так, с IX века на территориях современной Бельгии развиваются коммерческие маршруты вдоль рек, где «морская торговля, в свою очередь, содействовала развитию речной. На берегах больших рек создавались товарные склады и торговые пункты» [120, с. 33]. Между поселениями усиливаются торговые взаимоотношения, постепенно появляются новые и разрастаются уже существующие города, в основном, благодаря расцвету ярмарочной активности, привлекающей в города торговых людей [183, р. 79]. Фландрийские города являются основным местом торговых взаимоотношений, становясь сосредоточением материальной и духовной культуры, местом социализации и коммуникации. Дух торговли сопрягается с духом ярмарочных увеселений.

И в последующие столетия изменения в социально-экономической и духовной жизни влияют на праздничные формы актуализации массового сознания и коллективного поведения. В свете вопроса о трансформациях в различных сферах социально-культурной реальности заслуживает внимания следующее суждение современного культуролога А.П. Садохина: «Если в раннее Средневековье основными центрами сохранения и развития культуры и искусства были монастыри и монастырские школы, то в XI-XIII вв. эта роль переходит к городам» [130, с. 186]. А на стыке Позднего Средневековья и Возрождения тенденция урбанизации Европы сочетается с усилением светских мотивов в представлениях о мироустройстве и назначении человека.

Не сводимая к традиции сакрализации, бельгийская праздничная культура формируется в определенной мере под влиянием социальных изменений и трансформаций экономического характера. Благоприятные моменты истории политического и экономического значения позитивно влияют на культурогенез, усиливая фактор преемственности в значении сохранения этнической идентичности, нейтрализуя сложные периоды территориальной аннексии и

инокультурного давления. Именно праздник играет одну из важных ролей, представляя собой такое культурное явление, которое обладает информационно-коммуникативным и эстетическим потенциалом. Актуализация этого потенциала влияет на массовое сознание, вследствие чего праздник как наиболее древний и постоянно воспроизводимый элемент культуры, «в отдельные периоды истории способен переживать упадок, но не может исчезнуть совсем» [88, с. 9].

После падения Римской империи и захвата салическими франкскими племенами территорий современной Бельгии, и вследствие неравномерности заселения, проявляется языковое многообразие. Во-первых, на севере, германская языковая группа франков полностью вытесняет романскую, доминируя над другими языками, и формирует фламандский диалект. Во-вторых, на юге франки сами подвергаются лингвистической ассимиляции по причине количественного превосходства над захватчиками проживающего здесь галло-римского населения. Как результат, появляются предпосылки формирования лингвистических особенностей, ставшие отправной точкой для появления современного полиязыкового пространства Бельгии, где фламандская культура получила свое становление и развитие в северной части Бельгии, а в южной развивается валлонская культура [120, с. 16]. В таких условиях культурогенеза Бельгии складывается будущее направление формирования ее праздничной культуры. Именно праздник становится важным фактором становления этнических культур, инструментом влияния на массовое сознание, ценностно-нормативным регулятором.

Наличие нескольких этнокультурных образований в геополитическом пространстве Бельгии является одним из факторов своеобразия праздничных форм, заслуживающих исследовательского внимания с точки зрения субъектности их развития. Некоторые историки и антропологи считают, что фламандцы и валлоны Бельгии на самом деле имеют одних и тех же предков, но исторически разделены под воздействием лингвистического фактора, послужившего причиной появления в Средние века «лингвистической границы» между фламандскими и валлонскими общинами [223, р. 19-20]. Типологическая

схожесть праздников этих двух этносов, фламандцев и валлонов лишь может указывать на справедливость этого утверждения.

В свете вопроса о трансформации праздничных форм культуры важно учитывать такой факт европейской культуры в целом, как бинарную противоположность (Ле Гофф) официальной и неофициальной культуры. Данный факт находит своё отражение в диалектике повседневного и праздничного аспектов жизни населения в Бельгии в период христианизации, начатой в период заката Римской империи. Это становится возможным, главным образом, благодаря миссионерам, пользующимся защитой аристократии и царей Меровингов [120, с. 20]. Создание на бельгийской территории большого количества аббатств в столетнем промежутке (с 625 по 725 гг.) дает этому периоду название – «век святых» [208] (*siècle des saints*). Большинство созданных монастырей соблюдает устав святого Бенедикта, где монахи проводят более глубокую евангелизацию жителей сельской местности. Монашество играет важную роль в жизни населения в течение Средних веков, являясь одним из субъектов приобщения к христианской цивилизации бельгийских регионов. До наших дней дошло большое количество бельгийских праздников, сформировавшихся в этот период. Эти праздники проводились на той сценарно-театрализованной основе, которая имела основной целью активизацию религиозных переживаний народа.

При этом стоит подчеркнуть, что праздничная культура Бельгии несет на себе следы двоеверия с преобладанием духа католицизма, сыгравшего важную роль на протяжении всей истории. Согласно бельгийскому исследователю А. Пиренна, «под влиянием церкви смягчился национальный антагонизм, и лингвистическая граница перестала быть барьером между людьми, которых она отделяла друг от друга» [120, с. 23]. Господствующие элиты и простые бельгийцы показывали пример сплоченности и непоколебимости во времена контрреформации в Европе середины XVI—XVII веков, в период искушения протестантизмом, располагаясь географически на границах протестантских территорий. Церковь активно поощряла развитие паломничества, праздничные шествия и всевозможные

народные демонстрации, которые с одной стороны способствовали замещению языческих обрядов и праздников, бытующих в некоторых регионах, а с другой контрастировали с протестантскими нормами.

На судьбу праздничных форм культуры определённое влияние оказало то обстоятельство, что в период правления династии герцогов Бургундских определяются территориальные границы будущих бельгийских провинций. Этот момент подробно раскрывает в своем исследовании Анри Пиренн: «И пока на нашей земле развивалась национальная цивилизация, наши провинции одна за другой разрывали свои связи то с Францией, то с Германией. Они инстинктивно стремились к сближению друг с другом и к созданию независимо от этих двух великих держав своего промежуточного государства, состоящего из двух больших половинок. Его, наконец, создали в XV веке герцоги Бургундские, и оно существует и сегодня» [220, р. 156].

Период герцогов Бургундских ознаменован позитивными изменениями в культурном пространстве и в обогащении ценностного фонда бельгийского общества. Система ценностей человеческого общества, как дефиниция культуры (Дж. Фейблман), познается априорно в эмоционально-трансцендентных актах теоретического познания. Эти акты обладают принудительной силой в отношении человека, с повышающей степенью убедительности и достоверности обнаруживаемых ценностей [35, с. 36]. Отмеченные процессы позволяют подчеркнуть роль субъективного, личностного фактора социокультурной динамики в ее различных проявлениях.

Являясь большими знатоками, а также защитниками искусства и творческих людей, Герцоги Бургундские создают условия для процветания фламандской живописи, а также готического стиля в архитектуре, о чем свидетельствуют дошедшие до нашего времени соборы Брюсселя, Антверпена, Брюгге; в этот же период переживает свой наибольший расцвет и литература на валлонском языке. Одними из первых образцов литературы на валлонском диалекте являются «Li ver del Juïse и Li dialoge Gregoire lo Pape» XIV века и «Chronique de Florefte» XV века. Как отмечает историк Анри Пиренн, «...на нидерландской почве постепенно

выработалась своеобразная культура, которой предстояло в XV веке засверкать таким несравненным блеском. В обстановке борьбы, столкнувшей между собой в пределах городов патрициев и ремесленников, а в рамках территорий – города и князей, родились те художники, которые обессмертили своими шедеврами бургундскую эпоху. В Нидерландах, как и в Италии, политическая жизнь, закалив характеры, разбудив мысль, породив индивидуализм, подготовила расцвет искусства. Век Артевельде сделал возможным век ван Эйка» [120, с. 296]

Рассматриваемый период бельгийской истории был благоприятным и для расширения границ праздничного пространства культуры, о чем мы можем судить благодаря сохранившимся двуязычным рождественским песнопениям, пасквилям, диалогам о событиях той эпохи, жалобам на семейную жизнь, танцевальным песням и устным развлекательным проповедям шуточного характера. Именно в это время возникает и становится культурной традицией проведение ежегодных городских праздников «Дюкасс» (La ducasse) [188], ставших прародителем современного типа праздника «день города».

Культурологический анализ феномена праздничной культуры Бельгии выявил в качестве ее зрелищно-процессуальной доминанты карнавальную традицию¹. Большое количество карнавальных шествий составляют основу праздничной культуры Бельгии и представляют собой наиболее охватывающую и массовую форму ее проявления. Массовость данной формы праздничной культуры обусловлена тем, что карнавалы любимы всем населением Бельгии, в независимости от этнической принадлежности и языковой направленности. Валлоны и фламандцы, в равной мере, придают большое значение праздникам этой типологической направленности: праздник-шествие. Каждая коммуна проводит собственное карнавальное шествие, к которому население готовится в течение года. Основой такого шествия является создаваемый самими организаторами оригинальный театрализованный сценарий, с учетом особенности декорационного ландшафта и оформления, использования аксессуаров и

¹ Данное явление впервые раскрыто в нашей статье «Особенности карнавальных традиций Бельгии (культурологический аспект)», Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 3(77). С. 103–108

различных продуктов локального производства, свойственных только данной коммуне. Важно отметить и то, что в последние десятилетия зарегистрированы новые праздничные мероприятия в разных регионах страны, которые на сегодня приобретают «традиционный» ежегодный формат проведения.

В наши дни ценностный и процессуальный аспекты бельгийских карнавалов подтверждают собой основные моменты концепции М.М. Бахтина, представленной в его работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса». Данная концепция представляет по сути своей историко-культурологический анализ европейской карнавальной традиции процессуального совмещения двух начал средневековой жизни, одна из которой официальная, а другая – народная. В этом труде карнавал рассматривается в ключе «второй жизни народа» в ситуации снятия любых запретов, возможности выхода за пределы обычной, жестко регламентированной жизни. Отсюда особый ситуативно-игровой тип общения между людьми с торжеством, хоть и временной, значимой победы «смеха и материально-телесного низа», «неофициальной народной правды» над «официальной высокой, возвышенной, но своекорыстной и односторонней идеей верха» [22].

Как известно, идеи М.М. Бахтина относительно сущности и назначения карнавальной культуры получили признание у многих представителей гуманитарного знания в целом и культурологического в частности. В то же время ряд положений его концепции был уточнен отечественными учеными. Так, признавая теоретическую и практическую значимость бахтинской концепции, А.И. Мазеев писал о том, что М.М. Бахтин «явно не учел двойственной природы праздника и несколько односторонне истолковал его, что проявилось отчасти и в данной им характеристике западноевропейского карнавала» [88, с. 50]. При этом он подчеркивал, что «в области теории праздника, концепция Бахтина ближе всего приближается к тому, что можно назвать выверенным научным суждением» [88, с. 50]. Изучая «исходные» предпосылки в толковании сущности праздника, А.И. Мазеев раскрывает «всеобщий» смысл бахтинской формулы «Празднество (всякое) — это очень важная первичная форма человеческой культуры» [22, с. 11],

в том, что «есть праздник как социально-художественное явление» и утверждая, что «смех, являясь важной социальной и эстетико-культурной категорией, во многом определяет всеобщее содержание праздника» [88, с. 61].

Заслуживает особого внимания статья современного исследователя в сфере проблематики теории и истории культуры А.В. Костиной «Праздник как преодоление противоречия между природой и культурой: концепция А. Мазаева». В данной статье обосновывается тезис о том, что «функция праздника – закрепить содержание времени, упрочить традицию, сохранить ту социально значимую информацию, которая воспроизводится праздничным ритуалом» [72, с. 44]. А.В. Костина разделяет мнение А.И. Мазаева по поводу того, что понимание праздника только как формы поддержания традиции обедняет представление о содержании этого явления культуры. Такая позиция согласуется с культурологической концепцией Э.С. Маркаряна, определившего в традиции универсальный механизм, который «благодаря селекции жизненного опыта, его аккумуляции и пространственно-временной трансмиссии позволяет достигать необходимой для существования социальных организмов стабильности» [92, с. 87].

С этой точки зрения трудно переоценить социокультурную значимость праздничных традиций, которые не только связывают друг с другом исторические эпохи и поколения, но и способствуют сохранению этнокультурной идентичности. Изучение генезиса и специфики бельгийской праздничной культуры подтверждает стабилизирующую функцию присущих ей традиций. А факт многовекового опыта проведения массовых праздников, которые и в настоящее время занимают важное место в культурном пространстве Бельгии, свидетельствуют о том, что «общая природа и функции форм традиции в прошлом и настоящем, механизмы их образования и замены остались в принципе теми же самыми» [135, с. 44].

Особого исследовательского внимания заслуживает также ритуально-обрядовый характер актуализации карнавальных традиций в системе «природа – социум – культура» (М.С. Каган). Этот существенный момент феномена

карнавала был, по утверждению Й. Хёйзинги, «суверенным выражением культуры, формы, посредством которой люди сообща выражали величайшую радость жизни и воплощали своё чувство единства друг с другом» [152, с. 254].

Культурологический анализ карнавального аспекта онтологии праздничной культуры позволил выделить несколько типов бельгийского карнавала. Это, прежде всего, карнавальные шествия, проводимые в период Великого поста, чаще всего в четвертое воскресенье (карнавал Бинч, Летары Ставлё, Квармэ Мальмеди и др.); во-вторых, карнавальные шествия проводимые в день основания города, праздники Дюкасс (в городках Ат, Монс, Брюссель); в-третьих, карнавальные шествия, проводимые в ознаменование исторических дат различных государственных событий (праздники фламандской и французской сообществ, и др.); в-четвертых, новые карнавальные шествия, проводимые, например, с призывом к толерантности в отношении к сексуальным меньшинствам (карнавал ЛГБТ в Льеже, традиционно проводимый в июне и др.); наконец, проведение праздничных дней фольклора («день фольклора» в Дино и др.).

Огромная популярность карнавальных традиций Бельгии проявляет себя в активной вовлеченности населения в зрелищно-игровое пространство массового веселья, коллективного переживания «праздничной свободы». Своеобразие этой праздничной формы заключается в том, что «карнавал не созерцают, – в нем живут, и живут все, потому что по идее своей всенароден» [22, с. 12]. На наш взгляд, всенародность многих праздников в немалой степени обусловлена такими составляющими, как миф и ритуал. В праздничном пространстве миф является смысловым источником переживания, а ритуал – эстетической формой выражения коллективных эмоций праздничной церемонии, усиливающей у всех участников ощущение причастности к этнической истории и к общим ценностям.

Согласно многим исследователям, мифо-ритуальная основа праздничной культуры, является языком первичного кодирования, языком начального моделирования культуры (Ю. Лотман) [84]. Миф, будучи специфическим языком культуры (согласно Р. Барту [17]), является тем аргументом, который оправдывает присущие некоторым праздникам элементы мистификации и в

совокупности с ритуально-обрядовыми формами становится инструментом формирования праздничной реальности. Неслучайно такой авторитетный специалист в области мифологии, как Е.М. Мелетинский отмечал, что «Робертсон-Смит и Фрэзер трактовали миф как вторичный по отношению к обряду (миф - пережиток ритуала). "Кембриджская" школа возводит к ритуалам не только всю мифологию, но также все институты культуры» [95, с. 14].

В свете задачи раскрытия роли праздника в сохранении этнокультурной идентичности бельгийцев важно обратиться к идее «миф-символ» [112, с. 11], где миф – «разделяемое большой группой людей убеждение, которое придает событиям и действиям определенное значение» [189, р. 14], а символ - «эмоционально заряженная ссылка на миф». Смысловая ёмкость данной идеи подводит к пониманию праздничной культуры в качестве особого способа влияния на личность через первичное кодирование. Важно при этом отметить тот факт, что хотя в каждую культурно-историческую эпоху эти способы обогащались новыми визуально-сюжетными характеристиками, мифоритуальная компонента, однако, не исчезала, а видоизменялась.

Ряд исследователей связывают явление разнообразия праздничных форм этнонационального культурного опыта с тенденцией усиления элементов светской культуры. По сути, это означало неизбежность трансформации праздничной культуры в преддверии Нового времени, т.е. постепенный отход от праздничных канонов Средневековья, в пространственно-временном континууме которого сакральные ценности преобладали над ценностями светской культуры. Мотивы утверждения ценности жизни в ее различных проявлениях, в том числе гедонистическом, пронизывают многие праздники, что получило отражение в художественных текстах Ренессанса и Нового времени.

Эстетизация мотивов пантеизма и антропоцентризма в эпоху Возрождения и утверждение мыслителями Просвещения идеи исторического оптимизма в немалой степени способствовало обновлению праздничного сегмента национальных культур Европы. Структура праздничной культуры обогатилась

элементами театрализации массовых шествий и ритуальных застолий, пронизанных атмосферой гедонистических переживаний.

Так, например, на замечательной картине фламандца Рубенса «Ярмарка» мы видим сцены народного гуляния, запечатленные великим художником. Своеобразие выражения ярмарочного веселья описывает участников, как «добродушных людей, которые много едят, а еще больше пьют, невозмутимо покуривая трубку, – флегматичных и рассудительных, довольно бесцветных, с крупными, неправильными чертами лица». И вот «после ужасов религиозных войн, тучная Фландрия, так долго подвергавшаяся опустошениям, достигла, наконец, мира и внутренней безопасности. Земля здесь так плодородна, и люди так благоразумны, что тут опять упрочились сразу благоденствие и благосостояние» [145, с. 18]. В действительности, наличие «благоденствия и благосостояния» создают предпосылки для наибольшего расцвета бельгийской праздничной культуры, возводя праздник в ранг «вселенского веселья».

Тем не менее, при несомненной значимости атмосферы массового веселья и гедонистических ощущений функциональный ряд праздничной культуры и ее полисемантика не сводятся, по нашему мнению, только к этим параметрам. Контекст праздников, их ценностно-смысловое пространство включает в себя и другие типы коллективных переживаний, в том числе и чувство единения, способствующее сохранению этнокультурной идентичности.

Парадигма праздничной культуры, как система, объединяющая разные формы праздников, содействует отождествлению самоидентификации социума и направлена на сохранение традиционных установок, определяя тем самым национальное сознание, становясь неотъемлемой частью духовно-культурной жизни общества со своими важными функциями воспитательного и социального характера. Мы разделяем утверждение В.А. Тишкова о том, что пространство и существует только потому, что определенная группа людей считает себя его частью. Если же этого не происходит, то пространство вообще не имеет места быть, ни в смысловом, ни в материальном воплощении [142, с. 26].

С этой точки зрения правомерно рассматривать праздничную культуру как органичную компоненту народной жизни, пространственно-временной континуум которой неотделим от ценностных установок и исторической памяти «космо-психо-логоса» (Г.Д. Гачев), а, следовательно, и от феномена этнокультурной идентичности.

Стоит подчеркнуть, что «поле проблем» этнокультурной идентичности все в большей мере привлекает внимание исследователей. Наряду с научной полемикой вокруг дефиниции и онтологического статуса этнокультурной идентичности предметом исследовательского интереса стали в последнее время вопросы нормативно-ценностного характера. В этой связи заслуживает внимания позиция И.В. Малыгиной, согласно которой «идентичность – свойство не коллектива (группы), но индивида, формирование и функционирование которого, тем не менее, возможны исключительно в социальном контексте» [91, с. 45]. Отмеченный нами ранее факт существования и трансформации праздничных форм культуры как неотъемлемого элемента исторического бытия народа носит закономерный характер. Как справедливо утверждает И.В. Малыгина, «этнокультурная идентичность представляет собой феномен, обусловленный, как ментальным опытом народа, так и социальными, экономическими и политическими факторами его бытия; как межэтническими и межнациональными взаимодействиями, так и политико-идеологическими стратегиями этнонациональных элит» [91, с. 117].

Именно поэтому феномен праздничной культуры, который охватывает в массовом масштабе все страты общества, представляет собой один из важных факторов сохранения этнокультурной идентичности, что подтверждается творческими практиками использования праздничных форм в Бельгии. Так, на каждом праздничном мероприятии, вне зависимости от места проведения, будь то Фландрия или Валлония, можно встретить представителей не только «коренных» этнических групп, населяющих Бельгию, но и представителей различных диаспор. Более того, это проявляется не только, когда «само игровое действие в условиях массового праздника может выступать для одних в качестве непосредственного

активного занятия, для других в форме зрелища» [39, с. 95], но и в переплетении элементов инациональных культур.

В качестве одной из иллюстраций подобной практики заслуживает внимания ежегодно проводимый праздник «Дни фольклора и традиций» в городке Дино (Dinant) [237]. Примечательной чертой музыкального оформления праздничного шествия посредством традиционного фольклорного ансамбля является эстетически оформленное присутствие «иностранного» исполнителя с нетипичным для Бельгии инструментом (ударный инструмент «конго»), и это обстоятельство «маркирует» его как представителя иной этнической культуры, как иноземного участника бельгийского праздника. Данный пример является подтверждением следующего высказывания Т. Шибутани: «Каждый социальный мир - это культурная область, границы которой определяются не территорией и не формальным членством в группе, а пределами эффективных коммуникаций» [161, с. 115], где личность, находящаяся в этой группе, отождествляет себя с ней, ощущая себя «своим» среди других [161, с. 118].

Гражданская история страны показала, что попытка изменить, отнять, переформатировать идентичность бельгийцев оказалась во многих отношениях безуспешной. Фламандцы, как и валлоны, отстаивают свое право на этническое существование и демонстрируют устойчивый характер опыта сохранения своих традиций и культурных предпочтений. И здесь одним из главных инструментов в «борьбе» за сохранение идентичности является праздник – символ свободы и привлекательный для всех участников способ массовой коммуникации, неформального общения, ощущения единства, сопричастности. В этой связи стоит отметить эвристическую значимость таких понятий, введенных исследователем А.В. Мазаевым в аппарат отечественной культурологии, как «праздничная свобода» и «праздничное мироощущение». Данные понятия расширяют возможности понимания не только природы праздника, являющегося органичной компонентой этнонациональной культуры, но и сущности

экзистенциальных переживаний «диалектики повседневного и праздничного» (Н.Д. Мостицкая) в жизни социума¹.

Источник таких переживаний – реально существующий во все времена разделение между нормативно-ценностными параметрами будней и праздников, а потому мы полностью разделяем следующее высказывание М.В. Литвиновой: «Эмоционально приподнятая атмосфера массовых праздников и зрелищ, – снятие запретов, временное неподчинение традиционным нормам, ослабление социального контроля, – создает ситуацию идеальную для свободного, избыточного, анонимного общения, которое в принципе невозможно в будничной жизни» [83, с. 10]. Похожую мысль мы находим в работах У. Коннора, утверждающего, что идентичность в границах нации созвучна идее свободы [71, с. 61].

Наряду с идеей свободы самовыражения, которая ситуативно, процессуально и эстетически актуализируется в праздничных формах, важным условием сохранения этнокультурной идентичности является целенаправленное и продуктивное использование механизма исторической памяти. Как показывает изучение специфики праздничной культуры, содержательно-выразительные грани данного явления в немалой степени способствуют активизации массового интереса современников к прошлому. Речь идет об одной из социально и культурно значимых функций народных празднеств – «воскрешения в памяти обосновывающего прошлого. Обосновывается через обращение к прошлому не что иное, как идентичность вспоминающей группы. Это не повседневная идентичность. Коллективным идентичностям присуща торжественность, приподнятость над уровнем повседневности» [12, с. 55].

С этой точки зрения стоит особо подчеркнуть, что в основе многих бельгийских праздников лежат определенные исторические события, привнесшие в праздничную культуру свой колорит, свою значимость, повлиявшие на становления патриотических аспектов общества Бельгии.

¹ Данная проблематика концептуально разработана в докторской диссертации современного исследователя Н.Д. Мостицкой. «Праздничное и повседневное в коммуникативном пространстве культуры: сущность, содержание, функциональность.» М., 2019.

Таков, например, праздник фламандской общины, который отмечается во всем фламандском регионе с участием представителей бельгийского правительства: он связан с победой фламандцев при активном участии жителей регионов Намюра (Namur) и Эно (Hainaut) над французскими войсками 11 июля 1302 года в сражении при Куртрэ (Courtrai). Найденные на поле битвы около 300 шпор французских дворян дали название этому сражению и в историю оно входит как «Битва золотых шпор» [216, р. 17-19]. Как отметил бельгийский историк Анри Пиренн: «...битва при Куртрэ является исключительно национальным событием. Она объясняется самым характером фламандской культуры, она есть продукт социальных и политических движений, волновавших страну» [120, с. 333]. Еще одним значимым праздником национального уровня является праздник французского сообщества Бельгии, который празднуется 27 сентября в честь ознаменования революционной победы в сентябре 1830 года в городе Брюссель в результате изгнания войска Северных Нидерланд Вильгельма Оранского, при совместных действиях валлонов, брюссельцев и фламандцев.

Однако не только ряд значимых для Бельгии исторических событий, сохранившихся в народной памяти, является сюжетно-зрелищной основой праздников. В праздничном пространстве страны заметное место занимают и религиозные мотивы, церковные торжества, порождающие особый тип коллективных переживаний. Культурологический анализ генезиса праздничной культуры Бельгии выявляет духовно-нравственный потенциал религиозной компоненты, способствующий решению проблем сохранения этнокультурной идентичности на основе веры. Неслучайно конфессиональная принадлежность народа влияет на его самосознание и ценностное отношение к календарю церковных праздников и их духовно-обрядовой определенности.

К примеру, фламандцы и валлоны на историческом пути развития остались приверженцами католицизма, несмотря на попытки изменить их религиозное верование. Именно религиозная элита, наряду с буржуазией, предприняла важные шаги в обретении независимости от Нидерландов и провозглашения бельгийской государственности в 1830 году. Религиозный аспект, несомненно, оставил след и

в формировании праздничной культуры, позволив бельгийцам сохранить этнокультурный геном. Как точно отметили немецкие социологи П. Бергер и Т. Лукман в совместном исследовании идентичности: «общества обладают историями, в процессе которых возникают идентичности; но эти истории, однако, творятся людьми, наделенными специфическими идентичностями» [26, с. 278].

Культурологическое осмысление мифологических, социально-исторических и религиозных аспектов праздничной культуры Бельгии подводит к выводу о значимости субъектного фактора ее генезиса. Мы имеем в виду такое явление, как множественность этнических групп, каждая из которых мотивирована на сохранение своей идентичности в едином государстве. Сложность психологического аспекта межэтнической коммуникации задает ряд открытых проблем, требующий понимания и учета в культурной политике любого многонационального государства. В Королевстве Бельгия в течение многих лет на правительственном уровне предпринимаются попытки создания общенациональных культурных проектов, что способствует ослаблению напряжения в общении различных этнических групп. Однако далеко не все разделяют мнение по поводу онтологического статуса бельгийской культуры как единой национальной: «Сегодня Бельгия — это не нация, а разрозненная агломерация языков, культур, смешанных вкусов, иногда взаимодополняющие, иногда антиномические, часто противоречивые» [217, p. 15].

Отсюда и активный интерес к открытой, требующей разрешения проблематике современного общества Бельгии. Серьёзная озабоченность данными проблемами проявляется на уровне правительственных и парламентских споров, общегосударственных кризисов последних лет. Наиболее показательным и значительным можно считать политический кризис 2010 – 2011 годов [238].

Стоит особо подчеркнуть и факт позитивного влияния монархии [239] на различные сферы культурной политики, включая и использование праздничных форм самоидентификации бельгийцев. Как подтверждает многовековая история бельгийской государственности, монархия занимает одно из консолидирующих мест в бельгийском обществе. Также верно и то, что традиционное участие

монаршей семьи в национальных праздниках создает прецедент их значимости и является символом исторической преемственности. Многие культурные акции, в том числе и праздничные, проводятся под патронажем членов бельгийской монаршей семьи, являя тем самым плодотворный характер взаимодействия в жизни королевства институтов власти и культуры. Как результат, стимулируется вовлеченность граждан в культурную жизнь страны, в процессы освоения ценностного фонда и в различные проекты сохранения этнокультурной идентичности, включая и проведение праздников, усиливающих чувство общей принадлежности к национальной истории. Как точно отметил Л.Н. Гумилев: «Для того, чтобы история стала учителем жизни, необходимо желание общества использовать исторический опыт, применять его в социальной практике» [45, с. 317].

Весь ход становления бельгийской государственности указывает на политическое желание сохранения национальной культуры через уступки и компромиссы в построении универсальной модели сосуществования и формирования единой нации, учитывая «что старый общинный конфликт между Фламандцами и Валлонами - не единственная причина постоянного напряжения» [217, р. 21].

Перед бельгийским обществом, особенно на уровне политических элит, остро стоит задача создания атмосферы толерантности в целях конструктивного взаимодействия этнических групп и стремления в сохранении идентичности в едином государстве. В этой связи стоит отметить, что американский ученый Чарльз Кули в своих работах акцентирует внимание на таком механизме формирования идентичности, как символическое взаимодействие индивида с разнообразными первичными группами.

В то же время эффективность использования праздника как фактора сохранения этнокультурной идентичности в немалой степени зависит и от отношения государства и власти к этому явлению. Отметим в этой связи, что последовательность бельгийского социума в бережном отношении к праздничным традициям и к художественно-эстетическим формам выражения «духа народа»

(Вундт) позволили сохранить народные традиции, обряды, праздники до сегодняшнего дня.

Эта тенденция получила отражение в ряде работ бельгийских ученых. Так, в одной из своих работ «Между топонимией и утопией: валлонские памятные места», бельгийские историки Люк Куртуа и Жан Пиротт, отмечают: «Валлонские карнавалы, безусловно, заслуживают особого внимания. Среди большого количества проявлений, скорее современного и живого фольклора, валлонские праздники часто являются предметом научных споров... Но эти праздники выжили, и они объединяют людей в одном месте просто для того, чтобы наслаждаться ими, благодаря валлонскому вокабулу. К традиционным дюкассам, несомненно, было много и других претензий, но их незаменимая роль была и остается в объединении социальных групп, которые их праздновали» [190, p. 307].

Изучение истории становления праздничной культуры Бельгии через призму проблематики сохранения этнокультурной идентичности приводит к ряду выводов.

Становление и укрепление бельгийской государственности, а также совершенствование межэтнических отношений в немалой степени зависят от эффективности комплекса механизмов культурной регуляции и манифестации ценностных доминант в социальной жизни. Комплекс данных механизмов включает и национальные праздники. Особенности генезиса праздничной культуры и ее место в пространственно-временном континууме Бельгии обусловлены своеобразием её исторического развития и находят реальные проявления в массовых праздниках различного типа.

Праздники мобилизуют «присущие каждому народу видение истории и художественное сознание» [67], активизируя тем самым его творческий потенциал как субъекта самобытной культуры. Значимость феномена разнообразия праздничных форм сохранения этнокультурной идентичности состоит в том, что благодаря им «возникает духовная структура, занимающая исключительно важное место в центральной мировоззренческой матрице народа» [67].

Важным условием сохранения культурных традиций и ценностных приоритетов является возможность свободного существования различных этносов, населяющих территории. Такое существование интегрирует многие формы сохранения этнокультурной идентичности и одна из них - праздничная культура, в пространстве которой взаимодействуют и общаются самые разные народы.

По свидетельству Х. Хаскина, «бельгийцы, начиная с 1830 года, утверждают себя как люди со своей индивидуальностью. Эта индивидуальность во времена революции никогда не приписывалась фламандцам или валлонам. Различия между «фламандскими провинциями» и «провинциями Валлонии» конечно же существует, но без политического, и уж тем более морального значения» [200, р. 10]. В определенной мере есть основание утверждать, что благодаря праздничной культуре, фламандцы и валлоны сохраняют и передают этногеном, не растворяясь в культурах своих соседей, а также сопротивляются всевозрастающему миграционному «нашествию инокультур».

Тем не менее, до сих пор лингвокультурная проблема сохраняет открытый характер. В современной Бельгии, а точнее, в реалиях Бенилюкса, как и во всем мире, «проблемное пространство межкультурного диалога разноязычных народов столь же многогранно, сколь и динамично. Сложность диалогических отношений между разными народами как субъектами уникального культурного опыта предстает в единстве синхронного и диахронного срезов рефлексии» [160].

Отсюда важность культурологического осмысления данной проблемы, поскольку она связана с носителями родного языка, т.е. с субъектами праздничной культуры и межэтнической коммуникации.

1.2. Лингвокультурный аспект своеобразия праздничной сферы жизнедеятельности бельгийского социума

Содержание предшествующего параграфа подводит к пониманию того, что генезис всей бельгийской культуры и, в частности, праздничной, восходит к историческим событиям, происходившим до первой трети XIX века. Следующий этап формирования современной Бельгии и ее культурного пространства, после 1830 года, происходит, в основном, на основе лингвокультурных процессов, антагонистических взаимоотношений языковых сообществ, региональной политической и экономической конкуренции, и других неоднозначных моментов межэтнической коммуникации.

Значимость лингвокультурного аспекта жизнедеятельности бельгийского социума культуры в целом и ее праздничной сферы в частности обусловлено прежде всего языком народа. Без языка невозможно представить себе отражения мира и опыта сохранения и трансляции социокультурных традиций. Как справедливо отмечает Г.В. Колшанский, «пространственно-временное ориентирование человека есть практически физический закон существования любого объекта, и естественно, что речевая деятельность человека должна выражать во всех видах коммуникации временное и пространственное существование предметов и фактов» [69, с. 103].

Субъектность лингвистического аспекта социальнокультурной реальности заключается в том, что она включает в себя языковую картину мира. На любой этнос распространяется закономерность, отмеченная современным исследователем А.П. Садохиним: «Основным субъектом языковой картины мира является языковая личность, которая в межкультурной коммуникации рассматривается как специфический тип коммуниканта, обладающего культурной идентичностью, придерживающегося языковых, поведенческих и

коммуникативных норм своей культуры и способного к эффективному межкультурному взаимодействию» [129, с. 104].

Отсюда и признание статуса языка как специфического способа формирования личности, национального характера, народа, нации [141, с. 79-80]. Для раскрытия роли языкового фактора межэтнической коммуникации в реалиях бельгийского социума важно обратиться к ряду суждений авторитетных исследователей.

По мнению Е.Л. Головлевой, «язык не является только лишь средством, он также та среда, в которой формируется и живет человек, которая детерминирует жизненный опыт человека. Можно даже сказать, что человек живет как бы внутри языка, постоянно испытывая на себе его влияние» [42, с. 117]. В этой связи стоит вспомнить метафорическое высказывание Оливера Уэнделла Холмса о том, что «каждый язык – это храм, в котором бережно хранятся души говорящих на этом языке».

Лингвистическая картина культурного пространства отображает современную ментальность нации, которая становится еще понятнее в свете ритуально-обрядовых, фольклорных элементов культуры. Стремление к сохранению этих традиций и элементов с использованием диалектов и фразеологизмов способствует дальнейшей ретрансляции информации о народе как в ментальном, так и культуротворческом планах. В реалиях глобализации и трансформаций информационно-коммуникативного характера возрастает значимость лингвокультурного фактора сохранения самобытности каждого народа в качестве носителя, транслятора и творца нормативно-ценностных основ своего существования. Важность учета данного фактора в творческих практиках организации и проведения национальных праздников обусловлена тем, что «наше мировосприятие и миропонимание в значительной степени находятся в плену у языковой картины» [93, с. 9] культурного пространства.

Именно поэтому лингвистические особенности самовыражения этнического «космо-психо-логоса» (Гачев) в реалиях сопряженности повседневного и

праздничного аспектов народной жизни заслуживают внимания широкого круга исследователей – от филологов-лингвистов до культурологов.

С этой точки зрения стоит вспомнить, прежде всего, работу Р. Якобсона «Язык и бессознательное», которая, и спустя несколько десятилетий после ее выхода в свет, сохраняет смысловую значимость и эвристическую ценность. Ряд высказанных авторитетным ученым-лингвистом идей имеет, на наш взгляд, непосредственное отношение к лингвокультурному аспекту сохранения этнокультурной идентичности. «Если языковые союзы, - отмечает Р. Якобсон, - являются крайним проявлением лингвистического конформизма, то, с другой стороны, именно в межъязыковых отношениях наблюдается также обратное явление нон-конформизма, а именно, языки, подверженные опасности поглощения соседними языками, нередко развивают специфические черты, разительно отличающие их от структуры наседающих соседских языков» [168, с. 245]. Влияние «соседних языков» происходит перманентно и результат такого влияния зависит от устойчивости «оригинального» языка перед угрозой его поглощения.

Речевая специфичность представителей разных лингвокультур неоднородна и является средством обмена информацией, а вместе с ней, национально-коммуникативными элементами культуры, приобретенными в процессах жизнедеятельности. Теоретический подход к вопросам о специфическом значении языка для формирования культуры находит свое отражение в работах социолингвистов, этнолингвистов и представителей некоторых других сфер гуманитарного знания. В их ряду – работы Ч. Пирса, аналитические концепции современной лингвофилософии Г. Фреге, Б. Рассела, Дж.Э. Мура, Л. Витгенштейна, Н. Манкольма, Д. Дэвидсона, С. Крипке и др.

Важность изучения лексико-семантического аспекта этнонациональной специфики отмечает М.М. Бахтин, согласно которому «влияние национальной специфики менталитета той или иной лингвокультурной общности на процессы и результаты межэтнического общения нельзя ни преувеличивать, ни преуменьшать. Необходима теоретическая и практическая разработка этой

проблемы с целью выявления тех компонентов коммуникации, в которых влияние национальной специфики менталитета наиболее заметно и результативно» [18, с. 400]. Огромное значение имеют социально-поведенческие условия функционирования языка, где «слова опосредуют социальное поведение, и их значения зависят от исполняемой ими социально-поведенческой функции... Поскольку язык используется для организации и контроля образцов поведения, эти образцы детерминируют языковые значения» [98, с. 91]. Все эти моменты дают основание утверждать, что язык – это как «всепроникающая нить, из которой ткется паутина организованного человеческого поведения» [98, с. 91].

Примером взаимодействия различных лингвокультур на национальном уровне является Королевство Бельгия с присущей ему лингвистической насыщенностью в рамках одного государства (официальные языки, диалекты). Наличие нескольких государственных языков являет собой как положительные стороны, в виде взаимного обогащения культур через коммуникативные функции языка, так и проявляет проблематику нетерпимости и ограничительных мер в рамках одного языкового сообщества, когда французский язык «запрещен» во Фландрии, а фламандский в Валлонии. Однако положительная сторона языкового многообразия ярко просматривается в наличии языковых «оттенков» именно в праздничной культуре, когда используются диалектальные языковые формы, придающие особую специфику оригинальности этнической группе.

Высказывание немецкого философа Шеллинга о том, что «язык устанавливается одновременно с народом» [103, с. 63], дает основание подчеркнуть социально-культурную значимость языка. Интересны и размышления Эдварда Сепира, автора известной концепции «лингвистической относительности». Согласно ему, «два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности» [133, с. 130-132]. Справедливость данного тезиса ученого подтверждается лингвокультурным аспектом жизнедеятельности бельгийского социума.

В связи с этим стоит более подробно остановиться на данном аспекте. Главная особенность национальной бельгийской культуры заключается прежде всего в наличии языковых сообществ и разделении государства на две основные составляющие: Фландрия (примерно 56% от общего населения) и Валлония (примерно 41%). Столица Бельгии Брюссель занимает обособленное место: это единственный регион, где используются в административных и судебных учреждениях, на вывесках, названиях улиц и т.д., два языка: французский и нидерландский. На востоке Бельгии, на границе с Германией, находится немецкоговорящая часть населения, составляющая примерно 1% от всего населения, но, тем не менее, немецкий язык входит в состав официальных государственных языков наравне с французским и нидерландским [231].

Получение Бельгией статуса Федеративного государства, включающего три языковых сообщества и три региона¹, стало одним из самых важных событий истории государственности и окончательно повлияло на лингвистический аспект бельгийского культурного пространства. Федеративный статус закреплён в первой статье конституции Бельгии, что становится возможным благодаря пяти проведенным реформам между 1970 и 2001 годами (в 1970, 1980, 1988-89, 1993 и 2001). «Унитарное государство ... стало устаревшим по факту. Сообщества и регионы должны занять свое место в новых структурах ... (которые) должны обеспечить реальную автономию культурных общин ... (и) организовать децентрализацию определенных нормативных полномочий ... также ... для определенных решений по внедрению и участия в разработке и осуществлении программ» [225, p. 95].

Как федерация административно-территориального устройства, Бельгия разграничила полномочия в сфере культуры и образования, и передала их на управление властям трем языковым сообществам: фламандскому, франкоговорящему и немецкоговорящему; образовав три региона: Фландрия, Валлония и регион Брюссель-столица. Каждое сообщество выбирает свой путь развития культуры и образования, объем стимулирования и финансирования,

¹ Границы языковых сообществ не совпадают с территориальными границами регионов Бельгии.

исходя из выработанных планов развития и политики сохранения своей этнокультурной идентичности, сформированной на протяжении длительной истории.

В связи с этим имеет смысл обратиться к историческим событиям, оказавшим влияние на лингвокультурную ситуацию в стране. Для лучшего понимания особенностей исторического лингвокультурного развития и фактов, повлиявших на формирование праздничной культуры Бельгии важно рассмотреть причины и последствия лингвистического разграничения. История Бельгии нашла свое отражение в работах многих бельгийских ученых, труды которых мы используем в данном исследовании: историков Г. Пиррен, М.-Т. Битч, Дж.-Г. Дюмонт, М. Болонь, Ж.-Д. Буссарт, П. Даез-Бурж, Ф. Дельперы, Г. Хаскин и др., политологов и социологов П. Дельвитт, Э. Дойен, А. Дю Буа, Г. Фонтейн, М. Гош, Дж. Фаньель, М. -П. Гереманс и др., лингвистов А. Доппань, А. Гуосс, А. Генри, и др., культурологов Дж. Хеерс, Т. Хонигман и др.

Особое значение для темы нашего исследования имеет следующий тезис авторитетного медиевиста А.Я. Гуревича: «Не следует забывать, что именно в средние века зародились европейские нации и сформировались современные государства, сложились языки, на которых мы до сих пор говорим. Мало того, к средневековью восходят многие из культурных ценностей, которые легли в основу нашей цивилизации. При всех контрастах связь и преемственность этих культур несомненны» [47, с. 5-6]. Но для полноты картины мы исторически углубимся в более раннее время, чтобы выявить первопричины генезиса формирования культуры и лингвистической особенности Бельгии.

Предпосылки лингвистического разнообразия на территории современной Бельгии возникают в период расселения на этих территориях франкских племен, использующих языки германской группы, тогда как на юге находились племена, использующие романскую группу. По мнению некоторых современных бельгийских ученых, сформировавшиеся этнические группы являются представителями одного и того же народа, попавшего под влияние различных

языковых групп и именно в этот период, Бельгия получает формально первое, неофициальное, лингвистическое территориальное разделение [202, р. 21].

Политическое дробление по Арраскому договору (*le traité d'Arras*) в 1482 году вызвало те лингвистические последствия, которые способствовали диалектной фрагментации; в результате этого происходит формирование языков пикардии, фламандского, валлонского, лотарингского, люксембургского и лимбургского. Государственные институты и церковь все также используют латынь, и только часть дворянства Франции говорит на французском языке. В статье «Латынь – ключ к пониманию мира средневековья», М. Рихтер отмечает: «создание средневековых государств и управление ими не находилось в столь сильной зависимости от употребления латинской письменной традиции и речи. Латынь в государственной сфере недолго оставалась необходимым инструментом, превратившись скорее в декоративное дополнение» [113, с. 127]. Правда, гипотеза о лингвистической диалектной фрагментации в феодальный период в Бельгии оспаривается в современном научном дискурсе, где оппонирующие лингвисты, историки, антропологи считают, что фрагментация происходила гораздо дольше и началась, практически, с франкского вторжения различных племен, с уже дифференцированными языками [184].

Начиная с периода Бургундского правления, французский язык становится средством межнационального общения большей части дворянства и служит административным языком. Фламандский язык севера остается более или менее употребим во Фландрии, валлонский распространен в Валлонии, вместе они составляют палитру различных диалектных форм и ассоциированы с простонародными сельско-крестьянскими языками, которые являются региолектом, как «особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые черты и особенности; это норма, с одной стороны, не достигшая статуса литературного языка, а с другой стороны, в силу наличия множества ареально варьируемых черт, не совпадающая с городским просторечием» [41, с. 13]. Соответственно, языковое главенство в народно-праздничной культуре занимают именно фламандский и валлонский

языки, в то время как французский язык был языком придворных, аристократических праздников, а латинский все также остается доминирующим в литургиях и в проводимых церковью мессах, в религиозно-ритуальных празднествах.

С самого начала развития праздничных традиций в Бельгии лингвистический аспект становится значимым для процессов дивергенции и формировании мозаичности национальной культуры, когда «язык естественный сделался языком историческим» [103, с. 67], «этнолингвистическая непрерывность сменилась этнолингвистической дискретностью» [163, с. 226], лингвистическая дифференциация становится следствием формирования региалектов. Тем самым подтверждается тезис исследователя А.В. Шипилова о том, что именно «с образованием языковых семей происходит формирование этнического самосознания» [163, с. 226].

Концепция, согласно которой языковая общность определяет культурное единение народа, проецируется, на наш взгляд, на особенности исторического развития Бельгии, в ходе которого развивалась и праздничная культура. Феномен праздничной культуры – это не только один из маркеров самобытности бельгийской нации, но и специфический фактор развития ментальности, свойственной валлонам и фламандцам.

Взаимосвязь языкового сознания и ментальных свойств каждого этноса проявляется на протяжении длительной истории. Древнейшая, из известных, классификация языков основывается на признании «двух семейств: к одному принадлежит язык, на котором мы говорим; ко второму же семейству относятся все остальные языки мира. Греки ставили в первом ряду собственный язык, во втором язык варваров; евреи различали еврейский язык от языческого. У индусов существовало два языка: язык арийцев и язык млекгазов; китайцы знали идеоматический язык, употребляемый в центре государства, и другой, бывший в ходу вне его» [103, с. 67]. Данное понимание лингвистической значимости этнокультурной самобытности способствует культурологическому осмыслению

вопроса о влиянии языка на процессы развития бельгийской культуры в разнообразии её форм, в том числе – и праздничной.

Национальная праздничная культура Бельгии включает ритуалы и обряды нескольких этносов, где лидерство принадлежит фламандцам и валлонам. Ситуативно-процессуальная, коммуникативная и зрелищная грани праздничной культуры неотделимы от стратегии использования совокупности общих применяемых элементов, креативных подходов, технических приспособлений, декоративно-ландшафтных решений и т.д. В обобщенной схожести бельгийских праздников из разных регионов стоит отметить такую различительную черту явления этнокультурного разнообразия, как лингвистическая. По праву можно сказать, что язык является наиболее заметным маркером различия в этническом многообразии бельгийских праздников.

Так, наиболее популярная карнавальная традиция включения в сюжетно-зрелищное пространство праздника кортежа повозок и шествия в полной мере получила распространение во всем бельгийском культурном пространстве. Мы наблюдаем праздники данного типа во Фландрии, такие, как *Cortège des trois Mages* (Gand), *Cortège à l'étoile* (Coxhyde), *Cavalcade de carnaval* (Kruibeke) и др., которые используют схожие подходы в реализации празднества, характерные театрализованные приемы, игровые и сценарные элементы. Подобного рода карнавальные праздники проводятся также в Валлонии, такие, как *Carnaval des Ribouldingues* (Vielsalm), *Lu Cwarmê d'Mâm'di* (Malmédy), *Grant cortège de la Laetare* (Froidchapelle) и др. [222] Самое главное отличие праздников из разных регионов состоит в их лингвистической окраске.

Присущи этим праздникам и некоторые особенности этнической эмблематики костюма участников и гастрономических особенностей локальной специфики, производимой по особым рецептам (колбасы, сыры, молочная продукция, блюда с использованием морепродуктов). Отсюда большой интерес фламандцев к праздникам, проводимым в Валлонии и ответный интерес валлонов к праздникам во Фландрии.

Однако необходимо уточнить, что праздничная культура не была автономной по отношению к истории бельгийского государства: в частности, для нее не мог пройти бесследно тот факт, что ситуации языковой толерантности не всегда была константной. Так, после провозглашения независимости, приоритетным языком долгое время оставался именно французский. В своем письме от 1832 года, премьер-министр Шарль Рожьи заявляет: «Первые принципы хорошего управления (государства) основаны на исключительном использовании языка, и очевидно, что единственным языком бельгийцев должен быть французский. Чтобы достичь этого результата, необходимо, чтобы все гражданские и военные функции были возложены на валлонов и люксембуржцев; таким образом, фламандцы, временно лишенные преимуществ, связанных с этими рабочими местами, будут вынуждены изучать французский язык, и германский элемент в Бельгии будет почти уничтожен» [223].

Главной причиной, по которой нидерландский язык¹ долгое время не получал статус государственного, являлось отсутствие его структурированности и стандартизации. В этих условиях защитники фламандского диалекта, получившие название «фламонго» (flamingant), осознали, что им необходимо в первую очередь объединить свои языковые диалектные разновидности, если они хотят, чтобы фламандский диалект получил признание. Благодаря Жан-Франсуа Виллемс (Jean-François Willems), считающемуся отцом фламандского движения, был запущен процесс адаптирования голландского языка и местных фламандских диалектов в качестве стандарта языка для использования в северной Бельгии. В 1839 году, Ж.-Ф. Виллемс и каноник Ян Баптист Давид (Jan Baptist David) получают от правительства задание по созданию комиссии, которая, с одной стороны, должна разработать методологию согласованную с реформой Маттиаса Зигенбека (Matthias Siegenbeek) 1804 года, одного из авторов единой орфографической системы голландского языка, а, с другой стороны, создать во

¹ Употребление «голландский или фламандский» вместо нидерландский язык не совсем корректно с учетом того, что Голландия — это всего лишь регион в Нидерландах, а Фландрия — это административный регион в Бельгии. Необходимо упомянуть, что в 1980 году Нидерланды и Бельгия основали «Нидерландский языковой союз», который своей целью и главной задачей обозначил обсуждение проблем развития и стандартизации нидерландского языка. Это способствовало с 2005 года началу проведения реформ орфографии.

Фландрии, на основе используемых диалектов, форму самостоятельного языка [187, р. 229]. В 1841 году официально принята новая реформа орфографии нидерландского (фламандского) языка, и, в 1864 году, создан первый нидерландский словарь, *le Dikke Van Dale* или, точнее, *Van Dale Groot woordenboek van de Nederlandse taal* («Нидерландско-говорящий словарь Великого Ван Дейла»), с орфографией Маттиаса де Вриза (*Matthias de Vries*). Стоит отметить, что в пределах фламандских провинций, было много сопротивляющихся языковому объединению различных фламандских диалектов. Однако, было и осознание того, что без лингвистической стандартизации Фландрия не получила бы своего национального языка [227].

В 1838 году фламандский писатель французского происхождения Хендрик Консьенс (*Hendrik Conscience*, 1812-1883) публикует исторический роман: *De Leeuw Van Vlaanderen* (Лев Фландрии). В оригинальном издании роману предшествует своего рода историческая справка о фламандцах XIX века. Роман имеет большой успех и под его впечатлением становится совершенно ясно, что нидерландский язык на основе фламандского диалекта не является более второсортным языком [172, р. 120].

Относительно валлонского языка следует подчеркнуть, что сегодня он имеет ограниченный статус «праздничного языка», поскольку наиболее часто и массово используется именно на праздниках в интерпретации шуток, песен, увеселительных диалогов и т.д. [204] Причиной тому стала чрезмерная популяризация французского языка в Валлонии, в основном среди буржуазии на протяжении всей истории королевства. Сказалась также непродуманная государственная политика по офранцуживанию валлонов и отсутствие стимуляции использования валлонского языка в образовательной сфере. Не дает положительного результата и нынешняя ситуация с дотационным стимулированием в области сохранения валлонского языка на государственном уровне с помощью театров, музеев, литературы и т.п. Согласно статистике, проведенной в начале XX века, валлонский язык и его диалектические разновидности, использовались 80% населения Валлонии, тогда как на момент

написания своей работы «История Валлонии» и опубликованной в 2013 году, Мишель Фронкар (Michel Francard) констатирует, что «сегодня, даже если у нас нет официальных цифр лингвистической практики в Бельгии, считается, что около 10% валлонов практикуют или находятся в контакте с одним из четырех региональных языков» [233].

Несмотря на провальную лингвистическую политику по отношению к региональным языкам, необходимо отметить постоянные попытки изменения ситуации на государственном уровне. Инициированный и запущенный проект 1 марта 2018 года министром культуры Альда Греоли (Alda Greoli) «Моя коммуна говорит «да» региональным языкам», как раз направлен на то, чтобы изменить ситуацию и «нацелен на создание лейбл и создание сети коммун, обязующихся осуществить ряд конкретных действий в пользу региональных языков и культур, существующих на их территории» [234].

Одним из значимых инструментов в реализации данного проекта является, несомненно, расширенное использование региональных языков в праздничной культуре, способствующей сохранению этнокультурной и лингвокультурной идентичности личности Бельгии, посредством «эффективной коммуникации» [161, с. 115]. При этом вырабатываются особые нормы и системы действий, где «внутригрупповая коммуникация, с одной стороны, способствует социальной интеграции, с другой, - усиливает внешнюю дифференциацию» [91, с. 49].

Культурное пространство Бельгии находится в постоянной трансформации при полной зависимости от глобализационных процессов, происходящих в мире. Этот момент очень точно объяснил американский политолог С. Хантингтон: «Культура младшего поколения зачастую сильно отличается от культуры предыдущих поколений. Временами происходят и глобальные перемены в культурах обществ... Культурная идентичность трансформируема, идентичность же этническая трансформации не подлежит» [151, с. 65].

Отсюда, еще раз повторяем, и интерес исследователей к лингвистическому аспекту сохранения этнокультурной идентичности. Этот аспект значим и в связи с вопросом о коммуникативном потенциале праздничной культуры. Ряд

праздничных форм культуры Бельгии оказывает заметное влияние на решение задач преодоления лингвистического барьера в межэтническом общении. Последние действия государственной политики Бельгии в этом направлении свидетельствуют о понимании того, что идентичности «в общем и целом представляют собой конструкторы. Люди конструируют собственные идентичности, занимаясь этим, кто по желанию, кто по необходимости или по принуждению» [151, с. 51], понимая в то же время, что «чаще всего этнокультурная принадлежность осознается и переживается индивидом как данность и проявляется посредством общих для этнической группы языка и культуры (в самом широком ее понимании), отличных от языка и культуры других народов» [91, с. 113-114].

В то же время нельзя отрицать, что во «внеэтнического языка, внеэтнических форм поведения» [11, с. 8] сложно представить факт сохранения этнокультурной идентичности. Ведь «в конечном счете, этничность... имеет экзистенциальное значение, проистекающее из человеческой потребности иметь преемственную принадлежность» и охарактеризована как чувство «социальной принадлежности и высшей формой лояльности, связанной с родством и верой в общее происхождение» [224, р. 350].

На наш взгляд, лингвокультурный аспект праздничной культуры Бельгии является определяющим маркером этнокультурной идентичности, уникальности ментального опыта народа, его ценностных приоритетов и их символизации различными средствами. Языковая окрашенность этнического «космо-психологоса» придает неповторимость многим элементам динамичной системы культуры, включая и праздничные формы коллективных акций и переживаний.

При этом важно иметь в виду, что культура Королевства Бельгия является сложно дифференцированной мультикультурной системой, где ее собственные лингво-этнические компоненты органично функционируют с заимствованными языковыми элементами других культур. Именно поэтому стоит упомянуть о лексических особенностях бельгийского французского и фламандского языков, имеющих особые черты, специфику употребления, получившие общее название

«бельгицизм» [199, р. 292-294] и вмещающие в себя «валлонизм» (wallonisme) и «фландрицизм» (flandricisme). Пуристский дискурс по диатопным лингвистическим изменениям в Бельгии восходит к началу XIX века. Его первым представителем считается француз А.-Ф. Пойарт (A.-F. Royart), который приехал учиться в Брюссель, в то время, когда Бельгия еще не была независимой и находилась под французским правлением. В 1806 году он публикует сборник под названием «Фландрицизмы, валлонизмы и выражения, не соответствующие французскому языку» [219], ставший первым проявлением интереса к данной проблеме.

Фразеологизмы бельгийского французского языка, составляющие бельгицизмы, основываются на заимствованиях из нидерландского (фламандского) и диалектов валлонского языков, а также, состоят из появившихся неологизмов и набора сохранившихся старых французских слов – архаизмов, вышедших из употребления в современном французском языке.

Отправной точкой проявления оригинальности бельгийского французского языка и признания его колоритности можно считать постановку комедии «Брак Мадмуазели Беулеманс» (Le Mariage de mademoiselle Beulemans) Фернанда Вичелера (Fernand Wicheler) и Франца Фонсона (Frantz Fonson), премьеры которой состоялась в театре Олимпия в Брюсселе 18 марта 1910 года и затем была поставлена в Париже в театре Ренессанса 7 июня 1910 года [192]. Пьеса имела большой успех в Бельгии и за рубежом, благодаря удачному смешиванию французского и валлонского языков, фламандских диалектов с брюссельскими выражениями, являясь неотъемлемой частью фольклорного наследия Брюсселя и использования бельгицизмов. Бельгицизмы в полной мере определяют лингвистическую идентичность франкоговорящих бельгийцев, которые гордятся особенностями своей речи. В то же время далеко не все носители бельгицизмов разделяют эту позицию, что порой является поводом для шуток, в которых, тем не менее, сохраняется уважение к данному проявлению языковой самобытности страны.

Наиболее частым и массовым использованием бельгицизмов в франкоговорящей Бельгии, несомненно, является праздничная культура. Ни один праздник не обходится без использования речевых фразеологизмов для колоритности в театрализованном воспроизведении праздничного действия, шуток, юмористических текстов, песен и т.д. Самым известным можно считать праздник «15 августа на Утрмюз» (15 août en Outremeuse) в рамках созданной «Свободной республики Утрмюз», проводимый ежегодно в городе Льеж [198]. Праздник берет свое начало в 1927 году, когда по инициативе горожан льежского квартала Утрмюз была создана ассоциация для организации праздничных мероприятий по сохранению традиций и популяризации особенностей этого района. Визуальные, вербальные, музыкальные и игровые составляющие бельгийских празднеств – не только атрибутивны, но и субъектны с точки зрения эмоционально-психологического воздействия на участников. Мы имеем в виду механизмы заражения, внушения и идентификации, эффективность которых обеспечивается кортежами, пластикой и обликом ростовых фигур, театрализованной презентацией «знаковых» персонажей, концертами, танцами, музыкальным оформлением всего праздничного церемониала и, конечно, наличием бельгицизмов, а также использованием валлонского диалекта [175].

Значимость праздничных форм бельгийской культуры в немалой степени обусловлена тем, что важным самоидентификатором является именно языковая общность, на основании которой образованы фламандское, французское и немецкое сообщество. Своеобразие бельгийской модели государственности проявляется в том, что каждый из двух основных официальных языков государства (нидерландский, французский) практически не используется почти на половине территории одной страны. Бельгия остается одним из немногих европейских государств, которые не ратифицировали Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств, и Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств. Учитывая сложность строения федеральных структур Бельгии, в ближайшее время будет сложно принять хотя бы один из этих двух европейских договоров о защите национальных меньшинств [179]. Для того,

чтобы принять эти договоры в отношении меньшинств, Бельгия должна их ратифицировать компетентными законодательными собраниями для их вступления в силу (Палатой представителей, Сенатом, Фламандским советом, Советом Французского сообщества, Советом немецкоязычного сообщества и Советом региона Брюссель-столица), а это, в данной политической ситуации, является практически невозможным.

На сегодня Бельгия находится в ситуации, когда два основных сообщества более не «разговаривают» друг с другом и стараются «не знать» друг о друге. По мнению некоторых бельгийских политологов, именно фламандцы не видят будущего единого бельгийского государства, перспектив его развития и проведения реформ. Наиболее важной причиной, которая может привести к кончине нынешнего бельгийского государства, является экономическая, а не культурная. Фламандцы не хотят бесконечно «кормить» Валлонию, цепляющуюся за федеральные структуры, извлекая выгоду из фламандского динамизма. Существенным препятствием на пути демонтажа Бельгии, может являться колоссальный государственный долг, который на 2017 год составлял 103% от ВВП экономики [173]. Более того, и судьба региона Брюссель-столица, является также одним из основных препятствий на пути «развода» бельгийцев. Столица населена более чем на 85% франкоговорящими жителями, но географически находится на территории Фландрии. Это делает гипотетически возможным существование в статусе независимых или присоединенных к Франции, франкоязычных Валлонии и Брюсселя, что полностью не приемлемо для Фландрии. Подчеркнём при этом, что фламандцы не желают покинуть Брюссель - экономическое и политическое сердце страны и всей Европы, и уж тем более позволить франкофонам единолично владеть им [229].

Многие считают, что бельгийский федерализм не решил внутригосударственного противостояния, тем не менее, существует прецедент единодушия двух лингвистических и политических антагонистов. В апреле 2010 года, фламандцами и валлонами, был единогласно согласован вопрос запрета на ношение никаба мусульманками в публичных местах [232]. Стоит отметить, что

это единство мнений и интересов было достигнуто именно в вопросах, касающихся этнокультурной идентичности бельгийской многослойной нации, что подчеркивает приоритетность культурного аспекта в решении государственных задач.

Для многих обычных бельгийских граждан не стоит вопрос о разделении страны, несмотря на лингвистический спор, который подпитывается политическими элитами двух антагонистических регионов. Согласно опубликованному опросу ежедневным бельгийским изданием «La Libre Belgique» в 2010 году, сценарий раскола отклонило 57% бельгийцев, против 14-ти процентов, для которых разделение было бы благоприятным. Даже во Фландрии, где чувство автономии намного выше, только 15% опрошенных выступают за распад страны [230].

Проблема лингвистической и политической неприязни среди части населения Бельгии породила широко распространенное в мире выражение: «компромисс а ля бельж» (*compromis à la belge*). Смысловое значение данного выражения – способность взаимных уступок в областях этнического, лингвистического или религиозного конфликтов; способность найти решения, которые иногда очень сложны, даже трудно применимы, но которые избегают кровопролития. Оглядываясь на историю Бельгии, мы видим, что «бельгийские компромиссы» не гарантируют стабильность в федеративном государстве, хотя и являются важным и нужным инструментом в поиске стабилизационных решений актуальных политических, экономических и лингвокультурных проблем. До сих пор преобладает динамика фрагментации, где крупные общины расчленили государство, руководствуясь своими амбициями, вследствие чего Королевство Бельгия на сегодняшний день находится в состоянии политического конфронтационного федерализма. По мнению ряда современных аналитиков, Бельгии предстоит еще многолетняя политическая стагнация, поскольку на данный момент еще невозможно полностью преодолеть языковые конфликты и взаимные обиды [181].

Важным условием решения этой проблемы является, на наш взгляд, более целенаправленное в концептуально-стратегическом отношении использование праздничных форм межэтнического общения на ритуально-обрядовой основе единения участников того или иного массового праздника. Одним из центральных понятий, связанных с природой праздничной культуры, можно считать «коллективные представления» Э. Дюркгейма и других представителей французской социологической школы. С их точки зрения, коллективные представления носят императивный характер, существуют над отдельными индивидуальными воззрениями и оценками. В свете вопроса о сохранении этнокультурной идентичности необходимо особо выделить роль праздничных форм культуры, где их процессуально-зрелищная природа задействует механизмы внушения, заражения и идентификации эмоциональному принятию коллективных представлений.

Феномен коллективных представлений интегрирует языковые правила, религиозные верования, ритуально-обрядовые традиции, а также нравственные и правовые предписания, научные понятия и т.д. [50] Императивность коллективных представлений присуща всем членам социальной группы, где «они передаются в ней, - считает Л. Леви-Брюль, - из поколения в поколение, они навязываются в ней отдельным личностям, пробуждая в них сообразно обстоятельствам, чувства уважения, страха, поклонения и т. д. в отношении своих объектов, они не зависят в своем бытии от отдельной личности» [81, с. 6].

С нашей точки зрения, именно лингвистический элемент праздничных мероприятий в Бельгии определяет этнокультурную идентификацию бельгийского социума, тогда как другие элементы могут совпадать друг с другом схожестью ритуально-обрядовых традиций в плане диффузионизма, т.е. их взаимного заимствования. Лингвистический аспект своеобразия бельгийской культуры имеет существенное значение для практик проведения регулярных праздничных мероприятий, направленных одновременно как на сохранение этнокультурной идентичности, так и на совершенствование межэтнических отношений. Как утверждают сами бельгийцы, независимо от этнической

принадлежности, «Бельгия - страна праздников» и это соответствует действительности, стоит лишь обратиться к календарю праздничных событий в различных бельгийских регионах, где можно наблюдать большое количество и многообразие праздничных мероприятий.

Типологическое разнообразие бельгийских праздников включает в себя национальные, религиозные, локальные, городские и сельские, фестивали, карнавалы, кортежи, кавалькады и т. д. [222] Причем наличие многих параметров схожести праздничных форм бельгийской культуры не ставит под вопрос лингвистический маркер различия друг с другом.

Анализ лингвокультурного аспекта проблемы межэтнической коммуникации приводит к следующему выводу: несмотря на значительные отличительные черты языковых групп, существует некое единство праздников фламандцев и валлонов, переплетение традиций, которое вызвано естественным «соседством» в рамках единого государства. В процессе изучения вопроса о сопряженности лингвокультурного и зрелищно-процессуального аспектов праздника выявился следующий момент: лингвистический фактор не проявляется исключительно в качестве ограничителя межэтнической коммуникации. В особой атмосфере «праздничного веселья» языковые отличия придают всему празднику особую эмоциональную окрашенность, которая способствует, по нашему наблюдению, усилению чувства общей принадлежности населения к их родине – Королевству Бельгия.

При рациональном и правильном подходе к процессам сохранения этнокультурной идентичности в рамках одного государства, когда «фламандский и валлонский языки, подобно морю вдоль побережья, соприкасаются друг с другом, не сливаясь» [120, с. 16], праздничные мероприятия создают благоприятные условия взаимодействия этнических групп, подчеркивая индивидуальность каждой. Такое взаимодействие создает эффект культурной полиморфии. Лингвистический элемент определяет индивидуальность, свойственную этнической группе на уровне языкового сообщества Бельгии, и выступает маркером многообразия на уровне национальной культуры. В

полиязыковом обществе является приоритетной способность «разглядеть наполняющие смыслы и определиться по отношению к ним», когда «мы более или менее пассивно реализуем общеобязательные нормы, заложенные в языке» [16, с. 14].

В ряду основных факторов становления самобытной культуры Бельгии, включая и феномен языкового разнообразия, существенна роль и религии. С этой точки зрения стоит обратиться к исследованиям Макса Мюллера, который применял методы сравнительного языкознания к мифологии и религии в конце XIX века: «Язык и религия создают народы, и в этом образовании религия является фактором более могущественным, чем язык» [103, с. 62]. Это утверждение подтверждается всем контекстом бельгийской культуры. В частности, на протяжении длительной истории Бельгии содержательные, коммуникативные и эстетические грани феномена праздничной культуры развивались благодаря обоим символическим формам – языку и религии.

Сакральные ценности благоприятно влияют на различные сферы жизни страны: одним из исторических подтверждений этому является тот факт, что религия стала одним из факторов бельгийской государственности¹. Именно «под влиянием церкви смягчился национальный антагонизм, и лингвистическая граница перестала быть барьером между людьми, которых она отделяла друг от друга» [120, с. 23]. В то же время именно лингвистический элемент станет впоследствии маркером полиэтнического бельгийского общества в рамках одного культурного пространства.

Социальная роль праздников многогранна: как инструмента объединения населения страны вокруг национальных ценностей, способа актуализации исторической памяти, специфической формы культурной преемственности поколений. В результате осуществления данных функций праздник оказывает позитивное влияние на решение проблемы сохранения этнокультурной идентичности фламандцев и валлонов в Бельгии. Как точно отметил в своей

¹ 4 ноября 1830 года сформированное из католиков и либералов временное правительство провозгласит независимость Бельгии.

работе «Куда движется Бельгия?» Франси Дельперы (Francis DELPÉRÉE), профессор Католического университета Лува (Université catholique de Louvain): «С каждым днем Бельгия становится более дуалистическим государством: два языка, две культуры, две крупные общины. Готова ли она стать государством паритета, то есть государством, которое равномерно объединяет свои конституционные общины в управлении государственными делами? ... Бельгия погибнет, если намерена упрочить старую модель унитарного управления общими делами. И сохранит свой смысл для существования, если она предпочтет правила партнерского управления» [187, р. 59].

Современная Бельгия демонстрирует своим примером возможность совместного сосуществования языковых групп в едином обществе, в ситуации отсутствия единого языкового поля и наличия антагонистских настроений части населения. По нашему мнению, главной и массовой ритуализированной коммуникативной формой общения на уровне межэтнических взаимодействия валлонов и фламандцев, является совместная вовлеченность в процессы национальной праздничной культуры, что, несомненно, становится фактором общего единения и «понимания» друг друга.

Культурологический анализ генезиса праздничных форм бельгийской культуры и их значимости в качестве способа сохранения этнокультурной идентичности подтверждает актуальный характер проблемы их использования в реалиях глобализма. Ценность механизмов праздничной культуры, активизирующих этнический «космо-психо-логос», вытекает из комплекса причинно-следственных связей в пространственно-временном континууме каждой страны, включая и Королевство Бельгия.

С этой точки зрения уместно процитировать следующее умозаключение авторитетного исследователя ментальности народов мира Г.Д. Гачева: «Всем очевидно, что в ходе истории, и особенно в XX в., народы и страны унифицировались по быту (у всех телевизоры и авто...) и мышлению (интернационализм и математизация наук), – и, тем не менее, в ядре своем каждый народ остается самим собой до тех пор, пока сохраняются природа

страны, особенный климат, пейзаж, пища, этнический тип, язык, память о своей истории и культуре, ибо они непрерывно питают и воспроизводят национальные склады бытия и мышления» [36, с. 6].

ГЛАВА 2. Основные механизмы влияния праздничной культуры на национальное самосознание бельгийского общества

2.1. Ритуально-обрядовая традиция как специфический фактор трансляции ценностей народной культуры

Во многих научных работах подчеркнута значимость ритуально-обрядовых традиций как одного из важных элементов общественной жизни и специфического механизма преемственности поколений. Большой вклад в изучение ритуала внесен Г. Спенсером, который считал, что наиболее древним регулятивным средством (одним из трех систем жизнеобеспечения: производящая, распределяющая и регулятивная), являются «церемониальные нормы», состоящие из ритуалов, обрядов, обычаев и т.п., с помощью которых в обществе поддерживаются отношения необходимой дисциплины и субординации.

Ряд вопросов о природе и полифункциональности ритуально-обрядовых традиций получил глубокое осмысление в трудах представителей французской социологической школы (Э. Дюркгейма, Л. Леви-Брюля, К. Леви-Строса и др), а также английских и американских антропологов (К. Клакхона, Э. Лича, Б. Малиновского, Т. Парсонса, А. Р. Радклифф-Брауна, Э. Эванс-Причарда и др.). Существенное значение для выявления роли ритуально-обрядовых традиций в континууме праздничной культуры Бельгии имеют исследования, проведенные специалистами в области истории религии: Г. ванн дер Леувом, Р. Отто, И. Вах, М. Элиаде, Э. О. Джеймсом; общим моментом для них является утверждение о том, что «ритуальное поведение символизирует или отображает священное

(неземной мир или совершенную реальность)» [34, с. 236].

На основе изучения отмеченных выше работ можно сделать вывод, что накопленный опыт духовно-нравственных ценностей общества и характерные особенности поведения этноса передаются через традиционные народные праздники, обряды, художественное творчество. Социокультурная и гуманитарная составляющая ритуально-обрядовых традиций является уникальной для каждого этноса, с его особенностями исторического развития, влияния природно-ландшафтных и социально-экономических факторов.

Пространственно-временной континуум любой этнической культуры включает, как известно, комплекс традиций – ритуально-обрядовых, семейно-бытовых, праздничных и художественных. Но каждый из типов культурных традиций имеет свои особенности, поскольку их генезис неотделим от своеобразия этноса, жизнедеятельность и коллективные представления которого обусловлены характером «вмещающего и кормящего ландшафта» (Л.Н. Гумилёв) и ценностным отношением к сферам сакрального и профанного. Как справедливо отмечает А.К. Байбурин, «для каждой этнической культуры характерны свои представления о значимости тех или иных аспектов поведения и, следовательно, своя конфигурация границы между обязательным (типизированным) и свободным (индивидуальным) поведением» [13, с. 5-6].

Для раскрытия целостного потенциала ритуально-обрядовых традиций как неотъемлемого элемента праздничной культуры имеет смысл уточнить их определение и очертить демаркацию этих понятий. Так, обряд понимается как традиционные действия, «сопровождающие важные моменты жизни» человеческого коллектива [73, с. 50], а ритуал – вид обряда, форма сложного символического поведения, упорядоченная система действий, выражающая определенные социальные и культурные ценности. «Ритуал – сильно стилизованный и тщательно распланированный набор жестов и слов, исполняемых людьми, особо избранными и подготовленными для этого. Ритуал наделен символическим значением» [73, с. 51].

Стоит отметить, что в зарубежных научных работах понятие «ритуал»

превалирует в качестве главенствующего маркера специфики ритуально-обрядового комплекса. В монографии «Ритуал в традиционной культуре» А. К. Байбурин отмечает, что «термины “обряд” и “ритуал” используются как синонимичные, но предпочтение отдается термину “ритуал” как международному» [13, с. 3]. По мнению же И.П. Давыдова, «эти понятия не тождественны, хотя в русском языке конвенционально выступают как парасинонимы» [49, с. 41].

Отсутствие четкой границы между двумя понятиями не является, на наш взгляд, серьёзным препятствием для культурологического осмысления ритуала и обряда как неотъемлемых элементов праздничной культуры. Социокультурная значимость ритуально-обрядовых традиций проявляется в различных аспектах, в том числе и в реализации функции «послания» определенной информации вовне. Эта функция отмечена современным исследователем зрелищной культуры Е.Н. Сальниковой: «В каждом ритуале есть некая прямая, конкретная «расшифровка» его составляющих, некий подразумеваемый смысл и цель. И есть символические акции, некий знаковый ряд, образная материя, которые, как правило, избыточны и превышают то количество значимых действий, которое необходимо для строгого выражения самого значения ритуала. Из этого «избыточного» пласта ритуалистики и развивается сам принцип бескорыстного создания зрелищной формы, сугубо эстетического содержания, обладающего вектором направленности во внешний мир» [131, с. 53].

Важность такого осмысления связана с основной целью исследования, а потому комплекс ритуально-обрядовых традиций рассматривается нами через призму праздничной культуры Королевства Бельгии, с учетом ряда проблемных «точек», выявленных в предыдущей главе.

Так, при исследовании специфики праздничной культуры Бельгии, был необходим учет таких проблематичных моментов, как размежевание элит национально-этнических групп, лингвистических претензий и сепаратистских движений отдельной части населения.

Наиболее характерным и полным «вместилищем» ритуально-обрядовых

традиций является праздничная культура, имеющая огромное значение в укреплении духовной и исторической связи этноса в гомогенной общности людей. Согласно Л.Н. Гумилеву, понятие «этнос» тождественен коллективу людей, «который противопоставляет себя всем другим таким же коллективам, исходя не из сознательного расчёта, а из чувства комплиментарности – подсознательного ощущения взаимной симпатии и общности людей, определяющей противопоставление «мы – они» и деление на «своих» и «чужих» [55, с. 128].

В этом определении мы обнаруживаем сложную, но в то же время уравновешенную социальную систему взаимодействия на внутреннем и внешнем полях соприкосновения разных культур. Эмоциональные стереотипы поведенческого языка каждого этноса передаются по наследству, а не генетически, через адаптивные механизмы взаимоотношения между индивидами, индивидом и коллективом, посредством ритуально-обрядовых традиций.

С учетом отмеченных моментов можно утверждать бесспорную значимость этноинтегрирующего потенциала ритуально-обрядовых традиций. При этом важно иметь в виду географический и социально-исторический факторы формирования ритуально-обрядовых традиций, функционирующих в пространстве праздничной культуры. Не только ритуально-обрядовые традиции, но и культурное пространство Бельгии в целом рассматривается нами во временных точках координат от прошлого к будущему, с учетом географического расположения и этнического состава. При этом мы соотносились с идеей Освальда Шпенглера о том, что все культуры существуют совершенно обособленно относительно других культур, которые определяются ограниченным пространством обитания [164], но, тем не менее, очевидно взаимодействие, влияющее на их развитие.

Бельгийское культурное «пространство», как отмечалось в первой главе диссертации, сформировалось под воздействием культурного опыта каждого этноса, проживающего во фламандском и валлонском регионах, в постоянном взаимодействии с другими культурами в зонах соприкосновения. Отсюда и

предпосылки двуязычности в регионах лингвистической границы Бельгии, что проявилось в возможности законодательно закреплённого двуязычия в регионе Брюссель-столица, с взаимодействием нескольких этнических групп.

Специфика культурного пространства обусловлена многими факторами – ментальными, социально-историческими, экономическими. Совокупность данных факторов способствует активизации творческих сил социума, которые реализуются в различных сферах культуры, включая и праздничную. В связи с этим стоит отметить, что социальная значимость праздничной сферы национальной культуры заключается в огромном потенциале позитивного воздействия на процессы приобщения к жизни общества «посредством партисипационного переживания единства со своей этнокультурной группой, как в актуальном аспекте, так и в контексте исторической преемственности и перспективы» [91, с. 118].

В немалой степени духовно-творческая «энергетика» культурного пространства питается образами народной памяти, воплощенными в ритуально-обрядовой системе. Праздничная культура, интегрирующая ритуально-обрядовые традиции, функционирует в качестве специфического способа адаптации в обществе, инкультурации индивида, регулятором и корректором его жизни и поступков, обеспечивая психологическую защиту и чувство сопричастности с историей страны. Важность данного момента в ситуации движения к всеобщей глобализации вытекает из того, что, по справедливому утверждению А.Я. Флиера, «элементы культурной общности в границах национальных (этнических) культур оказывались мощным интегрирующим фактором, и территориальное единство таких культур сохранялось и ныне наблюдается эмпирически» [148].

В соотнесении с данным мнением авторитетного исследователя ритуально-обрядовые традиции могут быть рассмотрены в качестве зрелищной компоненты культурного пространства. Их этноинтегрирующий потенциал сопрягается с мифопоэтическим, историко-мемориальным и эстетическим гранями народной культуры. Одно из проявлений социальной значимости ритуально-обрядовых традиций – их функция коммуницирования участников праздника любого типа в

ситуации раздельности бельгийцев лингвистической границей. Данная ситуация, рассмотренная нами в первой главе диссертации, являет собой исключение из правила, которое в формулировке А.Я. Флиера гласит так: «...мы не знаем ни одного народа, разные части которого говорили бы на разных языках» [148]. Тем не менее, по нашим многолетним наблюдениям, благодаря невербальным средствам межэтнического общения в период проведения ритуально-обрядовых акций у участников заметно снижается степень лингвистической напряженности. В результате само праздничное пространство, не замыкаясь границах лингвистической конкретности, воспринимается носителями языковых различий как обстоятельства комфортного межэтнического общения.

При этом следует иметь в виду, что праздничное пространство не существует как тождество пространства национальной культуры, а представляет собой лишь один из сегментов (наряду с образовательным, художественно-творческим и др.) В целом культурное пространство имеет возможность существования «в формах определенной пространственной и временной конкретности. Человеческая история – лишь частный случай этой закономерности. Человек погружен в реальное, данное ему природой пространство» [84, с. 165-176]. Однако заданный этносу «вмещающий и кормящий ландшафт» [46] (Л.Н. Гумилёв) не тождественен пространству человеческого бытия: с ним сопрягается та «вторая природа», которая создана человеком, как субъектом формирования предметной реальности и культурного пространства.

Активизация индивидуального участия бельгийцев в праздничных акциях способствует формированию национальной ментальности в реалиях мультиязычности и мультикультурализма общества. Культурно-социальная политика на уровне государственных институтов Бельгии, а не только на уровне языковых и региональных сообществ, заключается в стимулировании действий, направленных на сохранение национального культурного наследия, внедрения системы поддержки и развития программ по воспроизводству значимых традиций, с точки зрения национальной идентичности.

Предпринимаемые государственной властью действия способствуют

освоению и культурного наследия, и современных достижений культуры, которые отождествляются со своей общностью, историей и культурным наследием. Все эти действия предпринимаются на фоне распространенного мнения, что «сегодня Бельгия – это не нация, а разрозненная агломерация языков, культур, смешанных вкусов, иногда взаимодополняющие, иногда антиномические, часто противоречивые» [217, р. 15].

Социальная ценность комплекса ритуально-обрядовых традиций вытекает из позитивного влияния на мемориальный аспект сохранения этнокультурной идентичности. Согласно Ю.М. Лотману, «с точки зрения семиотики, культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т.е. надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, т.е. пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы» [86, с. 200].

Праздничные традиции, несомненно, являются важнейшим фактором в решении проблем в аспекте культурной памяти современного общества, что подтверждается авторитетным мнением Я. Ассмана: «Поскольку культурная память не наследуется биологически, нужно поддерживать ее функционирование в смене поколений. Это задача культурной мнемотехники, то есть сохранения, реактивации и донесения смысла. Функция культурной мнемотехники состоит в обеспечении преемственности, или идентичности. Идентичность, как нетрудно догадаться, основана на памяти и воспоминании о прошлом. Как отдельный человек только благодаря наличию у него памяти может выработать и сохранить в смене дней и лет личную идентичность, так и группа может сохранять групповую идентичность только с помощью памяти» [12, с. 95].

Праздничная коммуникация, осуществляемая на основе синтеза выразительно-изобразительных средств активизации исторической памяти, способствует нравственно-психологическому сплочению самых разных страт общества. Как справедливо утверждает Н.Д. Мостицкая, «коммуникативная функция праздника

реализуется во внешней обрядовой форме, а главными целями выступают социальная коммуникация всех членов сообщества, социальное единение всех представителей социума». [100, с. 108] Отсюда социокультурная значимость используемых в пространстве праздничной коммуникации атрибутов шествий, манифестаций, карнавалов усиливают этноинтегрирующий пафос любых праздников.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в последнее время совершенствование праздничного пространства Королевства Бельгия включает разработку и мультикультурных проектов [240]. Согласно статистическим данным, с каждым годом в стране не только увеличивается их финансирование, но и формируются новые образовательные институты для иммигрантов, способствующие социализации «новых» граждан, расширяется грантовая система поддержки традиционных культурных событий этнических диаспор (марокканской, турецкой, нигерийской, итальянской, польской и др.), что соответствует общеевропейской миграционной политике. Стоит отметить, что интеграционной политике придается большое значение на государственном уровне власти. Создание единого культурного пространства в целом и его праздничного сегмента в частности является приоритетным и первостепенным, учитывая, что «в глобализирующемся мире, где границы пространств меняются и стираются, а время преодоления расстояний не просто уменьшается, но исчезает в силу обращения к инновационным технологиям, «единственной новостью» остается человек. Его глазами можно увидеть новые пространства, его эмоциями ощутить сжимающееся время» [59, с. 413].

Необходимо особо отметить роль праздника в поддержании и укреплении у населения чувства патриотизма. Праздничные формы культуры позитивно влияют на патриотическое настроение населения посредством возрождения забытых или утраченных традиций, а также реконструкции исторических событий, особенно победных, наглядной демонстрации современных достижений нации. В результате у участников ритуально-обрядовых акций формируется гражданское самосознание. Так, например, наибольший всплеск активности в возрождении

праздничных традиций в Бельгии приходится на период после окончания Второй мировой войны. Корни такой активности кроются в противостоянии угрозе, исходящей в период оккупации, насильственного истребления населения и попытки растворить этнокультурные традиции бельгийцев. Поэтому для населения стало первостепенным желание возродить утраченные ритуально-обрядовые праздничные традиции.

В этот период были возобновлены многие праздники, имеющие глубокие исторические корни, такие как: карнавальные шествия, кортежи, кавалькады и т.д. Примером может послужить карнавальное шествие Летары в городке Ставлё (Stavelot), которое было возрождено после Второй мировой войны инициативной группой жителей этого городка. На сегодняшний день это карнавальное шествие утратило свое изначальное религиозное значение и имеет статус светского этнокультурного события с лингвистической направленностью, благодаря которому валлонский язык отождествляет участников с языковой и этнической группой [211]. Карнавал Летары в Ставлё - яркий пример того, что соблюдение ритуально-обрядовых традиций провоцирует зарождение новых культурных форм деятельности человека. Создание братства Блё Мусси (Blanc Moussi)¹ стало закономерным последствием ежегодного проведения карнавальных шествий в этом городке, тем самым сформировав новые ритуально-обрядовые праздничные традиции. Основными задачами братства являются: сохранение и передача культурного наследия городка, развитие туризма в регионе и популяризация валлонского языка [180]. Действительно, в настоящее время валлонский язык не используется в обиходе среди населения Валлонии. Однако он активно применяется именно в праздничных мероприятиях, став, своего рода, «ритуальным» языком праздника, избежав, тем самым, участи забвения. Причем валлонская специфика языкового сознания органично сосуществует с другими знаково-символическими формами презентации «праздничной свободы» в ситуациях коллективных переживаний.

Именно поэтому при разработке концепции праздничной культуры

¹ Названо так по имени главного персонажа карнавального шествия.

необходимо иметь в виду полисемантический аспект ритуально-обрядовых традиций, т.е. то обстоятельство, что «знаки языка культуры имеют разную природу и разное содержание даже в границах одного обрядового текста» [27, с 153].

В праздничных формах культуры артикулируются определенные смыслы, значения и символы в качестве наглядных маркеров этнонационального сознания через коллективное представление о своем происхождении. Ритуально-обрядовые традиции, включённые в пространство современной праздничной культуры, функционируют, по сути, как специфический механизм сохранения народной памяти. А благодаря эстетической форме ритуально-обрядового конструкта праздника реализуется и функция преемственности поколений.

Позитивное влияние ритуально-обрядовых традиций на решение проблемы сохранения этнокультурной идентичности проявляется и в утверждении ценностей жизни и ценностей культуры. Жизнеутверждающий пафос ритуально-обрядовых и игровых форм массового участия в праздниках усиливают эффект коллективного веселья и оптимистического настроения. С этой точки зрения правомерно обратиться к смеховому аспекту праздничной культуры. Смех, органично возникающий в зрелищно-игровом пространстве праздничного досуга, придает особый стиль межличностной коммуникации.

Смеховые элементы являются неотъемлемым элементом народной культуры и такой ее сферы, как массовые праздники. Как смеховые, так и зрелищно-игровые составляющие праздника как единого целого порождают у участников гамму коллективных переживаний и ассоциаций. Наряду с символическими и знаковыми маркерами темы праздника и эмоциональной окрашенности всех компонентов существенным моментом является, с нашей точки зрения, его смысловое ядро как культурного текста.

Неслучайно в плоскости семиосферы, где знаковая форма обусловлена социокультурными факторами, праздник определяется как текст культуры особого типа. Правомерность семиотического подхода к празднику обоснована рядом отечественных исследователей и прежде всего М.М. Бахтиным: согласно

ему, текстом культуры можно считать культурное явление в его завершенности и выраженности смыслов и значений. К этому тезису можно добавить, на наш взгляд, следующий момент: ситуативно-ролевая специфика, ритуально-обрядовая яркость и разнообразная атрибутика праздничного текста обуславливают привлекательный для различных групп населения тип социокультурного взаимодействия. В сочетании с гедонистическими переживаниями коллективного субъекта социокультурное взаимодействие непосредственных участников праздничного церемониала в его различных видах активизирует, чувство общей принадлежности к своей истории и культуре.

Наряду с семиотическим ракурсом осмысления праздника заслуживает внимания и характерное для него видовое разнообразие. Как видно на примере бельгийской праздничной культуры, её полифункциональность и этноинтегрирующий потенциал в немалой степени обеспечивает типологическое богатство форм. Мы имеем в виду присущие светским праздникам кортежи, карнавальные шествия, фестивали, ярмарочные гуляния, исторические и бытовые реконструкции, кавалькады, игры-соревнования различного вида и другие формы актуализации позитивных переживаний. Для каждой праздничной форм характерны свои приёмы театрализации, свой способ организации и проведения, свой оригинальный сценарный подход [222], что способствует массовому признанию культурной ценности праздника в целом.

Эмпирическое изучение материала показывает, что отношение к празднику как к культурному событию носит не только ценностный, но и проективно-творческий характер. При проективно-творческом подходе важное значение придаётся определению места проведения праздника, привлечению к его организации и проведению креативных исполнителей, художественному оформлению, сопряженному одновременно как с тематикой праздничного события, так и с особенностями ландшафтного и урбанистического характера. Такой подход представляет собой культуртрегерскую стратегию, которая в значительной степени обеспечивает эффективность воздействия ритуально-обрядовых традиций и их атрибутики на участников и зрителей праздничных

акций в Бельгии.

С этой точки зрения показательны ежегодные праздничные мероприятия в «День фольклора и традиций» городка Дино (Dinant) [237]. Этот праздник создает особый настрой на встречу с прошлым как непосредственных участников ритуала, так и зрителей, погружая их в атмосферу коллективных переживаний этнической истории. Массовые акции происходят на фоне ландшафтных декораций скалистой местности, окружающих городок и русло реки, а также урбанистических элементов старинной архитектуры в виде Собора, жилых домов XVII-XIX веков. Узнаваемо-эксплицитным знаком «текста» праздника является исторический персонаж, гордость жителей городка: Адольф Сакс, изобретатель саксофона. Саксофон как декорационный элемент городка присутствует повсеместно в виде эмблем, памятников, гастрономических решений, акцентируя семантический аспект текста праздника, нетривиальность истории, традиции и обычаев, свойственных только этому региону. Смысловая нагрузка праздника проявляется в полисемантике знаков, которые адекватно интерпретируются и понимаются всеми участниками процессуально-сюжетных акций, зрителями, где «каждое действие, слово, предмет, часть пространства приобретают второй смысл, резко отличный от обычного... Иными становятся и правила их сочетания, и принципы их использования» [14, с. 139].

Семантика праздника в Дино отождествляется также с ростовыми фигурами, участвующими в шествии кортежа по улицам городка. Традиция ритуального использования ростовых фигур восходит к XV веку, когда получили популярность у населения праздники Дюкасс (Ducasse). Подчеркнём при этом, что генезис данных праздников связан с ритуально-обрядовой формой выражения религиозных чувств. Именно ростовые фигуры применялись для демонстрации библейских сюжетов. Но постепенно в контексте социокультурной динамики библейские сюжеты праздников Дюкасс (Ducasse) утрачивали доминирующую роль, а на первый план выходили события мирского характера. В результате усиления социально-светских мотивов религиозность этой праздничной формы ослабевала по мере использования фольклорной атрибутики. В настоящее время

кортеж ростовых фигур носит характер народного праздника [205, р. 71-72].

С культурологической точки зрения заслуживает внимания полисеманτικότητα танцевального компонента существования ростовых фигур в cortege. Как известно, в пространстве праздничной культуры любого народа танец является специфическим способом презентации этнического «космо-психологоса», на что обратил внимание автор концепции национальных образов мира Г.Д. Гачев. «Танец есть выверка внешнего пространства, рисование своим телом письмен и орнаментов в нем – как и выверка внутреннего нашего пространства, состава и строя: какие повороты, позы, кручения, какие перегрузки может выдерживать... то есть изнутри продуцируемая ориентировка в мировом пространстве», – писал он, подчеркивая при этом, что, – танец – вообще игра идеями, перебрасывание конфигурациями мирового пространства, жонглирование измерениями бытия» [37, с. 56].

Танец и сценарно-режиссерская театрализация расширяют возможности более глубокого восприятия культурного кода, содержащегося в каждом атрибуте и символе праздника, приводя тем самым к пониманию семантики праздничного ритуала. Благодаря этому участники праздничных шествий получают тот эмоциональный заряд, который обостряет ощущение их принадлежности к культурной истории своего региона.

Коллективная включенность в подобные праздничные мероприятия возводит всех участников, зрителей и организаторов в состояние отрешенности от повседневности: на первый план выходит весь спектр оттенков праздничного настроения и яркие впечатления. В этом состоянии участники в наибольшей степени попадают под магическое воздействие праздника как полифункциональной системы зрелищно-игрового типа.

Имманентно присущий данной системе ряд функций обеспечивает, с одной стороны, стабилизацию социальных отношений в реалиях разноязычия населения Бельгии, а с другой, активизацию интереса субъектов праздничной коммуникации к своей этнической истории и культуре. Творческие практики использования ритуально-обрядовых традиций в бельгийских праздниках подтверждают

следующий тезис Е.В. Сальниковой: «Дело участников ритуала – передача внешнему миру своего важного послания, такого важного, что оно не утрачивает актуальности от многократного повторения. Наоборот, многократность повторения подтверждает его неослабевающую актуальность, существенность для настоящего» [131, с. 50].

Социокультурная значимость ритуально-обрядовой традиций как неотъемлемого элемента праздничной культуре состоит, по справедливому утверждению польского ученого-социолога К. Жигульского, в том, чтобы развить у людей способность «почтить и обозначить, припомнить важные моменты прошлого, стремление слиться с этим ритмом и попытки оказать на него влияние, предотвратить его возможные нарушения» [56, с. 57].

Наряду с этим правомерно отметить и такую функцию ритуально-обрядовой компоненты национального праздника, как символизация этнокультурной ментальности, а также ценностных приоритетов населения страны. Процесс подготовки и непосредственная реализация праздничных мероприятий создают благоприятную почву для возникновения и закрепления идеала, разделяемого народом. В процессуальном и ценностно-смысловом отношении праздник являет «собой особый тип социального действия людей, объединяющий их идейно, утверждающий мировоззрение данного общества, его политические, нравственные и эстетические идеалы» [39, с. 45]. Приобретенный опыт такого рода «вместе со всеми и на виду у всех оказывает более сильное влияние на членов группы и имеет более глубокие последствия для них, чем участие в культурных событиях повседневности» [56, с. 155], формируя коллективную картину мира и представления о месте в ней самого народа.

С точки зрения этноинтегрирующей функции праздничной культуры, ее знаково-символический аспект имеет важное значение. Мы разделяем точку зрения В.А. Сулимова относительно того, что «семиотическое моделирование культуры представляет собой не что иное, как моделирование национального семиозиса. Поскольку универсальные законы означивания и семантизации предстают как национально релевантные модели текстопорождения (т. е. как

когнитивные преобразования «смысл – текст»), обусловленные исторически складывающейся системой ценностей и исторически складывающимся интертекстуальным пространством, сами способы когнитивных трансформаций имеют национальную специфику» [150, с. 288].

Ценностно-смысловая основа того или иного праздника как культурного явления неотделима от его выразительного плана, связанного не только с эстетическим обликом праздничных форм, но с их знаково-символической определенностью [138, с. 235]. Это свидетельствует о том, что полисемантика праздничной культуры в целом и ее ритуально-обрядовых компонентов в частности является значимым фактором в сохранении этнокультурной идентичности. Мы имеем в виду взаимообусловленность семантики историко-этнографического разнообразия модусов праздника и эффекта общего воодушевления всех субъектов коллективной деятельности в ситуации «праздничной свободы». Благодаря этому праздничные формы культуры оказываются действенным инструментом в процессах сохранения этнокультурной идентичности, а также социализации, инкультурации и интеграции молодого поколения.

В этой связи стоит обратиться к бельгийскому опыту включения праздничных форм в сферу молодежной политики. Вовлеченность бельгийской молодежи в национальные, региональные, локальные культурные события Бельгии стимулируется деятельностью ряда образовательных институтов и локальных общественных организаций благодаря государственной системе субсидирования. Финансовое участие государства направлено на партисипационную составляющую и на повышение качества мероприятия, а не на материальное вознаграждение участников. Государственная молодежная политика Бельгии, имеющая своей целью поощрение индивидуальной или коллективной партисипации молодых людей в разного рода ритуально-обрядовых мероприятиях, в конечном итоге выражается в изучении традиций, истории, самобытности культуры и поддержании института волонтерского движения. Результатом данной политики является массовость, престижность и популярность

участия молодежи в культурных событиях страны, способствуя укреплению чувства сопричастности к национальной истории, культурно-ценностному наследию и патриотической гордости¹.

Использование ритуально-обрядовых традиций в праздничной культуре способствует, по нашему наблюдению, коллективной и индивидуальной творческой самореализации при практическом воплощении идеи праздника. При этом важное значение имеет синтез различных художественных способов достижения «праздничной свободы», а также «праздничного мироощущения. Согласно А. Пиотровскому, «мысль о преодолении бытовой повседневности, некая фантастическая перевернутость общественных и природных отношений, перевернутость, где бедняки становятся на место богатых, «птицы» и «звери» - на место людей, молодежь на место стариков, женщины - на место мужчин, лежали в основе и праздников, и маскарадной театральной игры, их венчавшей» [118, с. 128]. Причем сценарная основа праздника и его тип не препятствуют импровизационному состоянию участников, активно существующих в ситуации праздничного пространства и времени.

В свете этого уместно обратиться к ряду эмпирических примеров, отражающих особенности праздничной культуры Бельгии. Так, в ряду наиболее популярных и массовых праздников видное место принадлежит карнавальной форме организации шествия, кортежа, кавалькады и т.д. Популярность и массовость такого вида праздников близка менталитету как фламандцев, так и валлонов.

Ряд праздничных форм бельгийской культуры, активизирующих коллективные переживания позитивного характера, подтверждает следующий тезис современного исследователя И.В. Гужовой: «Символизация в празднике протекает как процесс повышения человеком семиотического статуса определенных предметов, актов, явлений реальной действительности, а также через придание своей эмоционально-телесной выразительности особой семантики» [44, с. 14].

¹ « Bureau International Jeunesse – Fédération Wallonie-Bruxelles », URL: <https://www.lebij.be/>.

Взаимодействие отмеченных констант праздничной семиосферы наглядно проявляется не только в традиционных формах: в последнее время активно используется типологическая форма праздника: «праздник-искусство»¹. Этот тип праздничных мероприятий посвящен различным видам искусства, таким, как: музыка, живопись, скульптура, танцы, театр, кино, телевидение и др. Благодаря своей массовости эти праздники, являя собой тексты зрелищного типа, становятся инструментом «незаметного» воздействия на личность с позиции социализации и инкультурации.

Потребность современного бельгийского общества в реализации консолидирующей функции культуры посредством праздничных форм обусловлено не только внутригосударственными процессами, но и вызовами глобализации. Социокультурные реалии Бельгии также не остаются неизменными вследствие создания Европейского союза, который является геополитическим и экономическим проектом консолидации населения различных государств. Потребность в такой консолидации вытекает, на наш взгляд, из многих причин, в том числе из-за размывания границ множества культурных миров, чему способствуют высокая степень коммуникативности, ослабление конфессиональных и этнических стереотипов и ряд других причин.

Вынося за рамки нашего исследования проблематику политического и экономического характера, обратимся к вопросам, связанным с культурной идентичностью. Усложнение данного вопроса связано с тем общеизвестным фактом, что Европу сотрясают постоянные «миграционные волны», как внутриевропейские перемещения населения, так и крупные «нашествия» извне. Отсюда актуальный характер проблемы адаптации иммигрантов к носителям собственной этнокультурной идентичности, к ценностям, нормам и образцам «чужой» культуры. В связи с наплывом мигрантов в Бельгии также обострились и вопросы, связанные с культурной идентичностью, так как в ситуации сосуществования местного и «пришлого» населения человек становится носителем сложной, множественной идентичности.

¹ Типология праздников Бельгии будет рассмотрена нами более подробно в следующем параграфе.

Вопрос об угрозе идентичности автохтонного населения Бельгии пока официально не заостряется, но, благодаря независимым изданиям, мы можем наблюдать неутешительную картину. Наиболее массовые места расселения мигрантов приходятся на крупные города в виду наличия в них сложившегося диаспорного сектора. Так, независимое политическое издание SCEPTR, которое фокусируется на «жестких» темах, игнорируемых в современных СМИ, не так давно опубликовало статью с шокирующим названием «Антверпен: почти 75% жителей до 9 лет иммигрантского происхождения». Журналист Том Лалльмо пишет: «Численность иммигрантов увеличивается с каждым годом, а численность коренного населения сокращается. Более 58% жителей Антверпена имеют иммигрантское происхождение» [210]. По его заявлению в период с 2012 по 2018 год автохтонное население Антверпена уменьшилось во всех возрастах. Правда, на сегодняшний день ситуация не является катастрофичной для всей страны: отмеченное соотношение между «своим» и «чужим» населением свойственно таким мегаполисам, как Брюссель, Антверпен, Льеж и др. В провинциях же картина совершенно иная. Тем не менее, проблема в обществе существует, и на этом фоне, по нашему мнению, усиливается значимость использования праздничных форм для консолидации общества не только в Бельгии, но и на уровне всего Европейского союза.

На наш взгляд, государственный подход к решению данной ситуации, связанной с культурной идентичностью в бельгийском королевстве, имеет большие шансы по нивелированию данной проблемы. Тот факт, что Бельгия представляет собой федерацию с административно-территориальным устройством с нетипичной, регионально-языковой разграниченостью в рамках единого государства, позволяет нам констатировать наличие политического опыта, а также экономического ресурса для решения проблематики культурной идентичности. Весь исторический путь развития государства Бельгии демонстрирует волевое желание социума сохранить свои традиции и язык, органично и продуктивно функционирующие в едином культурном поле.

Реализации данной установки в определенной мере помогает особое

отношение бельгийского населения к своим праздничным традициям, сформировавшимся за долгий исторический период. Как говорят сами бельгийцы: «Бельгия – страна праздников», и это действительно соответствует реальности, стоит лишь взглянуть на количество проводимых праздников в разных регионах. Праздник в Бельгии, по сути, определяет ориентиры, фиксированные регламентацией культурологических процессов, а также является способом стабилизации культуры, находящейся под государственным контролем, актуализируя, тем самым, духовные скрепы социума. Праздничные традиции составляют наиболее массовую и яркую форму репрезентации культурной идентичности бельгийцев.

В сущности, государственная политика Бельгии в направлении культурной идентичности следует логике высказанного мнения С. Хантингтоном, что идентичности «в общем и целом представляют собой конструкторы. Люди конструируют собственные идентичности, занимаясь этим, кто по желанию, кто по необходимости или по принуждению» [151, с. 51]. Можно с уверенностью сказать, что существенным моментом конструирования идентичности в Бельгии является именно праздничная культура как «зрелищный текст», интегрирующий ритуально-обрядовые традиции и модальность семиотического многоязычия.

Социально-интеграционная политика Бельгии, направленная на решение отмеченных выше проблем, включает и целенаправленное использование разнообразие праздничных мероприятий. Особое внимание уделяется тем праздничным формам культуры, которые усиливают позитив коллективных переживаний и активизируют чувство сопричастности к этнонациональным нормам, ценностям и образцам. Благодаря этому важной составляющей творческих проектов формирования и совершенствования комплекса социально-культурных связей между различными поколениями является актуализация этноинтегрирующего потенциала праздничных форм коммуникации. Другими словами, ценностно-смысловые основания установления межпоколенческих связей предполагают выработку стратегии вовлечения любых возрастных групп населения («от мала до велика») в сферу различных культурных акций, в том

числе и праздничных.

Важность продуктивного использования массовых праздников для решения задач социокультурного взаимодействия поколений обусловлена изменениями информационно-коммуникативного характера. Гигантские потоки информации, циркулирующие, благодаря инновационным прорывам в техногенной цивилизации, заметно трансформировали стилистику межличностного общения, придавая ему преимущественно дистанционный, а не непосредственный способ коммуникации. Такой вид общения, с одной стороны, позволяет более быстро и оперативно получать информацию и чувствовать себя причастным к реалиям глобального общества, но, с другой стороны, ведет к ограничению диапазона культурных форм межличностного общения. Дистанционный способ коммуникации влияет как на «неустойчивость социальных связей, так и на неустойчивость социального статуса отдельного человека в усложняющейся жизни и ее ускоряющемся ритме» [150, с. 215]. Решение проблемы лежит в повышении значимости эффективных способов осознанного и продуктивного включения современного человека в контекст жизненных реалий, в различные сегменты культурного пространства, в том числе и в праздничную сферу.

Информационно-коммуникативная определённость каждого праздника в сочетании с его ритуально-обрядовыми и эстетическими компонентами имеет важное социально-психологическое значение. Семиозис праздника, как и его аксиосфера и эстетическое пространство, обуславливают эффективность функционирования в качестве инструмента непосредственного, а в ряде случаев и креативному приобщению личности к традициям, идеям и ценностям социума. Важность праздничных способов преодоления дистанционного, т.е. одностороннего стиля межличностной коммуникации обусловлена, с нашей точки зрения, потребностями активизации творческого потенциала социума. Ситуативно-ролевые формы коммуникации участников различных праздников и присущая им атмосфера радостного настроения и коллективного веселья способствуют комплементарному стилю межличностного общения и эмоциональному проживанию единства.

Нравственно-психологический аспект праздничной культуры связан и с мемориальным фактором межпоколенной связи. Здесь будет уместно процитировать немецкого исследователя Я. Ассмана: «Праздник служит – кроме многих других функций – также воскрешению в памяти обосновывающего прошлого. Обосновывается через обращение к прошлому не что иное, как идентичность вспоминающей группы. Это не повседневная идентичность. Коллективным идентичностям присуща торжественность, приподнятость над уровнем повседневности» [12, с. 55]. Данное высказывание подтверждается многими эмпирическими свидетельствами эмоционального воздействия мемориальных акций, объединяющих в пространственно-временном континууме праздника и участников, и гостей. Такова, к примеру, известная во всем мире мемориально-праздничная акция «Бессмертный полк» в День Победы 9 мая.

Полифункциональность и эмоциональная энергетика праздничного способа сохранения этнокультурной идентичности обеспечивается синтезом многих эстетических средств и игровых элементов коллективного участия в различных церемониалах, шествиях, карнавалах и других красочных торжествах, и увеселениях. На протяжении ряда тысячелетий сохраняется социокультурный статус праздника и его гедонистическая привлекательность для личности.

Отсюда и социализирующие возможности праздничных форм культуры, активизирующих гражданские интенции личности. Зрелищно-коммуникативная природа праздника как культурной универсалии способствует расширению спектра индивидуальных связей с жизнью социума. Систематическое участие личности в национальных праздниках, в коллективных акциях ритуально-обрядового характера облегчает процессы социализации и инкультурации. Осознанное самоопределение в идентификации личности, где индивид не отделяет себя от группы, воспринимает происходящие вокруг не личностно, а самовстраивает себя в понятие «мы», исходит из трех основных потребностей: в принадлежности, в позитивном самовыражении и самооценке, в безопасности. Как итог, идентичность личности проявляется в солидарности с группой и реализации своих обязанностей «поддерживать своих» на основе толерантности

[178, р. 77].

Не существует общей дефиниции социализации и инкультурации, которые каждый исследователь трактует, исходя из своего взгляда на эти процессы, используя их синонимичность, или, наоборот, указывая на различия между ними в их качественной особенности и понимании. Мнение Ф.И. Минюшева, в рамках нашего исследования, более убедительно выражает смысл этих понятий, указывая, что: «При социализации личности часто происходит не только освоение родной культуры, но и продуктов инкультурации. Этот термин обозначает процесс «врастания» личности в другую культуру и необходим для того, чтобы понять структуру и природу так называемой маргинальной личности, т.е. личности, сформировавшейся на стыке двух и более различных культур, одна из которых может являться родной» [97, с. 172]. Исходя из этого, можно с уверенностью сказать, что каждого человека затрагивает процесс инкультурации, без которого невозможно существовать в пространстве культурных норм, ценностей и образцов. Социализация служит механизмом освоения индивидуумом социально-поведенческих норм общества в полном контакте и неразрывном единстве с проявлением своей творческой активности и желании самореализации [2, с. 77].

Как известно, ненаследственная информация передается в процессе социализации, в основе которой лежит метод научения [92, с. 81], определяя «личность – культура, отраженная в поведении» [207, р. 18]. Социология выделяет первичный и вторичный уровни социализации, согласно которым: первичный уровень влияния на формирование личности происходит в межличностных отношениях среди участников малых групп, в таких, как, семья, родственники, друзья; вторичный – проявляется на уровне больших социальных групп и институтов. Объединяющим элементом первичного и вторичного уровней социализации можно считать праздник, который представляет собой, по справедливому утверждению Н.Д. Мостицкой, «семиотически коммуникативное пространство, создающее условие для формирования идеалов и ценностей, объединяющих людей в единую целостность» [101, с. 136].

Процитированное определение праздника не сводит его сущность и полифункциональность к семиотическому аспекту. Этноинтегрирующая роль праздника обусловлена и такой его феноменальной характеристикой, как зрелищно-игровая природа, благодаря которой непосредственное участие людей в ситуациях праздничной свободы переживается как эмоционально значимое событие в их жизни. Индивидуальное восприятие праздника как события способствует, по нашим наблюдениям, процессу социализации и инкультурации. В этой связи стоит уточнить ряд моментов, связанных с данными процессами.

На первичном уровне социализация проявляется в виде семейных праздников, дней рождений, вечеринок друзей и т.д. На вторичном – в форме массовых праздников, национальных торжеств, фестивалей и т.д. Причем, каждый праздник имеет свое сакральное значение: национальные формируют гордость и патриотизм личности, консолидируя население государства и гражданского отождествления себя с обществом; локальные и семейные подчеркивают взаимосвязь с этническим базисом группы. Праздничное мероприятие любого уровня «мобилизует присущее каждому народу видение истории и художественное сознание. В празднике оживают события национальной истории, определившие судьбу народа, а, следовательно, люди незримо соединяются общими воспоминаниями. В этом смысле к праздникам примыкают дни памяти обо всех событиях, вызывающих коллективные гордость и горечь, радость и сожаление. Возникает духовная структура, занимающая исключительно важное место в центральной мировоззренческой матрице народа» [67].

Если социализация – способ формирования умений и социальных установок, то инкультурация подразумевает под собой усвоение ценностей культуры путем принятия традиций и нормы поведения культуры (осознано или неосознанно). Эти процессы становятся возможными и неизбежными в период продолжительного пребывания личности в новом для него культурном пространстве. Инкультурационные процессы неотвратимы даже в случае нахождения личности в ограниченном пространстве общения в пределах своей диаспоры, подчинённым своим культурным нормам поведения. В замкнутости

отмечается медленность протекания изменений культурного кода индивида, но исход всегда один: полная или частичная инкультурация личности.

Качественные характеристики инкультурации личности зависят от многих факторов воздействия на нее: от «силы» приверженности к культурным генам индивида, восприимчивости и толерантности, характера и степени общения в новых условиях культурного пространства. С этой точки зрения невозможно переоценить модальность праздничного сегмента культурного пространства любой страны, в том числе и Королевства Бельгия. Своеобразие ценностно-смысловых и тактических оснований инкультурации в современном бельгийском обществе обусловлено, как мы подчеркивали ранее, фактом существования большого количества национальных диаспор. Диаспоры в Бельгии существуют в форме некоммерческих организаций¹, созданных по национально-культурному признаку, которые частично поддерживаются на государственном уровне благодаря грантам для проведения различного рода деятельности, в основном, входящей в область образования и культуры.

Значимость праздничных форм для решения задач инкультурации наглядно проявляется в контексте жизнедеятельности многочисленной части мусульманского населения Бельгии, традиционно отмечающих праздник Рамадан [241], а также той части населения, которая относится к восточноазиатской группе и встречает Новый год [235] по восточному календарю. Эта часть населения, получившая гражданство Бельгии, отличается от своих соотечественников оригинального культурного пространства, страны прибытия. Существование различий между ними просматривается, несмотря на приверженность и активное участие в ритуально-обрядовых традициях своих национальных групп, находящихся на территории Бельгии. Характерно, что чем дольше период проживания в «новых» культурных условиях, тем сильнее разница между ними.

Инкультурация происходит на уровне жизнедеятельности человека, его общения с другими в реалиях нового культурного пространства. Процесс усиливается многократно в ходе вовлеченности личности в участие, на уровне

¹ Asbl – «association sans but lucrative» (фр.) – не коммерческая ассоциация.

общегосударственных и локальных, праздничных мероприятий Бельгии, «поэтому праздники во всех культурах были важнейшим способом инкультурации новых поколений, их введения в культуру» [140, с. 318].

В то же время важно иметь в виду амбивалентность воздействия праздничной культуры на процессы социализации и инкультурации личности. С одной стороны, в условиях пребывания в новом культурном пространстве, праздники в парадигме семьи, диаспоры, этнических сообществ и т.д., позволяют сохранить свою культурную этноидентичность, а с другой стороны, общегосударственные и национальные праздники нового культурного пространства подвергают его неизбежной социализации и инкультурации. Оба случая воздействия на личность создают прецедент двойственности, где тип влияния на мотивационно-поведенческие аспекты личности воспринимается не как давление, а как бессознательное восприятие действительности.

Посредством внутренних коммуникативных механизмов взаимоотношений участников диаспор в инокультурной парадигме вырабатывается система сохранения этнокультурной идентичности. В противном случае неизбежно происходит полная ассимиляция, где иноэтническое меньшинство растворяется, не осознав себя, потеряв свое стремление к идентичности [5, с. 8]. Напротив, если диаспора сохраняет и поддерживает этнокультурные традиции группы, в системе функционального самосохранения посредством различных инструментов, в том числе и праздников, то она сберегает свою идентичность в новых условиях иноэтнического общества. Сохраняется возможность коммуникации на родном языке, ритуальных «маркеров» выражения отношения к этнической культуре, а также включения молодых участников в состязательно-игровую сферу освоения традиций фольклорного творчества и художественных ремёсел.

Функциональная значимость праздничных форм сохранения этнокультурной идентичности обусловлена также гуманистической идеей самоценности каждого народа на планете как носителя и творца уникальных норм, ценностей и образцов. Очень точно суть данной идеи выражает следующий тезис Т.П. Григорьевой: «Народ обязан беречь свое национальное достояние, ибо только в этом случае он

может внести в общую сокровищницу народов что-то свое, неповторимое, без чего невозможно мировое единство. В этом, а не в том, чтобы быть «как все» и состоит его интернациональный долг. Тот, кто забывает об этом, не только ущемляет национальное чувство другого народа, но и наносит ущерб самому себе, ибо отказывается от того, что принадлежит всем» [43, с. 19-20].

Социокультурная синергия праздничной культуры как специфического инструмента усиления солидарности всех страт общества наглядно проявляется в общегосударственных торжествах ритуально-зрелищного типа. В их ряду заметное место занимают общегосударственные праздники мемориально-символического характера. Для праздничного пространства такого масштаба характерна ситуация ритуализации мотивов гражданского единения участников и высокий тонус коллективных переживаний.

Для различных типов праздничного хронотопа характерно позитивное влияние на решение задач пробуждения и реализации творческих потенций организаторов и участников праздника. Как справедливо утверждает И.В. Гужова, «творчество рассматривается как атрибутивно-функциональная характеристика праздника, обнаруживающая свою специфику в интрогенном аспекте. Для праздника наиболее характерны спонтанные формы творческой самореализации человека...» [44, с. 9]. Подчеркнем в этой связи, что присущий празднику непринужденный характер удовлетворения потребности человека в творческом самовыражении в немалой степени содействует его социализации и инкультурации.

Еще одна особенность праздничной коммуникации заключается в её психологической привлекательности, которая в определенной степени связана с защитными механизмами человеческой психики. Данный аспект взаимодействия людей в ситуациях праздничного общения раскрыт исследователем Э. Канетти через призму преодоления «страха прикосновения» [66, с. 19].

Возрастание роли праздничных форм социализации и инкультурации личности обусловлено также и проблемным характером системы образования на современном этапе развития культуры. В этом – одна из серьезных проблем

общества, как и то, что образовательные концепции на сегодняшний день не являются в полной мере эффективными и способными выступать в качестве институтов адаптации, социализации и личностного развития. Культурно-образовательная среда для личности является «основополагающей, определяя его ценности, нормы, идеалы, успешность в дальнейшем профессиональном и личностном становлении» [90, с. 383].

Важность этой проблематики также отмечает А.С. Запесоцкий, подчеркивая, что: «социум создает систему образования для приобщения каждого члена общества к культуре: для инкультурации личности и обеспечения высокого уровня духовности (через процесс воспитания); с целью овладения социокультурными нормами и практиками во всех формах общественного сознания, политике, праве, искусстве, морали, религии и т.д. (через процесс обучения); для выраживания способностей как основы успешной социокультурной деятельности (через процесс развития)» [57, с. 237]. Праздничная культура, с этой точки зрения, может являться важным инструментом в освоении личностью нравственных норм в ситуации эмоционального подъёма, близкого к эффекту катарсиса.

Ритуально-обрядовая форма массового приобщения к социокультурным нормам, ценностям и образцам интегрирует ряд вербальных и визуальных средств активизации чувства сопричастности к истории, к культурному наследию и к современной жизни. Неслучайно многие исследователи отмечают важную роль ритуально-обрядового конструкта праздника в ретрансляции культурно-исторической памяти. Согласно Я. Ассманну, «благодаря празднику как первичной организационной форме культурной памяти время в бесписьменных обществах делится на повседневное и праздничное, а благодаря культурной памяти мир повседневности дополняется, или расширяется, человеческая жизнь приобретает двухмерность, или двувременность, сохраняющуюся на всех стадиях культурной эволюции» [12, с. 60].

Диалектика повседневного и праздничного в жизнедеятельности социума соотносится с комплексом вопросов сохранения этнокультурной идентичности.

Неслучайно ряд исследователей акцентирует внимание на культуролого-антропологическом аспекте праздника как специфического механизма конструирования этнокультурной идентичности. Проблемы исследования дихотомии праздничного и повседневного рассматривались в работах К. Леви-Стросса. Говоря о повседневности, стоит упомянуть теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, основанной на противопоставлении «жизненного мира» и «социальной системы».

Методологический подход к дихотомии «праздничное-повседневное» нашел свое обоснование в исследовательской деятельности Н.Д. Мостицкой. Мы имеем в виду ряд научных публикаций современного культуролога и докторскую диссертацию «Праздничное и повседневное в коммуникативном пространстве культуры: сущность, содержание, функциональность». В своей работе автор отмечает: «Анализируя дихотомию «праздник и повседневность», надо отметить, что в повседневной жизни человек находится в процессе оформления своих границ и в поиске «единичной» или личной свободы, а потому постоянно вынужден пребывать в состоянии практической деятельности и движения. Его личная свобода ограничена социальными, материальными, индивидуально-психологическими условиями, адаптируясь к которым, человек формирует свое коммуникативное пространство. Стремление к свободе в «единичном» мотивирует деятельность в повседневности. В то же время в празднике человек получает ощущение свободы во «всеобщем». Диалектика «всеобщего» и «единичного» составляет концептуальную основу для диалектики «праздничности» и «повседневности». Дихотомия данных категорий задает рамки для своеобразной матрицы, в которой человек реализуется как личность» [99, с. 72]. На наш взгляд, уточнение обеих категорий расширяет возможности культурологического анализа проблемы использования креативно-коммуникативного потенциала праздника в качестве инструмента сохранения этнокультурной идентичности.

Не менее важно для нашего исследования содержательное раскрытие феномена сопряженности «праздничного и повседневного и хронолога культуры,

определяющего ритм жизни. В связи с таким традиционным явлением общественной жизни, как разнообразие праздничных форм презентации норм, ценностей и образцов народа особо следует выделить и глубокое осмысление Н.Д. Мостицкой дихотомия духовности-материальности. Согласно исследователю, «повседневность» являет собой пространство материального мира, а праздничность неотделима от «идеи свободы», присущей духовному пространству идеального мира. «Поэтому дихотомия праздничности-повседневности, – делает вывод Н.Д. Мостицкая, – может быть представлена как дихотомия духовности-материальности. Следовательно, идея, объективированная в символах в праздничной коммуникации, мотивируя повседневную деятельность, материализуется в процессе повседневности» [99, с. 72].

Социокультурную значимость праздничной коммуникации как особого механизма преемственности поколений подтверждают творческие практики организации и проведения торжественных шествий, карнавалов, фестивалей народного творчества в Королевстве Бельгия. Преемственность традиций, выражающих, как и фольклорное творчество, уникальность этнокультурного опыта, наиболее эффективно осуществляется, по нашим наблюдениям, в коллективных праздничных акциях. Праздничные ситуации ритуально-игрового общения участников и зрителей несводимы к гедонистической релаксации, так как включают ценную и яркую информацию культурно-исторического характера. Трудно представить бельгийский праздник, в котором бы тематически, семантически и художественно не были представлены события и герои этнической истории, мифотворческие сюжеты и образцы смеховой культуры народов, населяющих страну. Этноинтегрирующий потенциал праздничной коммуникации обусловлен тем, что «само игровое действо в условиях массового праздника может выступать для одних в качестве непосредственного активного занятия, для других в форме зрелища» [39, с. 95].

Ценность праздничных форм социокультурной коммуникации заключается в том, что они в определенной мере способствуют преодолению неоднозначных последствий виртуализации межличностного общения, психологической

ограниченности сетевых контактов. Потребность в восстановлении баланса различных форм общения обусловлена следующей закономерностью, отмеченной Я. Ассманом: «Способность коммуницировать с окружающими человек приобретает не изнутри, из самого себя, а только в общении с другими, в круговом, или возвратном, взаимодействии внутреннего и внешнего» [12, с. 20]. Эта закономерность проецируется немецким ученым и на мемориальный аспект преемственности поколений: «Сознание и память невозможно объяснить из индивидуальной физиологии и психологии; они требуют «системного» объяснения, которое включает взаимодействие с другими индивидами. Ведь сознание и память создаются в отдельном человеке только благодаря его участию в этом взаимодействии» [12, с. 20].

В ряду катализаторов непосредственных форм межличностной коммуникации праздник занимает важное место. По сути, праздничная культура является собой коммуникативную альтернативу мобильной гаджетомании – форме сетевого мессенджерного общения, исключающего личностное физическое присутствие. Зрелищно-игровая привлекательность праздников для различных групп населения, в том числе и молодых участников ритуальных манифестаций, обрядных шествий и народных гуляний – мотиватор индивидуального выхода за пределы «отсутственного общения» в социальных сетях. Другими словами, праздничные формы культурного досуга создают естественные условия для прямого, «событийного» общения людей, вне зависимости от возраста, пола, социального положения, страт социума [16, с. 26].

Культурологический анализ ритуально-обрядового фактора решения проблем консолидации бельгийского общества, а также социализации и инкультурации, подтверждает необходимость праздника для бельгийского социума. Системная целостность праздника, интегрирующего зрелищные, игровые, эстетические формы приобщения к культурным нормам, ценностям и образцам, способствует сохранению культурно-этнической идентичности, активизации коллективной исторической памяти и реализации творческого потенциала личности.

Ряд проведенных нами наблюдений убеждает в том, что праздник –

действенный метод вывода современных молодых людей из состояния «я-мессенджер» на уровень «я-общение-коллектив», где гаджет приобретает скорее творческо-художественный статус, благодаря, например, возможности фотографии. Стоит в этой связи отметить, что массовое распространение моды на «сэлфи» заметно мотивирует различные группы бельгийского населения, в том числе и молодёжи, на участие в ритуальной-обрядовой, игровой и театрализованной формах праздничной коммуникации.

Своеобразным катализатором включения различных страт бельгийского общества в сферу праздничных акций и позитивных переживаний является традиция непосредственного участия в них членов королевской семьи. В качестве особого субъекта праздничной коммуникации бельгийская монархия вносит неоспоримый вклад в популяризацию праздника как специфического явления национальной культуры и гуманистического способа консолидации общества. Традиционный характер включения представителей монархии в праздничное пространство бельгийской культуры соответствует государственной политике консолидации населения на основе базовых ценностей. Несмотря на то, что некоторые фламандские и валлонские политические деятели, а также часть населения настроены антимонархично, не стоит преуменьшать консолидирующий феномен бельгийской королевской династии, сумевшей сплотить и сохранить государственность в рамках королевства в период активных сепаратных движений и настроений.

Проведение фестивалей, конкурсов, празднований под патронажем членов монаршей семьи [239] способствует дальнейшему совершенствованию творческих практик использования праздника как фактора сохранения этнокультурной идентичности, объединения бельгийцев вокруг таких жизненных ценностей, как любовь, семейное благополучие и патриотизм» [159, с. 221].

Значимость семиозиса, аксиосферы и креативности бельгийских праздников наглядно проявляется в решении такой сложной задачи, как объединение двух разноязычных культур - валлонской и фламандской. Несмотря на факты антагонизма в политической жизни королевства, эти культуры, взаимно обогащая

друг друга, находятся в диалогических отношениях. Как подчеркивал М.М. Бахтин, «при диалогической встрече двух культур, они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [24, с. 360].

Будучи неотъемлемым и значимым элементом культурной жизни Бельгии, праздники стимулируют процессы психологического сближения и культурного диалога языковых сообществ [156, с. 243]. Важно иметь в виду и позитивное влияние праздничной культуры на мемориальный аспект национального самосознания бельгийцев. Каждая из праздничных форм бельгийской культуры способствует активизации коллективной памяти, которая, по утверждению Марселя Хальбвакса, порождает индивидуальную [201]. В свете актуальности проблемы преемственности поколений сохраняется значение такой функции праздника, как зрелищно-игровая презентация прошлого Бельгии. Как справедливо отмечал Л.Н. Гумилев, «для того, чтобы история стала учителем жизни, необходимо желание общества использовать исторический опыт, применять его в социальной практике» [45, с. 317]. Одним из действенных средств пробуждения и активизации интереса к истории своей страны и народа является праздничная культура как подсистема национальной культуры.

Как было уже отмечено, в последние годы в связи с распространением интернет-коммуникации заметно повысилась значимость праздничных форм культуры. Ритуально-обрядовый конструкт праздника, его зрелищность и эмоциональная наполненность каждого элемента массового театрализованного действия помогают личности справиться с интернет-зависимостью и включиться в сферу праздничной коммуникации, объединяющей разные слои населения.

Важность гармонизации различных типов межличностного общения связана с задачами повышения с задачами этнонационального единения и актуализации творческого потенциала общества. Эффективности решения данных задач способствуют содержательные характеристики праздничной культуры и имманентно присущая ей художественная доминанта на основе синтеза языков искусства и такого творческого метода, как театрализация.

2.2. Креативно-коммуникативный потенциал праздничных форм культуры

Культурологическое осмысление генезиса бельгийских праздников и их места в культурном пространстве социума выявляет творческий характер праздничной коммуникации. При несомненной ценности для контекста и атмосферы праздника ритуально-обрядовых традиций не менее важным является креативный фактор структурной организации коллективных акций. Этот фактор не только не противоречит праздничным традициям, но и дает им дополнительный импульс для позитивных коллективных эмоций. Как подчеркивает современный исследователь Г.А. Праздников, «традиция есть некое связующее звено между культурным наследием и творчеством, осуществляющее не только преемственность культур, но и их диалог. Традиция рождается во встречном движении обеих тенденций культуры» [117, с. 56].

Актуализация креативно-коммуникативного потенциала праздника как смыслового континуума и символично-ритуальной драматизации способствует возникновению эмоциональной связи между культурным наследием и творчеством, с одной стороны, и атмосфере комплиментарного общения участников и зрителей, с другой. Полифункциональность праздничной культуры обеспечивается в значительной степени содержательно – креативными и коммуникативными моментами социального взаимодействия. Праздничная коммуникация осуществляется в особых «предлагаемых обстоятельствах коллективного общения на основе ритуального и игрового «энергообмена» позитивными впечатлениями и эмоциями.

Для культурологического осмысления креативно-коммуникативного аспекта развития праздничных форм манифестации определенных норм, ценностей и образцов имеет смысл обратиться к двум близким, но не тождественным понятиям: «праздничное пространство» и «пространство праздника».

Стоит отметить, что на сегодняшний день не существует четкой грани в дефиниции этих понятий, и каждый исследователь рассматривает их исходя из поставленной цели своего исследования.

Согласно С.Н. Иконниковой, праздничное пространство — это «многофакторная и многомерная система ... определяющее особую форму общественного поведения. Праздничное пространство — преобразованное пространство, оно обусловлено смыслом праздника и узнаваемо участниками праздничных действий» [62, с. 87]. Если в данном определении на первый план выходит системность праздничного пространства, то В.П. Курбатов акцентирует внимание на его локализованном характере [77]. С точки зрения А.И. Мазаева, «праздничное пространство — это, как правило, место для совершения специальных актов, закрепленное за определенным участком местности» [88, с. 72].

Стоит процитировать и умозаключение А.А. Кузнецовой о соотношении обоих явлений: «По отношению к пространству праздника праздничное пространство более масштабно, оно как бы обволакивает праздник, создавая ауру, которая вводит праздник в культурное пространство. Его функцией является непосредственно воспроизводство и реализация праздника, поэтому оно не может быть отделимо от пространства праздника, как от пространства, в котором рождается праздник» [75].

Каждое из приведенных высказываний о природе праздничного пространства содержательно соотносится с модальностью выявления специфики праздничного пространства Королевства Бельгия в ракурсе раскрытия креативно-коммуникативного потенциала праздника как инструмента сохранения этнокультурной идентичности.

Праздничное пространство Бельгии представляет собой совокупность праздничных форм, объединенных ментальной общностью, что обеспечивает — наряду с проектно-творческими практиками проведения праздников — целостность и единство всех его компонент. Праздничное пространство Бельгии не имеет жестких границ и издавна сопрягается с другими типами пространств —

социальным, религиозным, политическим, экономическим и др. «Во многом благодаря пространству праздника как в его институализированных, так и неинституализированных формах, – заявляет О.Л. Орлов, – развивались такие духовные сферы, как искусство, философия и даже наука» [114, с. 34].

В целях раскрытия креативно-коммуникативного потенциала праздничных форм сохранения этнокультурной идентичности нами была выявлена онтология типологического разнообразия бельгийских праздников¹. На сегодняшний день в бельгийском праздничном пространстве ведущее место занимает, по нашим наблюдениям, четыре основных вида национальных праздников. Их генезис и функциональный ряд неотделимы от истории Бельгии и этнокультурной самобытности. Каждый из этих типов обладает собственным информационным кодом и ритуально-обрядовым своеобразием.

1) Праздник «шапито». Праздники, проводимые с использованием установленных павильонов, шатров, аттракционов и т.д. В основном это ярмарочные, народные гулянья, базары, которые проводятся как в крупных городах, так и в сельской провинции. Фольклорные истоки данного типа праздничной культуры Бельгии и доминирование идеи коллективной радости временного освобождения от повседневных забот проявляются во всех формах – от обрядовых до смеховых. Эти праздники отличаются своей статичностью проведения, привязанного к одному общедоступному месту с точки зрения исторического значения или логистической досягаемости.

2) Праздник «а л’онсьен» (à l’ancienne, фр, - под старину). Этот вид праздников представляет собой реконструкцию исторических событий, образа жизни городской или сельской местности. Например, быт и труд ремесленных мастеровых с демонстрацией их работ: кузнецов, ткачей, животноводов, производителей продуктов питания (выпечка хлеба, изготовление кондитерских изделий, производство молочной продукции и т.д.), с возможностью последующей дегустации. В пространственно-временном континууме данного

¹ Опубликовано нами в статье «Типология праздников Бельгии: философско-культурологический анализ». \\\ Вестник МГУКИ. 2018 № 3.(83) С. 72-78.

праздника осуществляется также реконструкция военных батальев разных эпох: от древних рыцарских поединков, до наиболее крупных форм сражений, такой, например, как реконструкция битвы под Ватерлоо 1815 года. Такого рода реконструкции обеспечиваются сценарным каркасом праздника, приёмами театрализации и профессиональной деятельностью аниматоров, историков, военных специалистов, реконструкторов, мастеровых, режиссеров, сценаристов и т.д. Для этого типа праздника характерны масштабность вовлеченности участников в процесс организации и реализации действия, использование естественных ландшафтных особенностей места проведения реконструкций, их художественно-эстетическое и технологическое обеспечение и т.д.

3) Праздник-шествие. К этой категории относятся многочисленные карнавальные праздники Бельгии: кавалькады, кортежи, шествия. Специфика карнавального типа праздничных мероприятий заключается в том, что основное действие происходит в движении, чаще всего с использованием механизированных средств передвижения, а также повозок-платформ, передвигающихся с помощью различного вида транспорта, в том числе и гужевого. Динамика и зрелищность праздников-шествий обуславливают особый стиль коммуникации и выражения коллективных эмоций как участников, так и созерцателей кортежей и кавалькад.

4) Праздник-искусство. В ценностно-смысловое пространство данного праздника входят все мероприятия, посвященные различным видам искусства (музыка, живопись, скульптура, танец, театр, флористика, фестивали разной направленности и т.д.). На этих праздниках презентация каждого вида искусства интегрирует ритуально-обрядовый и концертно-театрализованный способы обеспечения высокого эмоционального заряда общения между профессионалами, любителями и почитателями художественного творчества. Помимо традиционных функций, присущих празднику как феномену культуры, здесь успешно решается задача популяризации художественных текстов и артефактов, что расширяет культурные горизонты всех субъектов праздничных акций.

Приведенная выше типология бельгийских праздников основана на классификации праздников, предложенной французским этнологом Л.С. Фурнье

[193] и обозначена как «диспозициональная» (*la disposition*, фр.) типология. Она соответствует трем основным параметрам: ландшафтному (характеру места проведения), тематической определенности сценария праздничного мероприятия и специфике театрализации. Важно при этом иметь в виду, что понятием «диспозициональная» концепция фиксируется следующая особенность проведения бельгийских праздников: место проведения праздника определяется «не с точки зрения географического положения» [194], а социального образования обитания жизнедеятельности социума, таких, как город и сельская местность.

Как правило, в границах праздничного пространства символично-ритуальная драматизация осуществляется в динамичном единстве ритуального поведения, с одной стороны, и импровизационно-игрового проявления свободы с другой; на первый план выходит творческое начало, формируются особые правила существования по отношению к обыденности. Причинно-следственные аспекты традиционного раздела между будничной монотонностью существования людей в социуме и праздником как коллективным со-бытием получили глубокое осмысление у М.М. Бахтина. Каждый из четырех типов бельгийских праздников несет на себе печать закономерности, сформулированной ученым: «Моменты смерти и возрождения, смены и обновления всегда были ведущими в праздничном мироощущении. Именно эти моменты – в конкретных формах определенных праздников – и создавали специфическую праздничность праздника» [22, с. 14].

Потребность в праздничном настроении, в чувстве сопричастности с историей народа, важными событиями или памятными датами, а также в приобщении к сфере прекрасного удовлетворяется тем эффективнее, чем в большей степени реализуется креативно-коммуникативный потенциал праздника. И в этом смысле уместно подчеркнуть важность такого фактора совершенствования праздничной культуры, как проективно-творческий подход к организации и проведению праздника.

Креативность представляет собой условие и одновременно маркер успешного использования праздничных акций в целях сохранения этнокультурной

идентичности и повышения чувства патриотизма граждан. Одним из важных параметров креативизации любой из праздничных форм культуры (кроме, разумеется, религиозных, где существует определенный символично-смысловой код) является театрализованно-художественное обрамление действия, повышающее воздействие визуального восприятия и сценарной идеи. Культурно-антропологические, аксиологические, семиотические и эстетические грани сложившейся в Бельгии праздничной системы подтверждают огромную роль креативного фактора. Любой светский праздник требует не только смыслового ядра, т.е. сквозной идеи, но и, по утверждению авторитетного специалиста в этой области Д.М. Генкина, «яркой образности, ассоциативности, оригинального, смелого творческого замысла.... Оригинальность, неповторимость замысла – первый залог успеха и заинтересованности зрителя» [39, с. 17].

Отсюда бесспорная важность театрализации, которую П. Павис определил как «процесс синтетической интерпретации события, текста или художественного произведения» [115, с. 406]. Данное определение создателя «Словаря театра» содержательно соотносится с трактовкой театрализации как специфического способа сотворения праздника, объединяющего различные страты общества вокруг значимого для них события. Творческая сущность театрализации проявляется в сценарном, постановочном и организационном создании зрелищно-игровой ситуации непосредственного участия людей в праздничной коммуникации.

В то же время стоит подчеркнуть факт отсутствия единой дефиниции «театрализация». Несмотря на обращение многих исследователей к данной теме, они не пришли к единому, конкретному знаменателю. Более общее определение данного термина, исходя из обилия работ в этом направлении и близкое к теме нашего исследования, можно выразить так: театрализация – это творческий подход в организации человеческой деятельности в сакральном времени и пространстве.

Театрализованный подход к осуществлению основной идеи конкретного праздника реализации многократно обогащает смысловое пространство

коллективного торжества и его визуальный облик. Причем характерная для праздника символично-ритуальная драматизация придает ему особый стиль, в котором сочетаются импровизационное и управляемое начала в массовом поведении участников и зрителей. Благодаря заранее продуманному сценарному плану и использованию для его успешного осуществления различных языков искусства возникает феномен массового воодушевления мировосприятия и чувства эмоциональной взаимосвязи субъектов праздничного действия. Так возникает и реализуется в «формах культуры» возможность межличностной коммуникации, той праздничной атмосферы, которая порождает «ситуацию, идеальную для свободного, избыточного, анонимного общения, которое в принципе невозможно в будничной жизни» [83, с. 10].

Театрализация рассматривалась многими учеными из разных сфер гуманитарного знания, но при этом в качестве одного из ее аспектов рассматривался художественно-творческий. Так, например, А.И. Чечётин определил театрализацию как способ и метод выражения идеи в художественной форме, благодаря театральным средствам с обращением к эмоциональной стороне человеческого восприятия [158, с. 6]. В качестве эффективного метода организации и проведения праздничного события на содержательно-эстетической основе рассматривал театрализацию один из видных создателей теории массового праздника Д.М. Генкин [40, с. 6-9].

На уровне обыденного сознания принято считать, что театрализация, как понятие, связана, в основном, со сценическим искусством, являясь исследовательской категорией театроведческого направления. Между тем, первоначальные проявления театрализации обнаруживаются в праздничной сфере жизни народа. По утверждению многих отечественных и зарубежных исследователей, «драматическое действие родилось из народного, обрядового» [15, с. 26].

При этом в качестве подтверждения данного постулата приводится история возникновения древнегреческой трагедии и комедии в контексте дионисийских и других языческих празднеств. На наш взгляд, ограничиться мнением, что «только

Древняя Греция имеет право считаться прародиной не только трагедии, но и театра вообще» [1, с. 21], будет некорректно. Ведь еще в Древнем Египте существовали театральные постановки, о которых мы узнаем из описаний мистерий Геродотом, «которые являлись своего рода предтечей театрализованных представлений. Хотя главная роль в них отводилась жрецам, в мистерияльных действиях принимали участие и простые люди, приходившие на богослужение, причем роли тех и других сторон определялись ходом разыгрываемого действия. Древнейшие мистерияльные театрализованные представления восходили к эпохе Древнего царства...» [116, с. 232].

В трудах о культуре Древней Месопотамии также встречаются упоминания о театрализованных представлениях, датирующиеся 1-м тысячелетием до н.э. и проходящие в Вавилоне, где «праздник имел место в первые одиннадцать дней Нисана месяца. Вечером четвертого дня читался весь Эпос творения, «Энума элиш» ... Некоторые ученые считают, что чтение сопровождалось представлением в духе средневековых мистерий» [128, с. 343-344]. В продолжение, также можно упомянуть «священнейшее представление» баронг-кекет жителей, населяющих остров Бали (Индонезия), смыслом которого «является мистическая борьба между добрым, благодетельным началом, персонифицированным в образе мифического животного – Баронга, и вредоносной, враждебной людям силой, воплощенной в образе безобразной, страшной и могущественной колдуньи Рангды... представления баронга на острове Бали интересны не только потому, что на их истории мы можем проследить развитие одного из видов восточного театра (индонезийского), но и потому, что эти представления, существующие и по сей день, представляют собою интереснейшую переходную ступень от священнодействия, мистерии к театру» [1, с. 176-180]. Как мы видим, спектр использования театрализованных методов в разных культурах мира не только широк, но и свидетельствует об их разнообразии.

Формирование института театра неотделимо от трансформации праздничной культуры, совершенствования приемов исполнения и инструментов обеспечения зрелищности. Все составляющие праздничной культуры нашли свое применение в

театре, где они получили «огранку» совершенства, создав тем самым высокое искусство, где «спектакль, с одной стороны, ведёт диалог с пьесой, но с другой - со зрителем. Это два разных диалога, и спектакль раскрывается в них по-разному. Ни одно из искусств не связано так непосредственно с реакцией аудитории, не реагирует на эту реакцию столь немедленно и активно, как театр. Сама возможность диалога - одно из важнейших и труднейших завоеваний культуры, и потеря диалога со зрителем – гибель театральной культуры» [85, с. 607].

Культурологический анализ праздничной культуры в ракурсе театрализации приводит к следующему выводу: процессуально-зрелищная природа данного явления народной жизни обуславливают модальность не столько диалога, сколько полилога как существенного параметра праздничной коммуникации.

Стоит обратить внимание на ряд сущностных элементов театрализации и прежде всего – на игру. Игра всегда рассматривалась как важная составляющая всей культуры не только практиками, но и философами. Интерес к игровому аспекту культуры носит многовековой характер, о чем свидетельствуют труды Платона, И. Канта, Г. Гадамера, К. Жигульского и других философов. Мысль Ф. Шиллера о том, что «человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет» [162, с. 302], получила дальнейшее развитие в реалиях модернизма и постмодернизма. Над этой концепцией работали современные философы, социологи, культурологи: Г. Гессе, Х. Ортега-и-Гассет, М. Фуко и др. Наиболее полной, теоретически обоснованной и подтвержденной эмпирическим материалом является концепция игры, принадлежащая голландцу Й. Хейзинга. В своей работе «*Homo ludens. Человек играющий*» он определил игру как источник и основу культуры. Под понятием «игра» ученный подразумевает особый вид пространства, вмещающий все виды жизнедеятельности человека. При этом он уделяет особое внимание вопросу о специфике проявления игры в праздничной форме культуры. Согласно Й. Хейзинга, все креативно-художественные действия людей представляют собой «игру», а потому культуру можно определять как продукт играющего человека [153].

Некоторые исследователи и практики в сфере праздничной культуры сопрягают понятия «игра» и «театральность», имея в виду прежде всего существование участников праздника в определенной роли. Однако и само понятие театральности и ее характеристики было бы некорректно сводить лишь к игровой компоненте праздничного поведения. С учетом этого стоит более подробно рассмотреть театральность как один из параметров праздничной культуры.

Одним из первых, кто обратился к проблематике театральности в философско-культурологическом аспекте, является Н.Н. Евреинов: именно он, ввел понятие «театральность» в категориальный аппарат театроведческой и искусствоведческой дисциплин. По глубокому его убеждению, театральность, как важная универсалия самовыражения и самореализации присуща не только человеку, но мы можем ее также наблюдать в разных проявлениях животного мира. «От игр наших детей, - пишет Н.Н. Евреинов, - один лишь шаг назад к играм животных высшего класса. Что эти игры... Драматические напрашиваются само собой для всякого прилежного наблюдателя мира животных. Отсюда должно вытекать само собой заключение, что театр у животных есть первичная зачаточная форма искусства» [52, с. 49]. Развивая свою мысль в книге «Театр как таковой» Н.Н. Евреинов определяет введенный им термин следующим образом: «Под "театральностью" как термином я подразумеваю эстетическую демонстрацию явно тенденциозного характера, каковая, даже вдали от здания театра, одним восхитительным жестом, одним красиво проторированным словом создает подмости, декорации, освобождает нас от оков действительности легко, радостно и всенепременно» [53, с. 40-41]. Театру жизни свойственно сочетание всех видов искусств, где «вещи театрализируются, потому что они язык для общения между людьми и этот язык должен быть наиболее ярок и понимаем. Их театрализация происходит по определенным психологическим законам» [29, с. 58].

Последователи идеи универсальности «всем присущей театральности» стремились не только к уточнению ее как понятия, но и систематизировать ее

различные проявления: такая установка реализовалась в трудах таких исследователей, как Б.В. Казанский [65], Я.Б. Бруксон, Е.А. Зноско-Боровский, В.В. Иванов и др. В свете вопроса о соотношении театральности, игры и праздничной коммуникации важна книга Н.А. Хренова «Зрелища в эпоху восстания масс». По его утверждению, «с помощью "инстинкта театральности" можно объяснить как страсть лицедея - человека непосредственно творящего, так и страсть театрала - человека, пассивно созерцающего театральное действие. По Н. Евреинову, «"инстинкт театральности", – это антропологическое понятие, присущее человеку вообще» [155, с. 46].

Таким образом, и театральность по определению Н.Н. Евреинова, и игра в трактовке Й. Хейзинга расширяют границы понимания праздника как феномена культуры зрелищно-игрового вида. На наш взгляд, «театрализация» есть совокупность «игры», в своей действенной природе, т.е. то, что человек реализует физически в процессе своей деятельности, и «театральности», как способности (умения) на ментальном уровне совершать действие в художественно-эстетическом виде, согласно своим возможностям (таланту). «Культура возникает в форме игры, - утверждает Й. Хейзинга, - культура первоначально разыгрывается» [154, с. 321], а Н. Евреинов уточняет: «в истории культуры театральность является абсолютно самодовлеющим началом» [54].

Это позволяет нам трактовать понятие «театрализация» не только как «способ организации действия по законам драматургии», согласно театроведческому и искусствоведческому понятиям, а намного шире. «Театрализация» однозначно занимает важное место в культурном развитии человечества, с точки зрения культурологического и художественно-эстетического созидания культурных процессов, где каждая культура имеет свою уникальность, и присущую только ей культурную идентичность в соответствии со своими «игровыми» действиями и характерной «театральностью», использующейся в их реализации. «Театрализация открывает широчайшие горизонты на проблему культуры» [29, с. 58]. Ценность и непереносимость театрализации проявляется в каждой культуре мирового многообразия и везде она имеет уникальные черты проявления в своей

полифункциональности: идеологической, воспитательной, художественно-эстетической, информационно-коммуникативной, интегративной.

Следовательно, театрализация, будучи константой феноменальности и действенности креативного потенциала праздничной культуры, определяется для каждого культурного пространства с точки зрения этнокультурной самобытности, проявляясь в свойственной только ей уникальности. Подчеркнем при этом такой значимый для исторической и прикладной культурологии факт, как то, что «космо-психо-логосу» каждого народа соответствует его уникальная «этническая театральность», воплощенная в «своей игре», определяющая культурную идентичность через понятие «театрализация» в культурном пространстве.

Объемность и широта понятия театрализации позволяет в полной мере рассматривать праздничную общность в своем единстве сакрализации пространства, с основополагающим моментом активной деятельности масс, благодаря «массовой эмоции» (В.Э. Мейерхольд), возникающей в процессе восприятия театрального действия [96, с. 64-94]. Национально окрашенная театрализация является основой и создает все предпосылки сохранения этнокультурной идентичности, когда «зрелищный характер праздника, - отмечают МЛ. Слюсаренко и Л.С. Сысоева, - способствует превращению феномена в организованную стихию, которая облекает и трансформирует реалии политической, экономической, социальной жизни в театрализованные, эстетизированные формы» [165, с. 381].

Социокультурная значимость театрализации, с точки зрения эффективной реализации креативно-творческого потенциала праздника, заключается в том, что с помощью этого творческого метода каждая из праздничных форм обладает, по мысли М.М. Бахтина, «единым стилем и является частями и частицей единой и целостной системы» [22, с. 6]. Действительно, наши многолетние наблюдения над практиками проведения праздников в Королевстве Бельгия подтверждают системообразующую роль театрализации, благодаря которой праздник становится событием этнокультурного значения.

Применительно к праздничной культуре в театрализации можно выделить две ее составляющие: сценарную и режиссерскую; и разделить на два вида: театрализация компилированного или комбинированного, и оригинального вида. Творческие практики в сфере праздничной культуры Бельгии базируются, по нашим наблюдениям, на синтезе всех видов театрализации, в соответствии с действенным характером праздничных форм и в стремлении усилить чувства сопричастности участников и зрителей к событиям прошлого в жизни народа и к социокультурным нормам, ценностям и образцам современности.

Еще одна характеристика театрализации обусловлена эстетическими потребностями людей в ярких впечатлениях и «чувстве удовольствия» (И. Кант) и творческой заинтересованностью организаторов праздников в использовании игровых, художественных и психологических приемов возникновения полилога: синтез языков искусства. Ценность сочетания в театрализации ритуально-обрядовых традиций и синтеза всех искусств художественных способов выражения умонастроения не вызывает сомнения. В синтезе художественных способов выражения умонастроения оказываются взаимосвязанными, по справедливому утверждению А.Я. Зися, «такие выразительные качества, которых нет в каждом из искусств в отдельности» [58, с. 123].

Приведем в этой связи один из наглядных примеров из бельгийской праздничной культуры: «основополагающий»¹ праздник «Дюкасс», типичный для Бельгии и северных регионов Франции. Первые упоминания о празднике Дюкасс появляются приблизительно в XII веке, но есть все основания считать, что схожие по типу празднования появились намного раньше. И уже на раннем этапе театрализация этого массового праздника осуществлялась в единстве ритуально-обрядовых элементов и синтеза музыкального, хореографического и других видов искусства.

Этимология слова дюкасс происходит от «Dédicace» (посвящение) и заимствовано от латинского *dedicatio*, что означает: освящение храма, собора или

¹ По значимости, форме и подходу в реализации этого праздника, праздник можно смело назвать прародителем современных праздничных мероприятий, получившие название во многих культурах - «День города».

церкви. Слово Ducasse впервые документально появляется в 1391 году, как диалектная форма старого французского языка, ducasse, dicaze относящегося к XII веку. Изначально праздник имеет значение «патронального праздника» (*fête patronale*) и «общественного праздника» (*fête publique*), но на сегодня Дюкасс утратил свое первоначальное религиозное значение и стал синонимом городского праздника, с характерным сценарным и художественным действием в его проведении [169, p. 728].

Вот как французский писатель Эмиль Золя пишет о празднике в своем романе «Жерминаль»: «Последнее июльское воскресенье считалось в Монсу местным праздником (в оригинале: *le jour de la ducasse*. Примечание наше А.М.) ... По случаю праздника весь поселок высыпал на улицу в ожидании обеда, который готовили раньше, чтобы скорее отправиться в Монсу. Детвора бесновалась, мужчины, без блуз, в рубашках и в шлепанцах, слонялись ленивой походкой людей, отдыхающих в воскресный день... Из комнат доносились гул голосов, крики и звук шагов. Во всех домах пахло вареным кроликом, и этот приятный аромат вытеснял на один день застарелый запах жареного лука» [60, с. 66-67].

Дюкасс прошел длительный путь изменений ценностно-смыслового характера: возникнув как религиозный «праздник-шествие», он впоследствии трансформировался в иной тип праздника – «Кермесс» (*Kermesse* – нидерл.) или «Фуар» (*Foire* – фр.), «праздник-шапито». Изменению типологического вида данного праздника во многом способствовала смена сценарных сюжетов: при их театрализации использовались приемы «разыгрывания» библейских сюжетов в процессе празднования. Естественно, что такое смещение смысловых акцентов повлияло и на режиссерскую составляющую театрализации: при проведении праздника стал использоваться комплекс таких средств выразительности, как метафора, аллегория, гротеск, символ. В результате усилилась зрелищная сторона праздника, а, значит, и степень его эмоционального воздействия на массовое сознание. Как отмечал Д.М. Генкин, «зрелищность праздника «является в нем именно тем ключом, который открывает путь к сердцу каждого, превращает зрителей в соучастников представления» [39, с. 17].

В «классической» форме праздник Дюкасс сегодня также сохранился и ежегодно празднуется в отдельных регионах Бельгии, где «наряду с языческим субстратом во многих праздниках и ритуалах, приспособленных церковью для своих нужд, можно проследить довольно сильную апокрифическую традицию» [47, с. 287]. Наиболее популярными и известными на сегодняшний день являются праздники Дюкасс городка Ат (Ducasse d'Ath) [215] и Дюкасс города Монс (Ducasse de Mons) [209]. Именно об Дюкассе города Монс, который празднуется и сегодня, писал Эмиль Золя в своем произведении. В 2005 году эти праздники были признаны ЮНЕСКО и включены в список нематериального культурного наследия человечества.

В этот же список был внесен в 2008 году и праздник Мейбум (Meuboom) [207, р. 115-120], проводимый в Брюсселе. На протяжении всей своей истории он выполнял ряд функций, присущий праздничной культуре в целом. Однако ценностный вектор бельгийского праздника города и особенности его театрализации соотносятся, с одной стороны, с народными традициями чувственной и символической коммуникации, а с другой, с коллективной манифестацией позитивного отношения к родному городу. Согласно бельгийскому историку Стефану Деметеру, «патрональный праздник города или коммуны, как правило, самый важный. Он сопровождается торжествами и развлечениями, которые принимают форму «кermesse» [213, р. 14].

Название «Кермесс» (Kermokesse) в обиходе появляется примерно в то же время, что и Дюкасс, являясь заимствованием из фламандского языкового диалекта «kerkmisse» (церковная месса). Наиболее известный и популярный на сегодняшний день Кермесс праздник проходит в Брюсселе. Этот праздник ведет свой официальный отсчет времени от первого проведенного шествия 4 октября 1530 года, учрежденного Маргаритой Австрийской, по случаю окончания эпидемии чумы [203]. Праздник получил истинно народное признание и одобрение по причине совпадения сценарной театрализации действия праздника с ритуально-обрядовыми традициями, близкими местному менталитету.

В 1880 году Коммунальный совет города Брюсселя принимает решение об объединении всех праздничных событий города в единый городской праздник, который сегодня официально называется Фуар дю Миди (Foire du Midi) – ярмарка. Праздник-ярмарка ежегодно проводится на Бульваре Миди (boulevard du Midi) в начале июля, в первые выходные перед Национальным днем (21 июля). В процессах трансформации ряда своих элементов праздник (Foire du Midi) обрел ряд специфических характеристик. В нынешнем виде он представляет собой праздничное пространство в урбанистическом ландшафте, с большим количеством установленных аттракционов, в черед с ларьками быстрого питания, в основном с традиционно бельгийскими продуктами: фритты, колбаски, большое разнообразие бутербродов, знаменитые бельгийские вафли, изделия из шоколада и т.д. Праздник длится месяц и в народе его все также называют «Кермесс Брюсселя» (Kermesse de Bruxelles), в понятие которого совершенно не вкладывают патрональный смысл. Более того, многие обыватели даже не знают причин появления праздника, того первоначального смысла, который обусловил специфику сценарно-театрализованного действия. Однако такое неведение большинства брюссельцев не сказывается на количественных показателях участия в городских торжествах. Посредством театрализации в ситуациях ритуально-игрового общения жителей и гостей столицы (включая и туристов из других стран) актуализируются народные традиции прославления ценности веселья и других радостей бытия.

Установка субъектов праздничной коммуникации в зрелищно-гастрономическом пространстве Kermesse de Bruxelles на позитивные эмоции вытекает из самих социокультурных реалий общества потребления. Тем не менее, гедонистическая доминанта данного праздника – не является препятствием для решения такой социальной задачи, как сохранение этнокультурной идентичности, но и в определенной мере способствует усилению чувства консолидации.

Приведенные примеры бельгийской праздничной культуры позволяют сделать вывод о том, что театрализация способствует актуализации креативно-коммуникативных возможностей массового приобщения к поэтике и эстетике

праздника. «Массовые историко-художественные представления, красочные шествия, концерты-спектакли и многое другое – неизменный театрализованный атрибут любого праздника. Все они рассчитаны не только на активное участие масс, но одновременно и на эстетическое восприятие, достигаемое зрелищностью, эффектноcтью и содержательностью» [4, с. 5].

Важность креативного фактора усиления влияния праздничных форм на сохранение этнокультурной идентичности подтверждается многими бельгийскими праздниками. В системе праздничной культуры страны заметное место занимает праздник Дюкасс городка Ат. Он в полной мере относится к типологическому виду «праздник-шествие», но специфика используемых при проведении Ducasse d'Ath художественно-творческих приемов, делают его неповторимым маркером самого городка, что также способствует усилению коллективного чувства причастности участников праздника к «малой родине».

При всех признаках процессуально-зрелищной оригинальности этого ежегодного праздника городка Ат сохраняется общая типологическая черта праздника-шествия. Как точно отметил Д.М. Генкин, «шествие предоставляет возможность каждому человеку выразить свое личное отношение к торжественным событиям, как политическим, так и культурным, а также продемонстрировать свою активность» [39, с. 5].

Возникновение праздничных шествий и гуляний в Бельгии связано в первую очередь с развитием городов в Средние века, когда «церковь была заинтересована в расширении религиозной пропаганды: во всех европейских городах стали устраиваться пышные церковные шествия, сопровождаемые инсценировками евангельских и библейских сюжетов» [63, с. 58]. Дюкасс городка Ат празднуется, начиная с XV века, в воскресенье, предшествующее 28-му августа, даты освящения приходской церкви в честь святого покровителя Жюльена де Бриуд (Julien de Brioude). В первоначальной версии празднования этого события используется шествие прихожан с театрализацией библейских сцен в обучающем контексте, изначально определяя праздник, как пограничную зону между весельем и художественным произведением [70, с. 326-327]. В XVI и XVII веках

политические кризисы и религиозные конфликты подвергли трансформации шествие и используемые театрализованные приемы. «Обслуживая большую толпу весело, по-праздничному настроенного народа, литургическая драма могла претендовать на успех только в том случае, если она была понятна. Латинский язык был для этой цели явно непригоден. Церковные драмы стали исполняться, как правило, на народных языках. Для этого необходимо было подбирать и более близкие, житейские сюжеты. С этой целью стали использовать библейские эпизоды, дающие возможность в церковных историях видеть прообраз вполне обыденных, чисто житейских картин» [63, с. 31].

Использование в праздничном шествии ростовых фигур, высотой около 4-х метров, как символическую метафору, добавляет для зрителя более действенное восприятие. С каждым годом церемония Дюкасс городка Ат дополняется новыми персонажами, появление которых в пространственно-временном континууме праздника-шествия расширяет не только диапазон эстетических впечатлений, но и культурные горизонты субъектов праздничной коммуникации. Так, например, рядом с куклой Голиафа, одним из главных персонажей шествия, по сценарию появляются новые фигуры, связанные своим происхождением и знаково-символической определенностью с праздничными традициями других европейских стран. Когда Голиаф «обзаводится» женой, возникает аллегория, возводящая персонажей на уровень эмблематики города [186].

Стоит отметить, что ростовые фигуры (куклы), как праздничный атрибут, многократно увеличивают эмпатийное состояние участников, способствуют эмоциональному восприятию церемониального шествия, «не исчерпывая при этом своих изначальных, древних культовых, ритуальных задач» [165, с. 369].

Эволюция праздника Дюкасс городка Ат проявляется не только в обновлении кукол-персонажей как особых участников красочного шествия, но и в разработке основ театрализованного кукловождения. Расширяется и состав кукольных персонажей, среди которых возникают клерки из гражданских властей города, религиозного представительства и светского духовенства. В Новое время социокультурный контекст периодов Просвещения и Романтизма обусловил

новые изменения в составе шествующих ростовых фигур, дополняя фигуры животных и мифологических персонажей.

Примечательно, что кукольная составляющая праздничного церемониала получила глубокое и оригинальное истолкование у М.М. Бахтина. Согласно исследователю, «в романтическом гротеске большую роль играет мотив марионетки, куклы. Мотив этот не чужд, конечно, и народному гротеску. Но для романтизма в этом мотиве на первый план выдвигается представление о чуждой нечеловеческой силе, управляющей людьми и превращающей их в марионетки, представление, совершенно не свойственное народной смеховой культуре. Только для романтизма характерен и своеобразный гротескный мотив трагедии куклы» [20, с. 333].

Праздник Дюкасс городка Ат, как и ряд других праздников-шествий, подвергался упразднению на несколько лет в революционный период строгого рационализма, в конце XVIII века. И только после Конкордата (Concordat), «ренессанса» католической религии на бельгийской территории, шествия были возобновлены, как признак приверженности к сохранению национальных традиций. В 1819 году под влиянием процессов секуляризации культуры праздничная процессия становится исключительно светским шествием. С культурологической точки зрения более подробного раскрытия заслуживает взаимосвязь секуляризации и содержательно-статусной трансформации института праздника в Западной Европе. В течение нескольких десятилетий XIX и первой половины XX веков в сфере культуры произошли существенные изменения аксиологического, семиотического и эстетического характера, что не могло не повлиять на творческие практики использования праздничных форм в интересах социума.

После Второй мировой войны, патриотическая экзальтация влияет на праздник Дюкасс городка Ат с точки зрения внедрения новых символов и героев, а ритуалы культурного наследия, в своей приверженности к национальной театрализации праздника, смогли отвоевать свое место в церемонии шествия гигантских ростовых фигур. Следующий этап конца XX века характеризуется

потребностью празднующих обратиться к историческим темам, в результате чего становится возможным возвращение Лошади Байарда (*Le cheval Bayard*), участвующей в шествии в 1462 году и забытой в первой четверти XVI века. Лошадь, на которой ездили аймонские четверо сыновей, была вновь введена в церемониальное шествие в 1948 году, благодаря скульптору и археологу Рене Сансеном, воссоздавшему ее образ заново по сохранившимся эскизам и гравюрам [185]. Современные реалии общества добавили новые знаковые элементы в театрализацию праздника, связанные с политическими и социальными новостями, такими, как слияние коммун, благодаря чему появляются новые ритуальные действия, например, сжигание штанов Голиафа [176].

В начале третьего тысячелетия праздник Дюкасс городка Ат становится наследником полувековой традиции, в соотнесении с которой воспроизводится в театрализованной форме Ветхозаветный сюжет борьбы Давида с Голиафа. На протяжении эволюции этого театрализованного праздника первоначальная идея литургической процессии обогащалась в семиотическом и эстетическом отношениях, усилением жизнеутверждающих мотивов и смеховой компоненты.

Социологические исследования и наши непосредственные наблюдения свидетельствуют о том, что Дюкасс пользуется признанием у всех поколений бельгийского общества. Креативно-коммуникативный потенциал этого праздника проявляется как в плане комплиментарного стиля общения горожан разного возраста и социального статуса, так и с точки зрения отношения к праздничным традициям и ритуалам, включая смеховую компоненту в атмосфере «праздничной свободы». В этой связи стоит привести следующее высказывание французского энциклопедиста Ж.-Ж. Руссо: «В условиях свободы, где ни соберется толпа, всюду царит радость жизни. Воткните посреди людной площади украшенный цветами шест, соберите вокруг него народ – вот вам и празднество. Или еще лучше: вовлеките зрителей в зрелище; сделайте их самих актерами; устройте так, чтобы каждый узнавал и любил себя и других, и чтобы все сплотились от этого сильнее» [126, с. 168].

Популярность праздника Дюкасс городка Ат связана, на наш взгляд, и со стремлением населения к этнокультурному отождествлению, которое позволяет «гражданам Голиафа» утверждать свою идентичность, оберегать свое культурное пространство перед нарастающей угрозой глобализации [215].

Социально-психологическую значимость праздничной коммуникации как одного из эффективных способов сохранения этнокультурной идентичности в современном мире наглядно подтверждают и другие бельгийские праздники. Например, такой, как праздник, проводимый в городе Льеж «15 августа на Утрмюзе» (*Le 15 août en Outremeuse*): он представляет собой симбиоз религиозных и светских традиций коллективных торжеств, которые осуществляются с помощью креативных методов активизации населения в качестве субъекта праздничной коммуникации. По историческим меркам – это молодой праздник: он берет свое начало в 1927 году, когда по инициативе журналистов и представителей района Утрмюз (*Outremeuse*) в Льеже была создана Свободная Республика Утрмюз (*La République libre d'Outremeuse*). Свое вдохновение организаторы получили от появления Свободной Республики Монмартр во Франции, провозгласившей себя в 1920 году. Первое правительство Свободной Республики Утрмюз было введено в должность парижским карикатуристом Виллеттом (*Willette*) и бельгийским журналистом Морисом де Омбио (*Maurice des Ombiaux*). Первым президентом стал Жан Уоррокьер (*Jean Warroquiers*), в честь которого впоследствии была названа улица на Утрмюз, а первым мэром был назначен Джозеф Дюмон (*Joseph Dumont*) [196]. С появлением Свободной Республики Утрмюз провозглашается ежегодный праздник, приуроченный к католическому празднику Успения – дня смерти, воскресения, вхождения на небеса и коронации Пресвятой Девы Марии.

Популярность праздника обусловлена проведением религиозной мессы на валлонском языке, кукольного представления в музее Чанчы (*Tchantchès*), фольклорной процессии и организованных гуляний с концертами в период с вечера 14 по 16 августа. Структура этого праздника выявляет такую

характеристику, как эклектика христианского, языческого и художественно-театрального компонентов, связанных творческими приемами театрализации.

Театрализация праздника (*Le 15 août en Outremeuse*) интегрирует различные подходы: сценарный и режиссерский. Первый из них обеспечивает ценностно-смысловую определенность церемонии торжественного пронесения по улицам статуи из черного дерева Пресвятой Девы Марии; благодаря второму подходу расширяется диапазон субъектов праздника: когда в шествие активно внедряются гигантские ростовые куклы, задействуются различные фольклорные группы (как бельгийские, так и зарубежные), демонстрирующие свои музыкально-танцевальные театрализованные представления по ходу следования шествия, а также в период вечерних всеобщих гуляний.

Так же, как в празднике Дюкасс, в театрализации праздника «15 августа на Утрмюзе» используются гигантские ростовые куклы. Стоит подчеркнуть значение гигантских кукол в праздничной культуре Бельгии. Практически ни один из крупных праздников Бельгии не обходится без их участия. Полисемантика бельгийских массовых праздников неотделима от кукольного компонента церемониала, усиливающего его красочную зрелищность.

Важно иметь в виду, что каждый праздник имеет свой набор персонажей и свои, характерные для темы и региона, театрализованные приемы их «поведения». Как точно отметил итальянский кукольник и исследователь Б. Леоне, каждое кукольное представление имеет свое магическое-культовое происхождение, а форма действия является вечно обновляющимся ритуалом. Ничто так не воздействует на зрителя, как кукольное представление, завораживая его своим действием, что сходно по ощущениям исполнения обряда [82]. Особое место куклы в полифункциональном воздействии на зрителя отмечает также современный исследователь кукольного театра Х. Юрковский, заключая, что кукла — «это фигура, сделанная человеком для театрального действия, исполняющая функцию субъекта, что значит — сценического персонажа. Кукла родилась в эпоху анимистической культуры человечества и до наших времен имеет связи со всем таинственным и магическим» [167, с. 100]. К этим суждениям

стоит добавить имманентно присущую массовым праздникам смеховую форму коммуникации. Куклы-персонажи, будучи по своему облику и узнаваемому статусу носителями различных оттенков комического (юмора, сарказма, гротеска, самоиронии и др.), являются одним из источников смеховой формы праздничной коммуникации. Смеховая компонента праздника в немалой степени способствует установлению комплиментарного стиля отношений между людьми разных возрастов и профессий. Для уточнения роли смеха для комфортного характера праздничной коммуникации напомним высказывание французского философа Ж. Бодрийера о том, что для массы характерна особая форма юмора, которую можно определить как гиперконформизм.

Наряду с культурно-историческим, семиотическим, проектно-творческим аспектами феномена праздничной культуры заслуживает внимания и фактор коллективности. На примере праздника «15 августа на Утрмюзе» видно, что культурным событием он становится не сам по себе, а благодаря коллективному субъекту творческой деятельности и коммуникации в условиях «праздничной свободы». В дни празднования образуется особое креативно-коммуникативное сообщество из большого количества людей организаторов, участников и зрителей. Зрелищно-игровое пространство данного события объединяет артистов и зрителей, делая их сотворцами ритуально-обрядового церемониала, театрализованного действия и импровизированных акций, субъектом праздничной коммуникации. Символическим апогеем праздника «15 августа на Утрмюзе», является аллегорическая церемония погребения и кремации Мати л'Охе (Matî l'Ohê, с воллонского «кость Матью»). Кость символизирует остатки литургического обеда приходского праздника. Ритуальное погребения и кремация остатков «пиршества» означает конец праздника.

Важно отметить, что привязанность населения к церемониальному праздничному шествию Дюкасс, к празднику «15 августа на Утрмюзе», а также к любому другому праздничному событию в Бельгии, коих большое количество в каждом регионе, передается с семейными традициями. Участие детей в

праздничных событиях поддерживается с самого раннего детства, являясь важным звеном в социальном и психологическом взаимодействии поколений.

Коммуникативные параметры феномена праздничной культуры получили осмысление у многих исследователей под определенным углом зрения. Так М.М. Бахтин придает онтологический статус процессу коммуникации: «быть – это общаться» [21, с. 335]. Общение как факт социокультурной значимости рассматривалось мыслителем через призму понятия «диалог». Определяя субъект-субъектный характер этому типу коммуникации, М.М. Бахтин подчеркивал культурную самооценку двух типов субъекта диалогических отношений: адресанта и адресата. В ситуативно-коммуникативном пространстве праздника любого типа адресантом являются организаторы и участники шествий, представлений и других акций, а адресатом – зрители. Правда, в своей концепции карнавальной культуры он отрицал различие между двумя типами субъектов, поскольку в этой праздничной форме все – участники: у карнавала единый коллективный субъект.

Заслуживает внимания и взгляд исследователя Н.Д. Мостицкой на специфику коммуникативного аспекта феномена праздничной культуры. По ее утверждению, «коммуникативное пространство центрировано и имеет различные границы, подобно матрешке, при этом самая малая область – доверительная, сосредоточена в сакральной сфере личного мировосприятия человека. Именно эта область «личного сакрального» максимально актуализируется в праздничной культуре, и позволяет включать как можно больше людей с общими целями» [99, с. 51]. В результате возрастает, по ее мнению, индивидуальная способность человека к осуществлению «энергообмена и трансцендентной коммуникации».

Такой «энергообмен» между субъектами праздничной коммуникации не сводится к коллективному «чувству удовольствия»: в атмосфере позитивного настроения участников и зрителей он заметно облегчает приобщение к различным пластам этнокультурного опыта. Стоит при этом подчеркнуть еще один существенный момент актуализации креативно-коммуникативного потенциала массовых праздников, выявленный нами в процессе эмпирических наблюдений –

систематичность проведения праздничных акций. Как показывают бельгийские практики использования праздничных форм сохранения этнокультурой идентичности, систематический характер проведения массовых праздников как значимых для социума событий способствует формированию этических навыков межгруппового и внутригруппового общения, умений выражать себя в эстетических формах.

Задачи эффективного решения задачи повышения культуры праздничного общения и поведения находятся, с одной стороны, в проблемном пространстве социализации и инкультурации личности, а с другой, в лингвокультурной сфере бельгийского общества. Заинтересованность в совершенствовании нравственно-психологических и эстетических параметров праздничной коммуникации присуща, по нашим наблюдениям, как фламандскому, так и валлонскому регионам.

Значимость коммуникативного потенциала праздничных форм наглядно проявляется и в практиках межкультурного взаимодействия. Обратимся в этой связи к празднику-фестивалю «Euroralia», который проходит в Бельгии один раз в два года. По сравнению с многими другими праздниками, Европалия является относительно молодым и основан в Брюсселе лишь в 1969 году. Он позиционируется как междисциплинарный культурный фестиваль. В период появления этого праздника, в Бельгии происходили важные для страны события на уровне политических структур и назревали конституционные реформы, вследствие чего Федеральный парламент согласился с новым текстом Конституции. Согласно новой Конституции, создаются четыре языковых региона, затем три культурных сообщества и, наконец, три территориальных региона. Пересмотренная Конституция также определила полномочия языковых сообществ [174, р. 109-110]. В результате проведенных реформ, Бельгия окончательно разделена на три сообщества, о которых шла речь в первой главе диссертации: французское, фламандское и немецкое; три региона: валлонский регион, фламандский регион и Брюссельский регион.

В этой напряженной ситуации политических и межэтнических разногласий появляется новый массовый праздник, креативно-коммуникативный потенциал которого должен был стать консолидирующим общенациональным фактором для стабилизации общества. Важно иметь в виду, что название праздника «Европалия» происходит от сочетания слова «Европа» и «Опалия», древнеримского праздника урожая, проводимого в середине декабря в честь богини плодородия Опе. Такое сочетание неслучайно: тем самым организаторы хотели указать приверженность к традициям, заложив в название архаичный, символичный посыл.

Смысловая соотнесенность названия современного праздника с присущим древности мифопоэтическим мироощущением заслуживает более пристального внимания. Тесная связь происхождения символа с мифом лежит в исторически первом способе духовного освоения мира человеком. Принцип мироощущения и миропонимания человеком состоит в неспособности выделить себя из окружающей среды, и где мифологический символизм соединяет план реальности и план ментальный. Именно миф всегда «выступал как средство и способ общения» (Л.Н. Воеводина).

Каждый праздник «Европалия» посвящен различным граням культурного наследия приглашенной страны (Италия, Бразилия, Япония, Россия, Индонезия и др.). Первый праздник-фестиваль был посвящен культурному наследию Италии. Это предпочтение было не случайно, а имело глубокое обоснование.

Наряду с политическими проблемами в стране на тот период, не утихали этнические и лингвистические претензии между фламандцами и валлонами. Ситуация могла усугубиться возрастающим количеством диаспорного кластера в Бельгии, в особенности итальянского. Итальянцы составляли большинство тех, кто работал на угольных шахтах Бельгии. В предыдущие годы для привлечения иммигрантов из Италии бельгийские власти широко рекламировали преимущество шахтерской работы: высокая заработная плата, оплачиваемые отпуска и бесплатный проезд на поезде, семейное пособие, досрочный выход на пенсию. Уже в 1961 году итальянцы составляли 44,2% иностранного населения в

Бельгии, достигая 200 000 человек [212]. Поэтому, для создания комфортной ситуации в адаптации итальянской диаспоры в бельгийском обществе, первый праздник-фестиваль «Европалия» резонно был посвящен именно культурному наследию Италии.

Последующие праздники «Европалия» также будут учитывать фактор количественного состава иммигрантского населения, согласно запущенной государством программы организованной иммиграции. Между 1946 и 1974 годами программа делилась на три основных этапа: 1946-1961 годы, это, так называемый, итальянский период; 1955-1964 годы греческо-испанской иммигрантской экспансии; и 1964-1974 годы – турецкий период [177].

Пример праздника-фестиваля «Европалия» демонстрирует тот факт, что реализация креативно-коммуникативного потенциала способствует расширению диапазона межнациональных контактов и лучшему пониманию ценности феномена этнокультурного разнообразия в современном мире. Он становится неременной частью процесса адресного воздействия на страты общества, сакральной частью механизма удовлетворения потребности личности в познании других культур мира и способствует воспитанию чувства культурной толерантности среди населения.

С культурологической точки зрения стоит привести количественные показатели функционирования данного праздника как специфического инструмента межгосударственных и межнациональных контактов в 2017 году. Праздник EUROPALIA INDONESIA посетило 570 000 зрителей. Программа включала в себя 20 выставок, 75 концертов, 98 танцевальных и театральных представлений, 32 литературных мероприятия и 37 кинопоказов [242]. По заявлению организаторов, проекты, реализуемые в рамках этого праздника-фестиваля, могут циркулировать как внутри, так и за пределами Европы, через созданную международную сеть. Данное праздничное событие Бельгии наиболее полно раскрывает суть коммуникативного и креативного потенциала праздничной культуры в межкультурном диалоге.

Несомненно, что такого рода праздники создают условия для формирования, сохранения и развития национальной культуры, где комфортно себя чувствуют все этнические группы, проживающие на территории Бельгии. Формат праздника способствует синхронизации коммуникационных каналов, что активизирует творческую составляющую праздничного общения и поведения. Благодаря этому более продуктивными становятся праздничные формы презентации и массового освоения социокультурных норм, ценностей и образцов, совершенствования духовных скреп социума.

В ходе нашего исследования праздничной культуры Бельгии мы пришли к выводу о том, что наибольшей популярностью у населения пользуется такой тип праздника, как карнавальное шествие. Эстетическая доминанта карнавальной формы праздника и имманентно присущий этому явлению дух импровизации усиливают «игровой инстинкт» масс и ощущение «праздничной свободы».

Как известно, вопросы генезиса и сущности карнавала получили глубокое раскрытие и осмысление в работе М.М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса». Результаты изучения карнавального пласта праздничной культуры Бельгии – одно из подтверждений концепции философа. В частности, карнавальное шествие по своей энергетике массового утверждения театрализованными средствами ценности жизни, праздничного мироощущения свидетельствуют о том, что феномен карнавала «носит вселенский характер». Для понимания смысловой нагрузки карнавала, в пространственно-временном континууме которого динамично и зрелищно взаимосвязаны ритуально-обрядовые, фольклорно-игровые и смеховые компоненты праздничного веселья, важное значение имеет объяснительная модель этого явления народной культуры. Согласно Бахтину, карнавал воссоздает «особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, к которому все причастны. Таков карнавал по своей идее, по своей сущности, которая живо ощущалась всеми его участниками» [22, с. 12].

Поскольку именно в карнавальном типе праздничной культуры доминируют элементы театрализации (от ролевого существования в маске и костюмах до

непосредственного участия в импровизационно-смеховых акциях), заслуживает внимания и взгляд известного историка западноевропейского театра Г.Н. Бояджиева. По его утверждению, «маскарадные действия подготовили не только зерна нового драматического жанра — в них зародился и принцип пародийной комической игры, столь характерной для зрелищ раннего средневековья» [63, с. 104-105].

Широкое распространение во всем мире карнавальных форм праздничной культуры дает основание для сопоставительного анализа бельгийских карнавалов с рядом «знаковых» явлений в других странах и прежде всего — в Бразилии. Сравнивая бельгийский и бразильский карнавалы, легко заметить факт темпоритмического отличия друг от друга: латиноамериканская ментальность выражается гораздо экспрессивнее и быстрее, чем фламандская или валлонская. В карнавалах Бразилии мы фиксируем наличие характерных, национально танцевальных движений и осознанное возведение танца на уровень «создания реальной метафизики», воплощая «идеи, которые касаются понятий Творения, Становления, Хаоса и относятся к космическому порядку» [10, с. 97]. В бразильских карнавалах мы наблюдаем использование красочных, по своей «роскоши», перьевых костюмов участников и участниц с гипертрофированной сексуальностью, что образует для бразильца «неотъемлемый атрибут его социального самоутверждения», и «это своеобразная призма, через которую воспринимается и оценивается окружающий мир» [74, с. 153]. В театрализации латиноамериканских карнавалов превалирует главный смысл праздника - «игра», воплощающаяся в страстное «переживание целостности бытия» [144, с. 17], выраженное в мистериальной форме. По мнению исследователя карнавальных форм культуры в странах Латинской Америки Ю.Н. Гирина, «бразильский карнавал отличается от европейского по многим параметрам» и, по нашему мнению, главным образом отличие выражается в своей характерной театрализации и соответствующего использовании своей «игры» в рамках обладаемой этнической «театральности». А также «он (*бразильский карнавал* - А.М.) не является сугубо календарным празднеством, посвященным «проводам

Зимы и встрече Лета» (А. Афанасьев), и необязательно связан с Великим постом. Собственно говоря, карнавал в Бразилии проводится – то здесь, то там – в течение всего года» [165, с. 346].

Прежде чем обратиться к отличительным признакам карнавальной культуры в странах Европы, подчеркнем следующий момент: они так же, как и особенности латиноамериканских карнавалов, отражают своеобразие ментальности народа и традиции эстетического выражения своего мироощущения. Нагляднее всего различие между карнавалами двух континентов проявляется в энергетике ритуально-зрелищного выражения этнического темперамента, в сценарных подходах к теме карнавала, в эстетизации праздничного пространства (масок, знаковых нарядов и атрибутов, дизайна и др), в музыкально-хореографических и театральных способах существования в карнавальной стихии, в традициях смеховой культуры («ментальных» шуток, розыгрышей, дурачества, фарса и др.).

Таким образом, актуализация креативно-коммуникативного потенциала карнавала, особенности театрализации его эпизодов, а также стилистика межличностного общения всех участников в значительной мере обусловлены ландшафтно-климатическими и ментальными факторами развития народной культуры. Именно поэтому при попытках подражания карнавальным традициям «а-ля Бразилия», европейский карнавал останется европейским, в своем визуальном и художественно-игровом выражении несмотря на то, что «бразильские приемы», несомненно, заставят «сверкать и искриться» элементы театрализованных воплощений, придавая «привкус» латиноамериканской феерии.

Что касается вопроса специфике карнавальных традиций Бельгии, то здесь обнаруживается неотъемлемый и «обязательный» атрибут любого бельгийского карнавала (или другого праздничного шествия) – гигантские ростовые куклы, которые придают каждому празднику свой, неповторимый колорит. Выше мы уже упоминали значимость данной атрибутики в праздничной культуре Бельгии. В карнавальных традициях других стран также используются гигантские ростовые куклы, но наиболее масштабную вариативность, особый способ управления ими и их значимость в театрализации, мы можем наблюдать именно в Бельгии. В

карнавальных шествиях тех стран, где эта традиция прижилась, гигантские куклы чаще всего используются как статичные экспонаты, карикатурные символы каких-либо событий или персоналий, и т.д., в основной массе передвигающиеся на повозках или переносимые на руках. В Бельгии, куклы – полноценные действующие, «ожившие» персонажи, которые танцуют, входят во взаимодействие друг с другом, «заигрывают» со зрителем, становясь неотъемлемой и важной частью театрализованного решения праздничного действия. Именно в этом, на наш взгляд, бельгийский карнавал, и любой другой праздник в Бельгии, имеет свой национальный, ментальный окрас, свой оригинальный подход в творческой реализации, воспроизводящийся на основе своих древних традиций. Благодаря наличию гигантских ростовых кукол, бельгийский карнавал, несомненно, отождествляется со своей оригинальной театрализацией, как доминантой праздничного пространства, которое «озвучивается» не только музыкально, но и за счёт лингвистического колорита, т.е. использования этнических диалектов. Бельгийский праздник в этом виде приобретает черты оригинальности, не теряясь в пространственно-временном континууме праздничной культуры других стран и народов.

В интересах культурологического анализа механизма театрализации «предлагаемых обстоятельств» фабульно-символического характера уместно сравнить бельгийский карнавал с венецианским, который по предложенной нами выше типологии праздников больше всего соответствует празднику-шапито. Венецианский карнавал статичен и представляет собой преимущественно яркую «демонстрацию» эстетического и ролевого разнообразия масок и костюмов, с ограниченностью театрализованных решений самого события и со слабо организованным передвижением по улицам города или каналам.

Театрализация общего карнавального сюжета-действия реализуется скорее на уровне воплощения образа каждой отдельной маски участника или маленькой группы, участники которой объединены на основе единой темы. Именно маска является главным отличительным атрибутом венецианского карнавала. Несомненно, маска – важный элемент культуры, которая характерна многим, если

не всем, обществам, начиная от архаических и заканчивая высокоразвитыми. По мнению Вяч.Вс. Иванова: «Роль маски (или с ней функционально сходных способов изменения лица с помощью косметики, татуировки, пластических операций) различна в зависимости от социальных, исторических, географических факторов. Но в какой-то мере маска всегда присутствует» [61, с. 333]. Венецианскому карнавалу свойственен характерный, чаще всего национальный набор масок, состоящий из вариантов персонажей итальянской комедии Дель арте: Арлекин, Коломбина, Педролино, Пульчинелла и другие. Каждый из этих персонажей отличается определенным характером, стилем поведения и манерой одеваться, наконец, социальным статусом: к примеру, Гражданин, Доктор Чума, Баута, Венецианская Дама. И доминирующая функция каждой из масок получает свое выражение в поведенческой и эстетической формах¹.

Бельгийское разнообразие масок не столь богато по сравнению с венецианскими традициями, уступая в технике изготовления и художественной ценности. Но, тем не менее, маски в бельгийских карнавальных торжествах присутствуют и являются востребованным атрибутом в праздничном действии. Мы уже описывали в данной работе некоторые праздники, главные персонажи которых используют маски, такие, как: Блэ Мусси, Бинч и многие другие; причем набор этот не ограничивается только национальными персонажами.

Еще одно отличие бельгийского карнавала от венецианского состоит в том, что проведение бельгийского карнавала включает красочное, тематически оправданное использование средств передвижения карнавального шествия: декорированных повозок и платформ с костюмированными группами на них, танцевальными ансамблями, в сопровождении оркестров (в том числе и в пешем) и других музыкально-фольклорных групп.

¹ Стоит отметить как факт межкультурной преемственности, что традицию «маркирования» персонажей блестяще использовал в начале 20-х годов прошлого века талантливый режиссер Е.Б. Вахтангов в спектакле Третьей студии МХТ «Принцесса Турандот»: пьеса итальянского драматурга К. Гоцци была поставлена на основе актуализации многих эстетических приемов, в том числе и карнавализации. Карнавальные маски как элемент театральной выразительности ценили и использовали и другие режиссеры – Вс. Э.Мейерхольд, А.Я. Таиров, позднее – Ю.П. Любимов, П. Н. Фоменко и др.

Таким образом, карнавал, как и другие формы бельгийской праздничной культуры, обладают арсеналом возможностей позитивного воздействия на этнонациональное самосознание и культурное состояние социума. Актуализация креативно-коммуникативного потенциала праздника обеспечивается многими факторами – от творческого использования ритуально-обрядовых традиций до театрализации праздничных событий.

В социально-культурных реалиях Бельгии последовательно и достаточно эффективно используются «свои» оригинальные методы и инструменты актуализации креативно-коммуникативного потенциала праздничного пространства на протяжении всего исторического пути развития страны. Весь спектр креативно-коммуникативного потенциала праздничных форм с каждым годом совершенствуется и изменяется согласно условиям современных реалий, но в тоже время, приверженность населения к своим традициям создает устойчивость в личностной культурной идентификации, нивелируя тем самым угрозу «размывания» идентичности в палитре многообразия культурных миров. Слова выдающегося ученого Г.Д. Гачева можно в полной мере отнести к бельгийской праздничной культуре, где «... идеализированные творческие действия являют собой общественные празднества: шествия, карнавалы, демонстрации, маскарады... В них общество наслаждается своим чистым могуществом, созерцает его, демонстрирует его перед собой... Этот сгусток творческой энергии выступает здесь нерастраченным во всей полноте. Люди – каждый ощущает всю общественную силу в себе. И это его праздничное самоощущение есть залог свободных творческих сил, осуществляемых завтра уже в практической жизни» [38, с. 63].

Процитированное высказывание исследователя этнокультурного разнообразия человечества дает основание для признания важности релаксационной и гедонистической функций праздника как значимого события, объединяющего в атмосфере межличностного «энергообмена» позитивными эмоциями все страты общества. В ситуациях существования нерешенных проблем социальной жизни, антагонистических умонастроений у некоторых представителей политических

элит и попыток регионально-этнического размежевания, праздник возводится в ранг базового консолидирующего фактора бельгийского общества.

Таким образом, праздничная культура Королевства Бельгия представляет собой связующее звено между духовно-нравственным и эстетическим наследием народов и творческими практиками актуализации креативно-коммуникативного потенциала зрелищно-игровых форм досуга. Каждый из типов бельгийских праздников дает основание оценивать его как уникальный и эффективный инструмент гуманизации социокультурных реалий, а значит, и сохранения этнокультурной идентичности.

Заключение

В ходе исследовательской работы, основанной на междисциплинарном подходе к феномену праздничной культуры сквозь призму сохранения этнокультурной идентичности, был получен ряд выводов. Культурологическое осмысление сущности и проблематики праздничной культуры в историческом, лингвистическом, социологическом аспектах позволило выявить ряд сущностных черт и маркеров социально-культурного опыта использования в Бельгии праздничных форм в интересах государственной, общественной и частной жизни.

Актуальность решения этой проблемы для Бельгии обусловлена многими причинами и одна из них возникла сравнительно недавно. В середине XX века Бельгия стала одним из инициаторов создания межправительственной организации, состоящей из трех монархий: Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, получившей название Бенилюкс [182]. В этот союз, политический, экономический и таможенный, Бельгия привнесла свой исторический опыт сосуществования разных лингвоэтносов, способность умерить их претенциозность и умение найти компромисс в подчас сложных ситуациях на грани сепаратистских проявлений. Возможность решения этих задач становится реальной благодаря выработке межгосударственной тактики сохранения национальной идентичности во избежание утраты основных параметров этнокультурной специфики. Культурно-исторический опыт Бельгии и политическая воля способствуют формированию мультикультурного макропространства с учетом коммуникативного потенциала и актуализацией национальной полиязыковой повседневности. Тем не менее, формирование культурного макропространства выявило ряд проблем межкультурных отношений, тем самым закономерно обозначив пути и направления их разрешения в будущем.

Нами изучен и проанализирован генезис бельгийской праздничной культуры, а также ее основные параметры, способствующие условия консолидации социума,

с одной стороны, и сохранению этнокультурной идентичности, с другой. С учетом сложности лингвокультурной ситуации в Королевстве Бельгии, один из разделов диссертации был посвящён изучению лингвистического аспекта праздничной культуры.

Как показал анализ специфики культурно-исторического опыта Бельгии, страна в силу своего геополитического и географического положения, находилась в «диффузной» ситуации проникновения инокультурных элементов несколько раз оказывалась под угрозой насильственного изменения ментального и лингвистического кода населяющих эти территории людей. Тем не менее, бельгийское общество смогло выстоять и сохранить свою самобытность и этнокультурную идентичность.

Вместе с тем, выйдя из-под угрозы внешнего культурного насилия, на сегодня бельгийское общество испытывает внутригосударственный конкурирующий языковой антагонизм, проявляющийся в сепаратистских настроениях среди крайне радикально настроенной части населения. В дополнение к этому необходимо учитывать проблемную сторону влияния общеевропейской миграционной ситуации, остро стоящей на повестке дня в формировании государственной политики всех стран Европы.

Генезис бельгийской культуры наглядно показывает, что попытка изменить, отнять, переформатировать идентичность бельгийцев не состоятельна. Фламандцы, как и валлоны, отстаивают свое право на этническое существование, право сохранить свои традиции и свою культуру. И здесь одним из главных инструментов в «борьбе» за сохранение идентичности является праздник, представляющий собой зрелищно-процессуальный способ массовой коммуникации, неформального общения на основе коллективных переживаний единства и сопричастности как со своей историей, так и с системой культурных норм, ценностей и образцов.

На территории Бельгии, в историческом континууме, всегда происходила саморегуляция общества с помощью возрождения тех или иных праздничных событий, несмотря на периодичность смены власти и проводимых культурных

реформаций, под давлением испанской, австрийской, нидерландской, французской корон. Именно в критические и экстремальные периоды истории бельгийского общества усиливается функциональная значимость массовых праздников. Проведенный нами анализ исторической хронологии бельгийских праздников, показывает, что инициатива сохранения праздничных традиций исходила именно от населения и имела осознанное действие по возобновлению праздничных мероприятий в периоды, когда по какой-либо причине они были прекращены или запрещены (революция, война, природные, политические или экономические бедствия и т.д.).

Результаты исследования дают основание утверждать, что для феномена праздничной культуры Бельгии характерно взаимодействие этнических групп, стремящихся сохранить свою идентичность в едином государстве. Важность интегрирующих возможностей праздника признается на многих уровнях – от общественно-волонтерского до правительственного. На правительственном уровне предпринимаются попытки создания общенациональных культурных проектов. Перед бельгийским обществом остро стоит задача создания атмосферы культурной толерантности в обществе, на фоне существующих проблем в попытке ограничения свобод этнических групп, что, на наш взгляд, является тормозящим фактором общенациональной идентичности социума государства.

Праздничная культура является одним из главных механизмов, способным эффективно нивелировать проблему раздробленности этнических групп на уровне государства и создающим особое коммуникационное поле, обеспечивая тем самым фундамент для формирования норм и идеалов общества.

В результате изучения лингвокультурного аспекта своеобразия праздничной сферы жизнедеятельности бельгийского социума мы пришли к выводу о том, что языковая палитра Бельгии отображает ментальность нации, которая наиболее ярко и массово проявляется через ритуально-обрядовые традиции, фольклорные элементы культуры. Творческая реализация установки на сохранение этих традиций и элементов, с использованием диалектов и фразеологизмов, способствует дальнейшей ретрансляции социокультурной информации народа.

На основе изученных материалов, нами было определено, что речевая специфика представителей разных лингвокультур неоднородна и является средством обмена информацией. Наличие нескольких государственных языков в Бельгии являет собой неоднозначное явление социально-культурной реальности. Позитивность многоязычия на территории Бельгии связана с модальностью повседневного взаимообогащения культур, с информационно-коммуникативными функциями языка. Положительная сторона языкового многообразия наиболее ярко просматривается в наличии языковых «оттенков» именно в праздничной культуре, когда используются диалектальные языковые формы, придающие особую специфику оригинальности этнической группе. В то же время до сих пор сохраняется проблема нетерпимости и ограничительных мер в рамках одного языкового сообщества, когда французский язык «запрещен» во Фландрии, а фламандский в Валлонии.

Таким образом, лингвистический аспект социокультурной реальности в определенной мере обуславливает заинтересованность социума в развитии праздничных форм сохранения этнокультурной идентичности с учетом сложности межгруппового общения носителей языкового сознания.

В ходе исследования стало очевидным, что праздничная культура Бельгии модулирует исторически сложившиеся ритуально-обрядовые традиции, усиливаясь эффектом вербальных и визуальных сообщений, в соответствии с лингвистической особенностью языковых сообществ. Но в то же время, несмотря на значительные отличительные черты языковых групп, существует некое единство праздников фламандцев и валлонов, переплетение традиций, которое вызвано естественным «соседством» в рамках единого государства.

Следовательно, лингвистический элемент праздника выступает как ограничитель в рамках одного этнического сообщества, но при взаимодействии с другими, становится средством «обогащения», чем, по нашему мнению, обосновывается его польза и необходимость для национальной культуры в координатах единого культурного пространства. Лишь при рациональном и профессиональном подходе к процессу сохранения этнокультурной идентичности

в рамках одного государства, взаимодействие этнических групп в праздничных мероприятиях подчеркивает индивидуальность каждого, с проявлением эффекта единства и сплоченности. Отсюда следует, что лингвистический элемент определяет индивидуальность, свойственную этнической группе на уровне языкового сообщества Бельгии, и выступает фактором многообразия на уровне национальной культуры.

При детальном изучении ритуально-обрядовых традиций и креативно-коммуникативного потенциала праздников Бельгии, нами выявлена их особая важность влияния на личность в культурном пространстве. Социокультурная и гуманитарная составляющая ритуально-обрядовых традиций является уникальной для каждого этноса, с ее особенностями исторического развития, влияния природно-ландшафтных и социально-экономических факторов. Тем самым определяется основополагающий фактор этнической культуры, который является совокупностью элементов, включающего ритуально-обрядовые, семейно-бытовые, праздничные и художественные традиции.

Ритуально-обрядовые грани праздничной культуры и ее зрелищно-процессуальная природа обуславливают важное место этого явления в пространстве каждой эпохи. Посредством праздничных форм происходит реализация функций социализации и инкультурации личности, стимулирования ее гражданской активности и усиления чувства сопричастности с жизнью народа, с национальной историей.

На основе изучения креативно-коммуникативного потенциала праздника, как ресурса личностных возможностей, мы пришли к выводу, что он значительно повышает диалогичность и функциональность традиций, усиливает связь между культурным наследием и творчеством, во всем своем многомерии. Этот потенциал наиболее востребован и характерен для праздничных форм культуры в пространстве воплощения человеческих способностей.

Для раскрытия и адекватной оценки особенностей актуализации креативно-коммуникативного потенциала праздничных форм нами предложена типология, позволяющая вникнуть в явление разнообразия зрелищно-игровых способов

праздничной коммуникации и импровизационно-творческого взаимодействия всех страт социума. Стоит иметь в виду и взаимообусловленность актуализации креативно-коммуникативного потенциала праздничной культуры и действия таких механизмов психологического воздействия на массовое сознание, как внушение, заражение, мода и идентификация.

Нами установлено, что в значительной мере актуализация креативного потенциала праздничных форм культуры зависит от театрализованно-художественного обрамления действия, т.е. театрализация. Театрализованный подход к сценарно-визуальным аспектам массовых шествий, карнавального веселья и других форм досуга многократно обогащает праздник, придает ему смысловую значимость и управляемость действия. Художественная ценность и актуализация эмоциональной атмосферы восприятия добавляется, благодаря заранее продуманному сценарному плану.

В основе разнообразных практик театрализации лежит осуществление сценарного и режиссерского подхода к архитектонике любого праздника и его атрибутивно-символической определенности. Актуальные потребности, как показывает современная праздничная культура Бельгии, создают условия для синтезированного использования всех видов и подходов театрализации, в соответствии с действенным характером праздничных форм, в стремлении усилить чувства сопричастности участников и зрителей к историческим или современным событиям. На ряде конкретных примеров был доказан импровизационно-творческий характер праздника как культурного события. Не менее креативен и игровой фактор взаимодействия субъектов праздничной коммуникации в атмосфере коллективного мажора.

На ряде эмпирических примеров показано, что праздничная коммуникация способствует формированию базовых ценностей социальной и культурной жизни. Ценностно-смысловые основания праздничного поведения и общения в пространственно-временном континууме массовых торжеств и гуляний способствуют решению проблем сохранения этнокультурной идентичности.

Особо стоит подчеркнуть значимость коммуникативного потенциала в праздничной культуре в межкультурном аспекте на национальном уровне. В ситуации возбужденного состояния населения от политических и межэтнических разногласий, в Бельгии появляются новые массовые культурные события – праздники, которые служат консолидирующим общенациональным фактором для стабилизации общества. Нами выявлено, что они становятся неременной частью процесса адресного воздействия на страты общества, зрелищно-игровыми способами удовлетворения потребности личности в познании других культур мира, вследствие чего формируются навыки понимания и адекватной оценки «другого» типа этнокультурного опыта. Несомненно, праздники создают условия для формирования, сохранения и развития национальной культуры, в ценностно-смысловом и символическом пространстве, которой комфортно себя чувствуют все этнические группы. Формат праздника способствует синхронизации коммуникационных каналов, облегчая динамику коммуникативного пространства. При этом, возвеличиваются возможности передачи смыслов культуры, с целью культурного обогащения общества в межкультурном взаимодействии, что, в свою очередь, актуализирует скрепы общества.

Использование компаративного метода исследования, применительно к праздникам разных культур, нам позволило сделать вывод, что бельгийская специфика праздничных традиций – гигантские ростовые куклы, представляют неотъемлемый и «обязательный» атрибут любого бельгийского праздника, придавая каждому из них свой, неповторимый колорит. Именно в этом, на наш взгляд, состоит один из уникальных признаков бельгийских праздников. Благодаря наличию гигантских ростовых кукол, бельгийский праздник, несомненно, отождествляется со своей национальной театрализацией, как доминантой праздничного пространства, «украшаясь» к этому еще своим лингвистическим шармом, в виде использования этнических диалектов, приобретая черты узнаваемости в многообразии мировых праздничных традиций.

Последовательное изучение архитектоники бельгийской праздничной культуры и практик актуализации ее креативно-коммуникативного потенциала

сделало возможным предложить собственное понимание театрализации в соотнесении с концептом театральности Н.Н. Евреинова и идеей культуры как игры Й. Хейзинга. Это позволяет нам трактовать понятие «театрализация» не только как «способ организации действия по законам драматургии», согласно театроведческому и искусствоведческому понятиям, а намного шире. «Театрализация» однозначно занимает важное место в культурном развитии человечества в плане художественно-эстетического созидания духовно-нравственных и материальных ценностей. Сопряженность театральности и игры в контексте праздничного времени расширяет спектр возможностей творческого самовыражения коллективного субъекта в ситуациях «праздничной свободы» и радостного мироощущения.

Таким образом, театрализация, как константа феноменальности и действенности креативного потенциала праздничной культуры, определяется для каждого культурного пространства через свою оригинальность особенности этнокультурной самобытности, проявляясь в свойственной только ей уникальности. Осознание того, что конкретно каждому народу соответствует только его уникальная «этническая театральность», воплощенная в своем поступке – «игре», определяет культурную идентичность через понятие «театрализация» в культурном пространстве.

Анализ опыта использования механизмов актуализации креативно-коммуникативного потенциала праздничных форм коллективной досуговой деятельности привел к выводу о том, что каждая культура полноценно использует «свои» оригинальные методы и инструменты праздничного пространства. Весь спектр креативно-коммуникативного потенциала праздничных форм с каждым годом совершенствуется и изменяется согласно условиям современных реалий, но в тоже время, приверженность этнических групп к своим традициям создает устойчивость в личностной и коллективной культурной идентификации, нивелируя тем самым угрозу «размывания» идентичности в палитре многообразия культурных миров.

В процессе решения исследовательских задач мы пришли к выводу о том, что праздничная культура Бельгии является в настоящее время действенным способом сохранения этнокультурной идентичности и осознания каждым этносом своего места в пространстве универсума культуры.

На основе проведенной исследовательской работы мы пришли к выводу о том, что изучение праздничной культуры сегодня способствует глубокому пониманию этнокультурной идентификации социума и представляет собой перспективное направление культурологического анализа основополагающих норм общества.

Архитектоника, полисемантика и эстетика праздника обладают ценностью не сами по себе, а как сущностные моменты, обуславливающие эффективность влияния зрелищно-игровых форм массового досуга на решение задач сохранения этнокультурной идентичности и совершенствования навыков социального взаимодействия всех слоев гражданского общества.

По мере углубления в проблематику исследования выявлялись новые вопросы, не включенные в первоначальный замысел диссертации. За ее границами остались, в частности, вопрос о месте праздничных форм и их институционализации в культурной среде различных регионов Бельгии – от мегаполиса-столицы Брюсселя до локальных. Заслуживает специального внимания и специфика досугово-праздничной формы туризма в Бельгии.

Список литературы

1. Авдеев, А.Д. Происхождение театра. Элементы театра в первобытнообщинном строе. / А.Д. Авдеев, – Л. : Искусство, 1959. – 268 с.
2. Андреев, А.Л. Место искусства в познании мира / А.Л. Андреев, – М., 1980. – 255 с.
3. Андрейчук, Н.М. Социально-психологическая атмосфера праздника от образного восприятия к научному осмыслению [Электронный ресурс] / Н.М. Андрейчук. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskaya-atmosfera-prazdnika-ot-obraznogo-voSPIriyatiya-k-nauchnomy-osmysleniyu> (дата обращения – 06.12.2018).
4. Аниконова, Т.Г. Театрализованное представление как зрелищная составляющая праздника / Т.Г. Аниконова // Наука. Искусство. Культура. – 2015. –Вып.4 (8). – С.5-15.
5. Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. Главный редактор серии С. Я. Левит. Санкт-Петербург. — Университетская книга, 1997 – 728 с.
6. Арнольдов, А. И. Открытие мира культуры: Беседы с молодыми / А. И. Арнольдов; Моск. гос. ун-т культуры и искусств. - Москва: МГУКИ, 2003. - 170 с.
7. Арнольдов, А.И. Цивилизация грядущего столетия: культурол. размышления / А.И. Арнольдов; Ин-т педагогики социал. работы РАО. - Москва: Грааль, 1997. – 326 с.
8. Арнольдов, А.И. Человек в храме культуры: беседы с молодыми / А. И. Арнольдов; Моск. гос. ун-т культуры и искусства. – Москва: МГУКИ, 2006. – 100 с.
9. Аронов, А.А. Историко-культурные параллели (на материале истории отечественной и мировой культуры). Монография. – М. : Экон-Информ, 2011. – 180 с.

10. Арто, А. Театр и его двойник. / А. Арто, – М., 1933. – 443 с.
11. Арутюнов, С.А. Этничность - объективная реальность / С.А. Арутюнов // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 5. – С. 7-11.
12. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. Пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
13. Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. / А.К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993. – 240 с.
14. Байбурин, А.К. Коды обряда и их взаимодействие / А.К. Байбурин // Фольклор. Проблемы сохранения, изучения, пропаганды. – М., 1988. – С. 139-142.
15. Балашов, Д.М. О родовой и видовой систематизации фольклора // Русский фольклор. Вып. XVII. – М.; Л., 1977. – С. 24-34.
16. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова / Р. Барт, – М. : Прогресс, 1986. – 616 с.
17. Барт, Р. Мифологии. / Р. Барт, – М. : Изд.-во им. Сабашниковых, 1996. – 312 с.
18. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров: Литературно-критические статьи. / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература. – 1999. – 780 с.
19. Бахтин, М.М. Собрание сочинений. Т. 4(1): «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930-1950-е гг.). Комментарии и приложения. / М.М. Бахтин, – М. : Языки славянских культур, 2008. – 1120 с.
20. Бахтин, М.М. Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин, – М. : Художественная литература, 1986. – 543 с.
21. Бахтин, М.М. Работы 1940-х - начала 1960-х гг.// Собр. соч.: В 7 т., Т.5 / М.М. Бахтин, – М.: Русские словари, 1996.
22. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, – 2-е изд., 1990. – 543 с.
23. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных

лет. / М.М. Бахтин. – М., 1975. – 504 с.

24. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Наука, 1974. – 423 с.

25. Бенифанд, А.Ф. Праздник. Сущность, история, современность. / А.Ф. Бенифанд. – СПб., 1996. – 140 с.

26. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / П. Бергер, Т. Лукман, – М. : «Медиум», 1995. – 323 с.

27. Бесолова, Е.Б. Язык обрядового фольклора: специфика мышления и концептуализация символов: монография / Е.Б. Бесолова; Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. / Е.Б. Бесолова, - Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2015. – 176 с.

28. Бредихина, Н.В. Праздник как семиотическая модель социокультурных изменений общества. / Н.В. Бредихина // Историческая психология, социальная психология: общее и различное. – СПб. : Нестор, 2004. – С. 146-148.

29. Бруксон Я.Б. Проблема театральности. (Естественность перед судом марксизма) / Я.Б. Бруксон, – Петроград: Издательство «Третья стража», 1923. – 59 с.

30. Быстрова, А.Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии / А.Н. Быстрова // Философские науки. – М., 2004. – №12. – С. 24-40.

31. Ванченко Т.П. Архитектоника массового праздника. /Т.П. Ванченко. // Аналитика культурологии. Тамбовский госуд. университет им. Г.Р. Державина. 2008 № 1. - С. 31-39.

32. Ванченко Т.П. Текст праздника как объект понимания. /Т.П. Ванченко // Вестник МГУКИ. – М., 2008 № 3. С. 22-25.

33. Вереитинова, Т.Ю. Праздник как феномен и концепт антропологии культуры / Т.Ю. Вереитинова // Наука. Искусство. Культура. 2015. №4 (8). [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prazdnik-kak-fenomen-i-kontsept-antropologii-kultury> (дата обращения – 01.04.2017).

34. Всемирная энциклопедия: Религия под ред. М.В. Адамчик, – Мн. :

Соврем. литератор, 2003. – 832 с.

35. Гартман, Н. Этика / Н. Гартман, – СПб. : Издательство «Владимир Даль», 1999. – 708 с.

36. Гачев, Г.Д. Наука и национальная культура (гуманитарный комментарий к естествознанию). / Г.Д. Гачев, – Ростов-на-Дону. Издательство Ростовского университета., 1993. – 320 с.

37. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Евразия - космос кочевника, земледельца и горца. / Г.Д. Гачев. – Москва, 1999. – 386 с.

38. Гачев, Г.Д. Творчество, жизнь, искусство / Г. Д. Гачев. – Москва : Детская литература, 1980. – 143 с.

39. Генкин, Д.М. Массовые праздники / Д.М. Генкин. – Москва: Просвещение, 1975. – 140 с.

40. Генкин, Д.М. Театрализация как творческий метод культурно-просветительской работы: сборник научных трудов. / Д.М. Генкин. – Л. : ЛГИК. 1982. – 141 с.

41. Герд, А.С. Курс лекций и хрестоматия. / А.С. Герд. – 2-е изд., исправл. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 457 с.

42. Головлева, Е.Л. Основы межкультурной коммуникации. / Е.Л. Головлева, – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 224 с.

43. Григорьева, Т.П. Японская художественная традиция. / Т.П. Григорьева. –М., 1979. – 68 с.

44. Гужова И.В. Праздник как феномен культуры в контексте целостного подхода : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Гужова Ирина Викторовна. – Томск. 2006. – 24 с.

45. Гумилев, Л.Н. Искусство и этнос / Л.Н. Гумилев // Собр. соч.: в 12 т. – СПб., 2003. – Т.9

46. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера земли. / Л.Н. Гумилев. – М., Гидрометеиздат, 1990, – 528 с.

47. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры. / А.Я. Гуревич, – М., 1984. – 350 с.

48. Гуревич, А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. / А.Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1990. – 396 с.
49. Давыдов, И.П. Сравнительно-функциональный анализ мифа и ритуала как составляющих частей мифоритуального религиозного комплекса // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2013. Вып. 1 (45). С. 39-56
50. Дюркгейм, Э., Мосс, М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений / Э. Дюркгейм, М. Мосс // Общества. Обмен. Личность: Труды по социологии. – М., 1996. – С. 6-73.
51. Есаков, В.А. Мегаполис и его культура (на примере Москвы) / В.А. Есаков, Изд. 2-е, перераб. – М.: Альфа-М, 2009 – 208 с.
52. Евреинов, Н.Н. Театр у животных. / Н.Н. Евреинов. – Л.; М., 1924. – 56 с.
53. Евреинов, Н.Н. Театр как таковой / Н.Н. Евреинов. // Демон театральности. – СПб.: Летний сад, 2002. – С. 31-99.
54. Евреинов, Н.Н. Театрализация жизни. Статья. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://kudes.ru/node/565> (дата обращения – 26.08. 2018).
55. Жарников, А.Е. Теория этногенеза Льва Николаевича Гумилева (Опыт системного изложения). / А.Е. Жарников. – М. : Готика, 2002. – 123, [5] с.
56. Жигульский, К. Праздник и культура. / К. Жигульский. – М. : Прогресс, 1985. – 336 с.
57. Запесоцкий, А.С. Образование: философия, культурология, политика. / А.С. Запесоцкий, – М., 2002. – 456 с.
58. Зись, А.Я. Виды искусства / А.Я. Зись, – М. : Знание, 1979. – 127 с.
59. Злотникова, Т.С. Неизменность человека в меняющемся хронотопе // Ярославский педагогический вестник – 2016 – № 6. – С. 413-415.
60. Золя, Э. Собрание сочинений в 18 томах. Том 10. / Э. Золя, Перевод: А. Дмитриевского. – М. : Правда, 1957. – 219 с.
61. Иванов, Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки. / Вяч.Вс. Иванов. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 376 с.
62. Иконникова С.Н. Теория культуры. / С.Н. Иконникова. – СПб. : Питер,

2008. – 590 с.

63. История западноевропейского театра в 8 томах. под ред. Г.Н. Бояджиев, Издательство: Наука, 1955.

64. Каверина, Е.А. Праздник как эстетический и социальный феномен [Электронный ресурс] / Е.А. Каверина. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/prazdnik-kak-esteticheskiy-i-sotsialnyy-fenomen>. (дата обращения – 23.01.2019).

65. Казанский, Б.В. Метод театра: анализ системы Н.Н. Евреинова. / Б.В. Казанский. – Academia. 1925. – 171 с.

66. Канетти, Э. Масса и власть / Э. Канетти. пер. с нем. и предисл. Л. Ионина. - М.: AD MARGINEM, 1994. (Мыслители XX в.) – 527 с.

67. Кара-Мурза, С. Философия праздника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://gazetanv.ru/archive/article/?id=426> (дата обращения – 16.11.2018).

68. Китов, Ю.В. Человек интересующийся. – М. : МГУКИ, 2001. – 255 с.

69. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 107 с.

70. Кононенко, Б.И. Большой толковый словарь по культурологии / Б.И. Кононенко, – Москва: Вече 2000: АСТ, 2003. – 512 с.

71. Коннор, У. Нация – это нация, это государство, это этническая группа, это ... // Этнос и политика. / У. Коннор, – М. : УРАО, 2000. – 400 с.

72. Костина А.В. Праздник как преодоление противоречия между природой и культурой: концепция А. Мазаева // Эстетико-культурологические смыслы праздника. Сборник статей памяти А.И. Мазаева. М.: ГИИ, 2009. - 460 с.

73. Кравченко, А.И. Обряд. Ритуал // Культура и культурология: Словарь / А. И. Кравченко, сост., ред. – М., 2003. – 496 с.

74. Кряжева, И. Городской музыкальный фольклор: некоторые особенности станов-ления и современного развития / И. Кряжева. // Профессиональное искусство и народная культура Латинской Америки. – М., 1993. – С. 120-160.

75. Кузнецова, А.А. «Праздничное пространство» и «пространство

праздника»: характеристики и особенности взаимодействия // Молодой ученый. 2017. № 19. – С. 364-369.

76. Кули, Ч. Первичные группы // Американская социологическая мысль. Тексты. / Ч. Кули, – М., 1994. – 496 с.

77. Курбатов, В.П. Праздничный хронотоп: понятия, типы, виды // Культура и образование. 2014. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/02/1485> (дата обращения – 06.12.2018).

78. Лавров, П.Л. О религии. / П.Л. Лавров, – М. : Мысль, 1989. – 461 с.

79. Лаптева, Л.С. Функции массовых праздников // Парк и отдых: Труды НИИ культуры. / Л.С. Лаптева, Вып. 2.-е изд., – М., 1976. – 22 с.

80. Леви-Брюль, Л. Первобытная мифология / Л. Леви-Брюль. – Екатеринбург: Миф. Сказка. Эпос., 1997. – 140 с.

81. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. / Л. Леви-Брюль, – М., 1994. – 314 с.

82. Леоне, Б. Размышления / Б. Леоне // КукАрт. 1992. - № 2. – С. 14-18.

83. Литвинова, М.В. Массовый праздник как полифункциональное явление // Наука Искусство Культура. – № 2. – 2013. – С.5-12.

84. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. / Ю.М. Лотман, – М. : Наука, 1999. – 464 с.

85. Лотман, Ю.М. Об искусстве. / Ю.М. Лотман, – СПб, 1998. – 704 с.

86. Лотман, Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избр. ст.: в 3 т. Т. 1. – Таллин, 1992. – 542 с.

87. Львова, Ю.Л. Творческая лаборатория учителя. / Ю.Л. Львова. – М. : Педагогика, 1992. – 224 с.

88. Мазаев, А.И. Праздник как социально-художественное явление. Опыт историко-теоретического исследования. / А.И. Мазаев. – Москва: Издательство «Наука», 1978. – 392 с.

89. Максютин, Н.Ф. Культурологические аспекты праздника. / Н.Ф. Максютин. – Казань: Медицина, 1996. – 91 с.

90. Макухина, И.В., Мирзахматова Ш.М. Формирование культурно-

образовательной среды в непрерывном образовании // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. 2015. № 13 (2). – С. 383-385.

91. Малыгина, И.В. Этнокультурная идентичность: онтология, морфология, динамика : дис. ... д-ра. филос. наук : 24.00.01 / Малыгина Ирина Викторовна. – М., 2005. – 305 с.

92. Маркарян, Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции. / Э.С. Маркарян // Советская этнография, 1981, № 2. – С. 78-96

93. Маслова, В.А. Современная лингвистика – наука о человеке, его сознании, языке и культуре // Гуманитарный вектор. 2011. Т. 13, № 1. – С. 6–11.

94. Медведева, М.А. Эмоции как основа праздничной культуры / М.А. Медведева. [Электронный ресурс], URL: [http:// www.analiculturolog.ru](http://www.analiculturolog.ru). (дата обращения – 01.08.2018).

95. Мелетинский, Е.М. От мифа к литературе / Е.М. Мелетинский. – РГГУ, 2000. – 169 с.

96. Мейерхольд, В.Э. Статьи, письма, речи, беседы. – Т. 2. / В.Э. Мейерхольд. – М.: Искусство, 1968. – 468 с.

97. Минюшев, Ф.И. Социальная антропология. / Ф.И. Минюшев. – М.: 1997. – 192 с.

98. Миллс Ч.Р. Социологическое обозрение. Т. 11. №1. Перевод с английского А.М. Корбуа под редакцией С.П. Баньковской. Источник: Mills C.W. (1939). Language, logic and culture // American Sociological Review. Vol. 4. No 5. 2012. – P. 670–680.

99. Мостицкая, Н.Д. Праздничное и повседневное в коммуникативном пространстве культуры: сущность, содержание, функциональность : дис. ... д-ра. культур. : 24.00.01 / Мостицкая Наталья Дмитриевна – М. 2019. – 364 с.

100. Мостицкая Н.Д. Праздничность и повседневность как феномены культурной коммуникации (на примере православной традиционности) Вестник МГУКИ. 2015 № 2 – С. 105-110

101. Мостицкая, Н.Д. Праздник как моделирование процесса формирования

культурной идентичности личности / Н.Д. Мостицкая // Аналитика культурологии, 2016. - №1 (34). - С.126-136.

102. Мостова, Л.А. Антология исследований культуры / Л.А. Мостова. – Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. – 728 с.

103. Мюллер, М. От слова - к вере. Религия как предмет сравнительного изучения // Языки как образ мира. / М. Мюллер, – М., СПб., 2003. – 576 с.

104. Мясников А.Н. «Особенности карнавальных традиций Бельгии (культурологический аспект)» / А.Н. Мясников // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 3(77). С. 103–108.

105. Мясников А.Н. «Полисемантика праздничных форм бельгийской культуры» / А.Н. Мясников // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 2(82). С. 136–141.

106. Мясников А.Н. «Типология праздников Бельгии: философско-культурологический анализ» / А.Н. Мясников // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 3(83). С. 72–78.

107. Мясников А.Н. «Символьные образы в карнавальных традициях Бельгии» / А.Н. Мясников // Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования. Сборник статей по материалам VIII междунар. науч.-практ. конф., 2018 –М.: «Интернаука» С.34-38.

108. Мясников А.Н. «Праздничные традиции как фактор укрепления культурно-исторической памяти народа (на примере Бельгии)» / А.Н. Мясников // Проблема культурной памяти: социально-философский аспект: сборник статей / науч. ред: А. Н. Ужанков, д-р филол. наук, В. А. Тихонова, д-р филос. наук, Е. В. Мареева, д-р филос. наук. – Москва: МГИК, 2018. С.208-215.

109. Мясников А.Н. «Национальный праздник как фактор социализации и инкультурации личности (на примере Бельгии)» / А.Н. Мясников // Культура как пространство становления личности: сборник статей молодых ученых Московского государственного института культуры / науч. Ред. В.А. Тихонова, Е.В. Мареева, Д.А. Сторублевцева. – Москва: МГИК, 2018. – 133 с. С.42-48.

110. Мясников А.Н. «Праздник как способ конструирования и форма репрезентации культурной идентичности» / А.Н. Мясников // Диалог культур и цивилизаций: материалы Международной научно-практической конференции. 15–16 марта 2019 г. / под общ. ред. Ч. Б. Далецкого, А. Ю. Платко. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. 728 с. С. 143-147.
111. Намазова, А.С. Бельгия. Исторический опыт: традиции и современность / А.С.Намазова (курс лекций). – М. : ИВИ РАН, 2001. – 174 с.
112. Наумкин, В.В. Исламизм, Этничность и конфликты: о роли символической политики // Вестник Московского Университета. Серия 25: Международные Отношения И Мировая Политика. 2009. № 1. – С. 9–27.
113. Одиссей. Человек в Истории. / Ответственный редактор А.Я. Гуревич. – М. : Наука, 1991. – 192 с.
114. Орлов, О.Л. Российский праздник как феномен культуры // Вестник СПбГУКИ 2011. № N° 1. – С. 32-41.
115. Павис П. Словарь театра. – М.: Изд-во "ГИТИС". 2003. – 516 с.
116. Померанцева, Н.А. Эстетические основы искусства Древнего Египта / Н.А. Померанцева. – М. : Искусство, 1985. – 255 с.
117. Праздников, Г.А. Традиция как диалог культур. / Г.А. Праздников. // Советская этнография. – № 2. – 1981. – С. 54-56.
118. Пиотровский, А. Русский фольклор. / А. Пиотровский. – М., 1948 – 142 с.
119. Пиотровский, А. Театр. Кино. Жизнь. / А. Пиотровский, – Л. : Искусство, 1969. — 511 с.
120. Пиренн, А. Средневековые города Бельгии. Пер. с фр. под редакцией проф. Косминского Е. А. / А. Пиренн. – СПб. : Издательская группа «Евразия». – 2001. – 512 с.
121. Платон, Собр. Соч. в 4-х томах. Том 2 / Платон. Перевод Т. В. Васильевой – М. : «Мысль», 1993. – 528 с.
122. Полищук, В.И. Культурология. / В.И. Полищук. – М. : Гардарики, 1999. – 446 с.

123. Ремизов, В.А. Основы коммуникативной культуры / В.А. Ремизов, В.С. Садовская. – М. : ВЛАДОС, 2011. – 204 с.
124. Ресурсы управления социокультурными процессами: Монографический сборник / Науч. ред. В.М. Чижилов. – М. : МГУКИ, 2012. – 165 с.
125. Руденский, Е.В. Психосоциологизация праздничного общения / Е.В. Руденский. – Кемерово: Томь, 1990. – 127 с.
126. Руссо, Ж.-Ж. Избранные сочинения. Т. 1. / Ж.-Ж. Руссо, – М., 1964. – 852 с.
127. Рычкова, Н.В. Влияние коммерческого сектора праздничного ландшафта на праздничную культуру горожан // Вестник Казанского Технологического Университета. – № 16 (17). – 2014.– С. 336–339.
128. Саггс, Г. Величие Вавилона. История древней цивилизации Междуречья. / Г. Саггс, – М. : ЗАО Центрполиграф, 2012. – 463 с.
129. Садохин, А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие / А.П. Садохин. – М.: КИОРУС, 2014. – 254 с.
130. Садохин, А.П. Мировая культура и искусство / А.П. Садохин, Учебное пособие. – М.: Юнити-Дана, 2015. – 415 с.
131. Сальникова Е.В. Феномен зрелища. //Ракурсы. Вып. 8. – Отв. Ред.-сост. Ю.В. Боров, А.С. Вартаков. – М., ГИИ. 2011. С. 30-58.
132. Селин, Л.Ф. Путешествие на край ночи: Роман. / Л.Ф. Селин. – М. : Изд. группа «Прогресс» - «Бестселлер», 1994. – 434 с.
133. Сепир, Э. Статус лингвистики как науки / Э. Сепир // Языки как образ мира – М. Спб, 2003. – 576 с.
134. Слюсаренко, М.А. Философско-культурологическая проблема праздника в современном мире. Статья. // Томский педагогический университет. Серия Гуманитарные науки. – 2000. – № 7. – С. 57-59
135. Эстетико-культурологические смыслы праздника // Отв. ред. И.В.Кондаков; Сб. ст. памяти А.И.Мазаева. М.: ГИИ, 2009. – 460 с.
136. Соколова-Набойченко, О.Н. Музыкально-театральная деятельность в дополнительном образовании учителя : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08

2003. / Соколова-Набойченко Оксана Николаевна. – Москва, 2003 – 185 с.

137. Сорокин, П.А. Кризис нашего времени / П.А. Сорокин. // Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – 543 с.

138. Суминова, Т.Н. Художественная культура как информационная система (мировоззренческие и теоретико-методологические основания) / Т.Н. Суминова. – М. : Академический Проект, 2006. – 383 с.

139. Суминова, Т.Н. Информационные ресурсы художественной культуры (артосферы). / Т.Н. Суминова // Технологии культуры. – М. : Академический Проект, 2006. – 480 с.

140. Теоретическая культурология. / Коллектив авторов, – М. : Академический Проект; РИК, 2005. – 624 с.

141. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие для студентов по спец. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 262 с.

142. Тишков, В.А. Культурный смысл пространства. // Журнал Этнографическое обозрение. – № 1. – 2004 г. – С.14-31.

143. Толстая, С.М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. / С.М. Толстая, Изд. 2-е.-е изд., – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 368 с.

144. Топоров, В.Н. О ритуале. Введение в проблематику / В.Н. Топоров. // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – М., 1988. – С. 7-60.

145. Тэн, И. Философия искусства. Перевод Н. Соболевской. / И. Тэн, Мособлполиграф, - Москва, 1933. – 198 с.

146. Фейблман, Дж. Концепции науки о культуре. / Дж. Фейблман. // Антология исследований культуры. Том 1. Интерпретации культуры. – СПб, 1997. – 728 с.

147. Флиер, А.Я. Культурогенез. / А.Я. Флиер. – М.: 1995. – 128 с.

148. Флиер, А.Я. Культура как пространство и время социального бытия. [Электронный ресурс]. / А.Я. Флиер. // Культура культуры. – 2016. – Режим

доступа: <http://cult-cult.ru/culture-as-space-and-time-of-social-being/> (дата обращения – 23.02.2018).

149. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сad, 1994.- 408 с.

150. Фундаментальные проблемы культурологии: В 4 т. // Том II: Историческая культурология под ред. Д.Л. Спивак, - СПб. : Алетейя, 2008. 360 с.

151. Хантингтон, С. Кто мы? : Вызовы американской национальной идентичности. / С. Хантингтон, пер. с англ. А. Башкирова. – М. : АСТ: Транзиткнига, 2004. – 635 [5] с.

152. Хёйзинга, Й. Осень Средневековья. / Й. Хёйзинга. – М. : Прогресс-Культура, 1995. – 416 с.

153. Хёйзинга, Й. Homo ludens. Человек играющий / Й. Хёйзинга, сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; Комментар., указатель Д. Э. Харитоновича. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.

154. Хёйзинга, Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. / Й. Хёйзинга, пер., сост. и X 35 вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; Комментар. Д. Э. Харитоновича. – М.: Прогресс-Традиция, 1997. – 416 с.

155. Хренов, Н.А. Зрелища в эпоху восстания масс. / Н.А. Хренов. – М. : Наука, 2006 – 646 с.

156. Хрящева, Н.Ю., Макшанов С.И. Тренинг креативности / под ред. Н. Ю. Хрящевой С.И. Макшанов. // Психогимнастика в тренинге. – СПб. : Речь, Ин-т тренинг, 2004. – 250 с.

157. Цивилизации / Ин-т всеобщ, истории РАН. отв. ред. А.О. Чубарьян. – Вып. 7: Диалог культур и цивилизаций. – 2006. – М. : Наука, 1992. – 278 с.

158. Чечетин, А.И. Основы драматургии театрализованных представлений / А.И. Чечетин. // История и теория. – М. : Просвещение, 1981. – 190 с.

159. Чикилева, Л.С. Роль вербальных и невербальных средств в создании имиджа. / Л.С. Чикилева. // Российский гуманитарный журнал. – 2016. – Том 5. №2. – С. 220-232.

160. Шибаева, М.М. Понимание инонациональной культуры как фактора

диалогических отношений [Электронный ресурс]. / М.М. Шибавева. // Культура культуры. - Научное рецензируемое периодическое электронное издание. – № 2. – 2017. – Режим доступа: http://cult-cult.ru/understanding-of-foreign-culture-as-a-factor-of-developing-dialogue/#search_mark_шибавева (дата обращения – 23.02.2018).

161. Шибутани, Т. Социальная психология. / Т. Шибутани, – Ростов-на-Дону, 1999. – 539 с.

162. Шиллер, Ф. Письма об эстетическом воспитании человека / Шиллер Ф. // Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. – М., Художественная литература, 1957. – 794 с.

163. Шипилов, А.В. Оппозиция "мы - они" в социокультурном развитии : дис. ... д-ра культур. : 24.00.01 / Шипилов Андрей Васильевич. – Воронеж, 2005. – 330 с.

164. Шпенглер, О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории: в 2 т. / О. Шпенглер. – М. : АЙРИС-пресс, 2004. – 666 с.

165. Эстетико-культурологические смыслы праздника. // Сборник статей памяти А.И. Мазаева. под ред. И.В. Кондаков, Москва. – М. : ГИИ, 2009. – 458 с.

166. Юнг, К.Г. Психология бессознательного. / К.Г. Юнг. Пер. с англ. В. В. Зеленского - Издание 2-е. – М. : «КогитоЦентр», 2010. – 352 с.

167. Юрковский, Х. Четыре принципа. // Театр. – № 7. – 1987. - С. 99-102.

168. Якобсон Р. Язык и бессознательное / Р. Якобсон. Пер. с англ., фр., К. Голубович, Д. Епифанова, Д. Кротовой, К. Чухрукидзе. В. Шеворошкина; составл., вст. слово К. Голубович, К. Чухрукидзе; ред. пер. м Ф. Успенский., – М. : Гнозис, 1996. – 248 с.

169. Bas P.L., Lemaître A.F. France: Dictionnaire encyclopédique / P.L. Bas, A.F. Lemaître, Firmin Didot frères, 1842.

170. Berce Y.-M. Fête et revolte. Des mentalités populaires du XVIe au XVIIIe siècle. Essai. / Y.-M. Berce, Paris, – 1976. – 237 p.

171. Berry J.W. Cross-cultural Psychology: Research and Applications. Cambridge / J.W. Berry, Y.H. Poortinga, M.N. Segal, P.R. Dasen, – 1992. – 611 p.

172. Bitsch M.-T. Histoire de la Belgique: de l'Antiquité à nos jours / M.-T.

Bitsch. – Bruxelles : Complexe, 2004. – 299 p.

173. Blomme P., Witvrouw F. Le plus petit déficit budgétaire en 9 ans pour la Belgique [Электронный ресурс]. // L'Echo – URL: <https://www.lecho.be/economie-politique/belgique/federal/le-plus-petit-deficit-budgetaire-en-9-ans-pour-la-belgique/9978161.html> (дата обращения – 06.02.2019).

174. Boogman J. Federalism: History and Current Significance of a Form of Government / J. Boogman. – Springer Netherlands, 2012. – 308 p.

175. Boussart J.-D. La Vie Liégeoise, T.4 / J.-D. Boussart. – Echevinat du Commerce et des Classes Moyennes, Liège, 1974. – 249 p.

176. Cannuyer C. Goliath d'autrefois. Études sur le géant athois Goliath d'avant la restauration de 1806 / C. Cannuyer. – Centre Libre de Lecture Publique d'Ath, 1991. – 176 p.

177. Chronique de la Belgique. // Sous rédaction de L. Struye. – Paris, Chronique, 1987. – pp. 911-991.

178. Conche M. La tolérance française et sa signification universelle // Document de travail pour le 19 Congrès mondial de philosophie. (Moscou 22-28 août. 1993. UNESCO division de la philosophie de l'éthique. – Paris août, 1993. – P.77-78.

179. Conseil de l'Europe Convention-cadre pour la protection des minorités nationales: recueil de textes / Conseil de l'Europe, Ed. du Conseil de l'Europe, 2008. – Режим доступа: <https://www.coe.int/fr/web/conventions/full-list> (дата обращения – 06.11.2017).

180. Confrérie Folklorique Des Blanc Moussis. Petite et grande histoire. La Bibliothèque Royale de Belgique sous le n° D/1987/282860/. – 284 p.

181. Dandoy R., Matagne G., Van Wynsberghe C. Le fédéralisme belge: Enjeux institutionnels, acteurs socio-politiques et opinions publiques / R. Dandoy, G. Matagne, C. Van Wynsberghe. – Academia, 2013. – 256 p.

182. Dayez-Burgeon P. Belgique Nederland Luxembourg / P. Dayez-Burgeon, – Éditions Belin Sup, 1994. – 320 p.

183. Des Marez G. La lettre de foire a Ipres au XIII siècle (Bruxelles, 1901). / G. Des Marez. – Bruxelles, H. Lamertin. – 311 p.

184. Doppagne A. Belgicisms de bon aloi. / A. Doppagne. – Bruxelles, Office du bon langage (Fondation Plisnier), 1979. – 192 p.
185. Ducastelle J.P. Bayard, cheval merveilleux / J.P. Ducastelle. – Bruxelles, 2008. – 78 p.
186. Ducastelle J.P. Madame Goliath et les géantes 15-21e siècle / J.P. Ducastelle. – Bruxelles, 2015. – 274 p.
187. Dumont H. Belgitude et crise de l'État belge: actes du colloque / Dumont H. – Bruxelles: Facultés universitaires Saint-Louis, 1989. – 306 p.
188. Dupiré N. Jean Molinet: la vie – les œuvres / N. Dupiré. // Revue du Nord – Librairie E. Droz, 1932. – pp. 73-76.
189. Edelman M. Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence. / M. Edelman – New York: Academic Press, 1971. – 187 p.
190. Entre toponymie et utopie: les lieux de la mémoire wallonne. / Sous la rédaction L. Courtois, J. Pirotte. – Louvain-la-Neuve: Fondation wallonne Pierre-Marie et Jean-François Humblet, 1999. – 321 c.
191. Ethnic identity: creation, conflict, and accommodation / Edition by L. Romanucci-Ross, G.A. De Vos, 3rd ed. – Walnut Creek, CA: AltaMira Press, 1995. – 400 p.
192. Fonson F., Wicheler F. Le Mariage de Mlle Beulemans / F. Fonson, F. Wicheler, – Bruxelles: éd. Paul Lacomblez, 1910.
193. Fournier L.S. Le patrimoine, un indicateur de modernité. À propos de quelques fêtes en Provence // Ethnologie française. – № 4 (34). – 2004. – P. 717-724.
194. Fournier L.S. La fête thématique, nouveau visage de la fête locale en Provence (France) / Fournier L.S. // Recherches sociologiques et anthropologiques. – № 2 (38). – 2007. – pp. 165–174.
195. Franz H., Galloy D. La Belgique : des tribus gauloises à l'État fédéral, 3 éd. Bruxelles : De Boeck, 2001. 212 p.
196. Frenay-Cid H. Nouveau folklore: Le passé, le présent, le futur / H. Frenay-Cid. // Comprendre: revue de politique de la culture. – La Maison Du Bailli, 1968. – pp. 33-38

197. Genard J.-L. «Les politiques culturelles de la Communauté française de Belgique : fondements, enjeux et défis» / J.-L. Genard, D. Saint-Pierre, C. Audet (dir.), Tendances et défis des politiques culturelles. Cas nationaux en perspective. – Québec, INRS, Presses de l'Université de Laval, 2010 – pp.186-187.
198. Gobert T. Liège à travers les âges, Les rues de Liège, 12 vol, 1975-1978 / T. Gobert. – Bruxelles.
199. Goosse A. Mélanges de grammaire et de lexicologie françaises / A. Goosse. – Peeters Publishers, 199. – 450 p.
200. Hasquin H. Histoire et historiens depuis 1830 en Belgique. / H. Hasquin. // Revue de l'université de Bruxelles. – 1981/1-2. – 2006. – 664 p.
201. Halbwachs M. La mémoire collective. / M. Halbwachs, – P., 1950. – 105 p.
202. Hayt F., Galloy D. La Belgique: des tribus gauloises à l'État fédéral / F. Hayt, D. Galloy., 3 éd. – Bruxelles: De Boeck, 2001. – 212 p.
203. Henne A., Wauters A.G.G. Histoire de la ville de Bruxelles. Vol. 5 / A. Henne, A.G.G. Wauters. – Perichon, 1845.
204. Henry A. Histoire des mots Wallons et Wallonie, Institut Jules Destrée, Coll. « Notre histoire » / A. Henry, 3e éd.-e. – Mont-sur-Marchienne, 1990. – 144 p.
205. Heers J. Fêtes des fous et carnavals. / J. Heers. – Librairie Arthème Fayard, 1983. – 315 p.
206. Herskovits M. Les bases de l'anthropologie culturelle. / M. Herskovits. – P., 1967. – 315 p.
207. Honigman T. Culture and Personality / T. Honigman. – N.Y., 1954. – 407 p.
208. Houdard S. Le Grand Siècle ou le Siècle des Saints : une fausse perspective // Littératures classiques. – 2011/3 (N° 76) – pp. 147-154.
209. La Ducasse rituelle de Mons / Sous la rédaction de B. Kanabus. – Bruxelles: Racine, 2013. – 240 c.
210. Lallemand T. Antwerpen: Bijna 75% inwoners 0-9 jaar van allochtone origine [Электронный ресурс]. // SCEPTR. 2018. – Режим доступа: <https://scepter.net/2018/03/antwerpen-bijna-75-inwoners-0-9-jaar-allochtone-origine/> (дата обращения – 10.03.2019).

211. Lefebvre P. Stavelot. Cinq siècles de légende du Laetare. / P. Lefebvre, – Neufchateau: Weyrich Éditions, 2012. – 176 p.
212. L' emigrazione italiana // Storiaestorie. – 2013. – pp. 24-57.
213. Lieux de fête. Région de Bruxelles-Capitale (Belgium), Sprimont, Belgique : Mardaga, 1998. 121 p.
214. Maanfred B. Theatr im 20. Jahrhundert: Programmschriften, Stilperioden, Reformmodelle. / B. Maanfred. – Germany, 1986. – 296 p.
215. Meurant R. Ducace d'Ath / R. Meurant. – Bruxelles: Editions de La Phalange, 1938. – 137 p.
216. Moke G.P. Mémoire sur la bataille de Courtrai : dite aussi de Groeninghe et des éperons / G.P. Moke. – Académie royale de Belgique, 1845. – 482 p.
217. Oeillet J., Dutilleul P. Ils sont fous ces Belges ! : chroniques insolites et insolentes d'un pays paradoxal / J. Oeillet, P. Dutilleul. – Paris: Moment, 2013. – 295 p.
218. Perrier-Robert A., Fontaine C. La Belgique par la bière, la bière par la Belgique / A. Perrier-Robert, C. Fontaine. – Luxembourg: Schortgen, 1996. – 192 p.
219. Poyart A.F. Flandricismes, wallonismes et expressions impropres dans le langage français... ([Reprod.]) / A.F. Poyart. – B., 1806. – 271 p.
220. Pirenne H. Histoire de l'Europe des invasions au XVIe siècle. / H. Pirenne. – Paris/Bruxelles, 1936. – 156 p.
221. Quiévreux L. Bruxelles, notre capitale / L. Quiévreux. – Bruxelles : Edi-tons PIM-Services, 1951. – 362 p.
222. Remoortere J. van Le guide des fêtes et du folklore en Belgique / J. van Remoortere. – Bruxelles: Didier Hatier, 1987. – 431 p.
223. Rogier Ch. Lettre of Charles Rogier to Minister of Justice Jean-Joseph Raikem, 1832 // cited in E. Baudart. – L'avenir de la Wallonie, 1945. – 38 p.
224. Romanucci-Ross L., De Vos G. A. Ethnic identity: creation, conflict, and accommodation, 3rd ed (Walnut Creek, CA: AltaMira Press, 1995). 400 p.
225. Vanneufville E. Le coq et le lion: la Belgique à la croisée des chemins / E. Vanneufville. – Paris: France-Empire, 1998. – 184 p.
226. Van Wynsberghe C. Les faiblesses de la formule fédérale mise en place en

Belgique.

227. Willems J.-F. De la langue Belgique / J.-F. Willems. – Bruxelles, 1829. – 101 p.

228. Ethnic identity: creation, conflict, and accommodation / Edition L. Romanucci-Ross, G.A. De Vos, 3rd ed-e, Walnut Creek. – CA: AltaMira Press, 1995. – 400 p.

229. Et la Flandre indépendante annexa Bruxelles... [Электронный ресурс]. // LExpress.fr. – Режим доступа: URL: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/et-la-flandre-independante-annexa-bruxelles_913433.html (дата обращения – 06.02.2019).

230. Vers la scission de la Belgique? [Электронный ресурс]. // LExpress.fr – Режим доступа: URL: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/vers-la-scission-de-la-belgique_918091.html (дата обращения – 06.02.2019).

231. La Belgique, un Etat fédéral [Электронный ресурс]. // Belgium.be – Режим доступа: URL: https://www.belgium.be/fr/la_belgique/pouvoirs_publics/la_belgique_federale

232. L'interdiction du niqab en Belgique confirmée par la CEDH [Электронный ресурс]. // leparisien.fr – Режим доступа: URL: <http://www.leparisien.fr/societe/belgique-la-cour-europeenne-des-droits-de-l-homme-valide-l-interdiction-du-niqab-11-07-2017-7126128.php> (дата обращения: 02.03.2018).

233. Le wallon n'est pas une langue qu'on spotche [Электронный ресурс]. // Le Soir Plus. – Режим доступа: URL: <https://plus.lesoir.be/143137/article/2018-03-02/le-wallon-nest-pas-une-langue-quon-spotche> (дата обращения – 06.02.2019).

234. Ma commune dit oui aux langues régionales [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.federation-wallonie-bruxelles.be/index.php?id=detail_article&no_cache=1&tx_cfwbarticlefe_cfwbarticlefront%5Baction%5D=show&tx_cfwbarticlefe_cfwbarticlefront%5Bcontroller%5D=Document&tx_cfwbarticlefe_cfwbarticlefront%5Bpublication%5D=2374&cHash=c1a49278999ea1e89622402808b04533 (дата обращения – 10.03.2019).

235. 8 bons plans pour le Nouvel an chinois 2018 [Электронный ресурс]. // Out.be– Режим доступа: URL: <https://www.out.be/fr/themes/271/-8-bons-plans-pour-le-nouvel-an-chinois-2018/> (дата обращения – 06.02.2018).

236. URL:https://www.belgium.be/en/about_belgium/country/belgium_in_nutshell/symbols/coats_of_arms.

237. «Journée du Folklore et de la Tradition - Ville de Dinant» URL: <http://www.dinant.be/accueil/tout-l-agenda?key=1ere-journee-du-folklore-et-de-la-tradition&id=13244>.

238. La Libre.be, « 541 jours en 19 dates clés », URL: <https://www.lalibre.be/actu/politique-belge/541-jours-en-19-dates-cles-51b8dd94e4b0de6db9c3db3f>.

239. «Monarchie belge», The Belgian Monarchy. URL: <https://www.monarchie.be>.

240. « Le budget de la Culture 2017 en croissance : aperçu des différentes mesures », URL:http://www.federation-wallonie-bruxelles.be/index.php?id=detail_article&no_cache=1&tx_cfwbarticlefe_cfwbarticlefront%5Baction%5D=show&tx_cfwbarticlefe_cfwbarticlefront%5Bcontroller%5D=Document&tx_cfwbarticlefe_cfwbarticlefront%5Bpublication%5D=1705&cHash=408131f3887e21c7499777c8eb1e0003.

241. «Date du début de ramadan 2018/1439 en Belgique», URL: <http://fr.assabile.com/a/date-debut-ramadan-belgique-11>.

242. «Europalia | International Arts Festival». URL: https://europalia.eu/fr/historique/historique_18.html.